

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 1 2018 г.

Королевство кривых зеркал

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

1 (523) 2018

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф.; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Т.Р. Болдырева**, зам. главного редактора, **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, координатор, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, д.э.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Сулов**, зав. отделом ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, и.о. губернатора Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, к.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербакowa**, Кемеровский госуниверситет, к.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (НГУ),
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 2 На том стоим и стоять будем

Тема номера: КОРОЛЕВСТВО

КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

- 5 КОРДОНСКИЙ С.Г.,
МОЛЯРЕНКО О.А.
Умом Россию не понять
- 23 МОЛЯРЕНКО О.А.
Изоляция власти от населения
в сельской местности:
причины и последствия
- 30 КЛИСТОРИН В.И.
Полевые исследования
и социальные структуры
- 35 ЗУБКОВ К.И.
Великая русская революция 1917 г.:
взгляд через столетие

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- 53 ВОРОНОВ Ю.П.
Управление через манипулирование
(о Нобелевской премии по экономике
2017 г.)

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ

- 68 ШАФРАНИК Ю.К.,
КРЮКОВ В.А.
Можно ли соединить «пространство
нефти» и «нефть в пространстве»?
- 78 НЕТЁСОВ С.В.
Федеральные инвестиции
в биофармацевтику –
залог биологической безопасности
России
- 94 ШИБАНОВ А.П.
Зачем нужны резервы
энергетических мощностей?

РЕГИОН

- 101 ФАДЕЕВА О.П.,
НЕФЁДКИН В.И.
Вертикали и горизонталы
сельского Татарстана

- 119 ПЕЧЕНСКАЯ М.А.
Неналоговые доходы российских
регионов: тенденции
и возможности роста

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

- 127 ХОВАВКО И.Ю.
Устойчивое развитие:
местные знают лучше

ИНСТИТУТЫ РЫНКА

- 142 ЭЗРОХ Ю.С.
О перспективах изменения
«ландшафта» российской банковской
системы: кто выигрывает?

ОТРАСЛЬ

- 159 ФЕДУЛОВА Е.А.,
БАБИЧ О.О.,
АКУЛОВ А.О.,
РАДА А.О.,
САВИНА Ю.Ю.
На чем перевозить наливные
пищевые грузы?

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 168 РОИК В.Д.
Труд и качество трудовой жизни
в России: опыт XX в.
и перспективы в XXI в.

УПРАВЛЕНИЕ

- 184 ХВАЛЫНСКИЙ Д.С.
Проблемы эффективного
стимулирования агента
в системе публичных закупок
- 189 **SUMMARY**

На том стоим и стоять будем

На календаре – наступивший 2018-й год. Каким он будет, что нас ожидает, как будет чувствовать себя российская экономика? Эти и многие другие вопросы волнуют всех, кому небезразлично, что происходит в стране, в том числе тех, кто пишет в «ЭКО» и читает наш журнал.

2018-й год – начало второго столетия со времени «судьбоносных» потрясений начала XX века, а также год выборов Президента РФ, с которыми связаны надежды на позитивные перемены в экономике и обществе. Насколько оправдаются наши ожидания, на чем они основаны и какова роль экономической науки и практики управления в том, чтобы они реализовались?

При глубоком и детальном анализе динамики российского общества и государства выясняется, как показано авторами настоящего номера, что не так уж много неожиданностей и развилок нас может ожидать впереди. Среди важнейших причин – «цивилизационные особенности России» (статья К. И. Зубкова) – сформировавшийся не сегодня и продолжающийся в российском пространстве процесс воспроизводства «компонентов западного капитализма за счет ресурсов добуржуазного общества». Этот процесс послужил «структурным прототипом советской модели модернизации» и остается основой той модели формирования связей по линии «общество – государство», которая возникает в настоящее время. Разница, пожалуй, лишь в том, что современный модернизационный процесс питается из двух источников – из ресурсов не только добуржуазного, но и того общества, которое мы пытались строить на протяжении 70 с небольшим лет в XX столетии. Если российская империя послужила прототипом советской модели модернизации, то теперь и последняя вносит свой «могучий» вклад в современные трансформационные процессы.

К числу общих черт («родимых пятен») современного модернизационного процесса, несомненно, можно отнести низкий приоритет «развития принципа индивидуальности» (по С. Ю. Витте), доминирование принципа распределения «по справедливости» (см. интервью С. Г. Кордонского и О. А. Моляренко), а также всеобщее распространение договорных отношений (не «по закону», а «по понятиям»). Все эти черты и особенности в рамках общественного устройства нанизаны на своеобразную сословную структуру, основанную на конкуренции за доступ к ресурсам.

Доминирование одних сословий (групп влияния) над другими обеспечивается не только близостью к тому, кто решает, «кому сколько положено», но и монополией на «образ реальности», формируемый в той системе показателей и отчетных данных, которые «задают» желаемое видение социально-экономических процессов. Эти «статистические показатели являются объектами управления со стороны государства и муниципалитетов» (статья О. А. Моляренко).

Специфическое соединение дореформенных и современных представлений об обществе и динамике его развития не находит должного отражения в статистике и не позволяет выйти на формирование качественно новых траекторий развития. При этом процесс зашел настолько далеко, что желаемая картина настоящего и будущего (которая все более расходится с реальностью) порождает спрос на весьма специфические методы научного анализа и прогнозирования. Основные пути решения возникающих проблем видятся (особенно по мере усложнения социально-экономических процессов) в применении современных информационных технологий и методов работы с данными. Не отсутствие науки является тому причиной, а, скорее, сложившаяся система спроса на ее результаты.

В этой связи нельзя не вспомнить опыт прошлых лет. Так, на XXIV съезде КПСС в докладе председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина отмечалось, что «особое внимание во всех звеньях хозяйственной системы – будь то предприятие, объединение, министерство или Госплан – необходимо уделять оптимальности принимаемых решений... Применение электронно-вычислительных машин позволит ускорить получение и обработку информации, разработку различных вариантов плана и нахождения оптимальных плановых решений»¹.

В настоящее время, на новом витке модернизации общества и государства, много говорят не только о необходимости оптимизации расходов бюджета и структуры управления государством, но и об ускоренной «цифровизации экономики». Одно из важнейших направлений при этом – «обеспечить подъем информации по вертикали и ее распространение по горизонтали». Современные базы данных, системы, построенные на принципах блок-чейн, видятся как мощнейший рычаг преодоления возникающих проблем, среди которых – отрыв «картинки» от реальности, отсутствие многих важнейших финансовых и экономических индикаторов, характеризующих состояние и динамику социально-экономических процессов.

¹ XXIV съезд КПСС. 30 марта – 9 апреля 1972 г. Стенограф. отчет. В 2-х т. Т. 2. – М.: Изд-во политической литературы, 1971. – 592 с. (С. 51–52).

Нельзя не согласиться с академиком В. В. Ивантером в том, что «компьютеры не в силах заменить собой стимулы для сбалансированного развития экономики, естественные только для рыночных отношений»². Эти стимулы заключаются не столько в широкой и повсеместной цифровизации всех сторон нашей жизни, сколько в преодолении «родимых пятен» и далекого, и недавнего прошлого.

Прежде всего, это касается отхода от распределения «по справедливости» (и лежащей в его основе сословности), от управления исключительно на основе «достоверных статистических данных». Социальная статистика и ее применение в процессах управления – от анализа ситуации до выработки и принятия решения – всегда предполагала наличие глубокого содержательного (качественного) анализа процессов, происходящих в реальной жизни.

Именно такой подход всегда лежал (и будет лежать) в основе ключевых принципов работы журнала «ЭКО». Не только уметь работать и понимать количественную сторону социально-экономического явления, но и видеть, что (или кто) за этим стоит, как это влияет на состояние и динамику представляемого объекта и процесса. Количественный анализ (каким бы «цифровизированным» он ни был) не может дать представительную картину без анализа фундаментальных причин и факторов, лежащих в основе данных явлений. Здесь нет места подгонке выводов и обобщений под те или иные теоретические концепции (которым сейчас «несть числа») и когда-то кем-то выстроенные схемы. Практичность, современность и своевременность – важнейшие принципы журнала на протяжении более 47 лет.

Наш подход далек от схемы и выверенной и универсальной последовательности шагов анализа и оценки. В его основе – следование общим ценностям и «принципу индивидуальности, а, следовательно, и сознанию собственности и гражданственности» (перефразируя слова С. Ю. Витте – см. статью К. И. Зубкова). Анализ социально-экономических процессов немислим вне гражданского общества и тех реальных возможностей, которое оно предоставляет каждому из нас.

На этом стоял, стоит и стоять будет наш с Вами, уважаемые читатели, журнал «ЭКО».

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

² Ивантер В. В. Одной цифры не хватило // Российская газета. – 2017. – 27 авг. URL: <https://rg.ru/2017/08/27/viktor-ivanter-cifrovaia-ekonomika-ne-porozhdaet-bezroboticu.html>

Умом Россию не понять

С.Г. КОРДОНСКИЙ, кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой местного самоуправления Департамента государственного и муниципального управления Факультета социальных наук, заведующий Проектно-учебной лабораторией муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики»,

О.А. МОЛЯРЕНКО, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры местного самоуправления Департамента государственного и муниципального управления Факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», Москва

В интервью одного из авторов теории административного рынка профессора С.Г. Кордонского и кандидата социологических наук О.А. Моляренко поднимаются вопросы эффективности государственного управления в России, взаимоотношений общества и власти, страны и государства. Эксперты делятся личными наблюдениями за жизнью российской глубинки, работой властных структур (С.Г. Кордонский в течение пяти лет работал в Администрации Президента РФ, О.А. Моляренко длительное время посвятила полевым социологическим исследованиям сельских поселений в разных регионах России) и делают вывод, что государство, власть как институт и страна как общество находятся в параллельных реальностях. В беседе были также затронуты проблемы имитационной деятельности демократических институтов в сословном обществе и неэффективности заимствованной на Западе системы образования.

Ключевые слова: сословия, рынок, классовое общество, сословное общество, сословная рента, статистические искажения, государственное управление, теневая экономика, репрессии

«ЭКО» уже не первый раз обращается к теме эффективности (вернее, удручающей неэффективности) государственного управления в России. Одно из возможных объяснений хронических неудач с привитием на российскую почву западных стандартов управления и организации социально-экономических отношений предлагает теория административного рынка. Сегодня в гостях у «ЭКО» один из ее авторов, ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики», в 2000–2004 гг. возглавлявший экспертную группу при Администрации Президента РФ, С.Г. Кордонский и кандидат социологических наук преподаватель кафедры местного самоуправления НИУ ВШЭ О.А. Моляренко.

О классах и сословиях

– Симон Гдальевич, согласно вашей теории, западные подходы в нашей стране неприменимы в принципе, потому что сама структура общества разная. У них классы, у нас – сословия, у них рынок и капитал, у нас – рента и ресурсы. Можно ли сказать, какая структура более прогрессивная, современная? Мы привыкли считать, что сословия – это что-то почти феодальное, докапиталистическое...

– Я бы не ставил так вопрос. Вы привыкли рассуждать по Марксу: общественные формации сменяют одна другую – от первобытного строя через феодализм к капитализму, социализму и т.д. В его теории это работает. В нашей концепции структуру общества определяют механизмы согласования интересов между его основными группами и властью. В любом обществе существует неравенство. Кто-то больной, кто-то здоровый, кто-то умный, кто-то не очень, кто-то богатый, кто-то бедный. В зависимости от того, как мы выравниваем их взаимоотношения, достигая социальной справедливости, получаем разные модели государственного устройства.

В классовом обществе реализуется уравнительная справедливость – есть равенство всех перед законом при неравенстве по доходам. Имущественное неравенство порождает классовое расслоение. Для того чтобы можно было договариваться, появляются политики, которые выражают интересы своих классов, парламент, в котором они вырабатывают законы, судебная система, которая обеспечивает выполнение этих законов. В идеале такое общество движется к тому, что мы привыкли называть капитализмом. Лучший инструмент развития такого общества – демократия.

Но существует и совершенно другой принцип распределения – «по справедливости». Здесь не члены общества, не отдельные классы между собой договариваются, а некто «сверху» (неважно – монарх, президент, кабинет министров – в целом «власть» или «государство») принимает на себя роль арбитра и решает, кому сколько положено. А чтобы проще было распределять, все население делится на группы (сословия). Они могут быть какими угодно – имущественными, профессиональными, конфессиональными, этническими, возрастными... Главный принцип – их место в системе и размер их доли общественного ресурса определяются «сверху». В этой системе инструменты классового общества – демократия, парламент, независимый суд – оказываются лишними, государство берет их функции на себя. Конечная цель такого состояния есть социализм. Хотя, безусловно, все феодальные общества тоже строились и строятся по этому принципу.

– Но многие феодальные общества потом перешли к капитализму. А современные сословные государства куда идут? Например, бывшие страны соцлагеря – они же не так долго

пробыли в социализме, они потом вернулись к общеевропейской классовой парадигме?

С.К. – Нет. На мой взгляд, из всех постсоциалистических стран это удалось только Чехии и отчасти Польше. Как – не знаю. Тут многое зависит от того, где формируется власть – в классовой либо в сословной структуре. Остальные из этих стран, как и Россия, приняли только внешнюю оболочку демократии, но принципы организации социальной жизни остались прежними, разве что сословные группы теперь другие. Например, в Прибалтике четко выражен национальный принцип, у нас это могут быть «бюджетники» или «силовики». В смысле развития общественных отношений сословные общества никуда не идут, а движутся по кругу. Скажу больше: в последние годы в демократических рыночных странах появились отдельные сословные группы, которые государство выделяет из общей массы путем каких-то привилегий. Это могут быть сексуальные, национальные меньшинства, какие-то профессиональные группы. Например, европейские фермеры объединились как сословие. Сначала оно было создано «сверху», получив очень существенные льготы, потом они самоорганизовались «снизу» и сейчас определяют сельскохозяйственную политику.

– Можно ли из этого сделать вывод, что в определенном смысле сословные отношения оказываются эффективнее и предпочтительнее рыночных?

С.К. – Во-первых, всегда будут существовать группы людей, для которых такие отношения предпочтительны, как и наоборот. Во-вторых, нужно понимать, что идеального сословного или рыночного общества не существует. Практически в каждой стране есть элементы и того, и другого – хотя бы внутри отдельных сообществ. Скажем, наши корпорации, будучи абсолютно сословными формированиями внутри страны, на внешних рынках действуют как рыночные структуры. И наоборот, западные корпорации внутри себя выстраивают сословные отношения. Внутри отдельных сословий может существовать классовое расслоение: среди тех же врачей, учителей, военных есть бедные и богатые, привилегированные и не очень. Но если говорить на уровне отдельных стран, определяющей для них является позиция власти. Если власть находится в классовой структуре, действует рыночными методами, придерживается политических договоренностей,

структура общества в целом остается классовой. В России при всей рыночной риторике структура остается сословной, методы управления – административными, а отношения – договорными: не «по закону», а «по понятиям». Каждый раз заново по любому поводу.

– *Вы говорите, что одна из отличительных черт сословий – то, что они назначаются «сверху». Но, например, политические партии, разного рода предпринимательские объединения (РСПП, «Деловая Россия»), – это же элементы рыночной структуры. Как они вписываются в структуру сословного общества?*

С.К. – Это только оболочка, видимость. Они же на самом деле созданы властью, чтобы проще было договариваться. Те же предпринимательские объединения – это аналоги купеческих гильдий: РСПП – купцы первой гильдии, «Деловая Россия» – второй, «ОПОРа России» – третьей. И они действуют абсолютно в логике сословного общества – когда им кажется, что их притесняют, – жалуются Президенту. А что он им отвечает в ответ на эти жалобы? – «Не пишите друг на друга». Я сам это слышал... Я знаю лишь один случай самоорганизации бизнеса в России – в Ульяновске мебельщики организовали цех, легализовали его в отношениях с губернатором, и там сейчас схема сбора ренты с мебельщиков очень хорошо налажена. Никаких конфликтов с контролирующими органами. Больше я о таких цехах не слышал.

– *Согласно вашей концепции, в сословном обществе о каком-то прогрессе, развитии нельзя говорить. Но ведь страну то и дело лихорадит, причем не всегда это вызвано внешними причинами. То революции, то перевороты, то кризисы. Чем они объясняются?*

С.К. – Это циклические вещи. Сословия – это не что-то раз и навсегда застывшее. Они меняются, конкурируют за доступ к ресурсам¹. Пока ресурсов достаточно, и власть может более-менее удовлетворить все запросы, всё хорошо. Как только возникает дефицит распределяемых ресурсов, сословия начинают

¹ В теории административного рынка ресурсы понимаются как возможности, которые совсем не обязательно станут реальностью, в отличие от капитала. Последний представляет собой ресурс, реализовавшийся в процессе возрастания стоимости на рынке. Ресурсное богатство меряется натурой. В имперской дореформенной России основными ресурсами были земля и крепостные, в СССР – принудительный труд, энергетика и природное сырье... (см.: Кордонский С. Ресурсное государство: реконструкция прошлого. URL: <http://www.liberal.ru/articles/1290>).

бороться за их передел. В нашей истории таких масштабных переделов было несколько. Это, конечно, петровские реформы, когда архаичная местечковая структура России была переформатирована в сословную структуру с табелем о рангах. Второй передел – 1917-го года. Тогда имперская сословная структура рухнула под давлением огромной массы деклассированных элементов, накопившихся после реформы 1861 г. Вот тогда, кстати, в России началось классическое классовое расслоение: появились богатые и бедные. Но коммунисты ликвидировали это расслоение и создали новую сословную структуру из рабочих, крестьян и служащих. При этом остатки старых сословий (и даже некоторые новые – например, «старые большевики») были физически уничтожены в репрессиях 1928–1938 гг...

Следующий передел был в 1991 г., когда советские сословия исчезли вместе с руководящей ролью партии. Снова началось социальное расслоение, в ходе которого появились новые богатые («новые русские») и новые бедные: учителя, врачи, военные, ученые и т.д. Они стали давить на государство с целью навести порядок, обеспечить приток ресурсов. Наведение порядка началось с 2001 г., когда власть ограничила рынок и начала изымать ресурсы у богатых в пользу бедных.

Но формирование новой сословной структуры современной России еще не закончено. В имперской, советской структурах была самоидентификация – каждый себя идентифицировал с определенным сословием, и сословные границы были довольно четкими. Когда есть соответствие внешней и внутренней идентификации, возникает общность, внутри нее вырабатываются свои нормы, появляются сословные собрания, суды чести и т.п. Возникают всем понятные сословные лифты. Например, в СССР было понятно, как делать карьеру: вступил в комсомол, потом в партию, поступил в вуз, попал в партком вуза, оттуда в райком, потом на хозяйственную работу. А дальше как повезет: либо в партийную иерархию, либо в контрольную – в прокуратуру, комитет народного контроля. По этой лесенке можно было забраться на самый верх. И на каждой ступени были понятные, устоявшиеся правила игры, неписаные нормы. Но если самоидентификации нет, то и саморегулирующие механизмы не появляются.

– *А они нужны?*

С.К. – Нужны. Они сильно облегчают жизнь, упорядочивая взаимоотношения. Человеку вообще важно чувствовать свою общность с другими людьми. Не случайно сейчас так популярны соцсети, а в соцсетях – разные «группы подписантов». Эти за Крым, те – за Украину и т.д. Это тоже механизм самоидентификации.

О стране и государстве

– Насколько активную роль в процессе становления новой сословной структуры в России играет государство? Такое впечатление, что «наверху» не очень понимают, что в стране происходит, где уж тут управлять процессом...

С.К. – Действительно, это один из парадоксов нашей страны. Государство, власть как институт и страна как общество находятся как бы в параллельных реальностях. С точки зрения власти, существуют некие группы, которые она сама же и создала. Они находятся в определенных отношениях друг с другом, и действуя монетарными или репрессивными механизмами, можно управлять этими отношениями, обеспечивая тем самым прогресс. Если смотреть на эту систему «сверху», так она и выглядит. Но если посмотреть «снизу», окажется, что единой системы не существует, она распадается на множество отдельных элементов, каждый из которых действует независимо друг от друга, и с каждым нужно выстраивать свои отношения. Одно дело закон, который «для всех один», другое дело – конкретный полицейский, с которым всегда можно договориться; но эти договоренности достигаются уже не по закону, а «по понятиям». Одно дело – предприятие, корпорация как юрлицо, другое дело – технологический процесс, в котором существенные технологические операции оказываются выведены «в гаражи»; но эту «нижнюю реальность», которая дает существенную часть дохода, в отчетности корпорации вычленить невозможно. В сельском хозяйстве «сверху» кажется, что агрохолдинги всех вытесняют, а снизу – каждый руководитель конкретного подразделения находится в специфических отношениях – экономических, политических и т.д. – с местным населением, фермерами, властями, и эти отношения «сверху» не видны. Их вообще трудно как-то систематизировать².

² Об этом феномене говорится, в частности, в статье О. П. Фадеевой и В. И. Нефёдкина «Вертикали и горизонталы сельского Татарстана» в этом же номере.

– *Ольга Андреевна, в своем докладе на чтениях памяти Т.И. Заславской вы сказали, что те статистические показатели, на которые государство опирается в своих решениях, не соответствуют реальности...*

О.М. – Реальность просто не попадает в отчетность. Чем дальше «от земли», тем сильнее искажается восприятие реальности. Мы попытались проанализировать, что ведет к этому искажению, и выделили три основных блока ошибок. Первый блок связан с тем, что любая система учета как таковая неизбежно означает упрощение и уплощение реальной картины мира. Любой учет фиксирует лишь более-менее однородные и необходимые для управленческих нужд характеристики объектов или процессов. Их специфика, уникальные особенности, которые очень часто и определяют их реальное место в жизни, как правило, остаются незамеченными.

Второй блок связан с тем, что даже избирательные показатели собираются с рядом методических и технологических отклонений и ошибок. Потому что не хватает ресурсов, потому что непосредственные исполнители часто стремятся оптимизировать свою работу (условно, опрашивают тех респондентов, до которых проще дойти, а не тех, кто соответствует выборке, часть ответов, на которые респонденты отказались отвечать, «додумывают» сами и т.д.). Масса случайных искажений возникает в связи с оптимизацией органов власти и федеральных ведомств³.

И третий блок – это намеренные манипуляции статистическими данными, которые неизбежно возникают, когда статистику начинают использовать для оценки эффективности деятельности тех или иных органов или для расчета финансирования. Взять хотя бы криминальную статистику. Она полностью формируется внутри правоохранительной системы и одновременно служит главным критерием оценки ее деятельности. Судить по ней о реальном состоянии преступности в стране по меньшей мере наивно. Или частное строительство. Согласно исследованию грантополучателей фонда «Хамовники», огромная часть вводимого малоэтажного жилья регистрируется до четырех раз: по одной форме – как индивидуальное жилищное строительство,

³ См. статью О.А. Моляренко «Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия» в этом же номере «ЭКО».

по другой – как многоквартирное жилье, отдельно учитываются введенные метры при регистрации права собственности и при вводе дома в эксплуатацию. Но даже несмотря на четырехкратный учет, во многих регионах в 2014–2016 гг. объем жилищного строительства не дотянул до уровня 1989 г....

Аналогично – статистически, а не фактически – происходит исполнение Майских указов Президента. Средние зарплаты формально растут за счёт увеличения нагрузки на ставку и сокращения сотрудников, перевода надбавок в оклад и иных манипуляций с показателями. Примеров очень много – проблема давно уже приняла системный характер.

Безусловно, власти интуитивно осознают, что прозрачности не хватает. Не случайно вводятся всё новые и новые формы отчетности, растёт поток разнообразных запросов и требований. Исполнителей ещё сильнее заваливают работой, но общая картина от этого не проясняется, а только обрастает новыми деталями, которые некому осмыслить и систематизировать. Но одновременно складывается ощущение, что некоторые высокие чиновники все чаще и чаще путают «картинку» с реальностью, и тогда появляются заявления типа: «Если студентам не хватает мест в общежитии, пусть они купят себе квартиру». Похоже, эти люди действительно так думают. Страшно, что таких заявлений и таких людей во власти становится все больше.

– *Симон Гдальевич, вы же работали в Администрации Президента. Вас туда пригласили как опытного социолога, профессионала в своем деле, и с вами работали другие профессионалы, которые, наверное, еще не успели «оторваться от жизни»...*

С.К. – Все не так. Во-первых, та функция, которую я там выполнял, не имела никакого отношения к моей предыдущей работе и к социологии вообще. Я занимался обеспечением публичной деятельности Президента и курировал образование, здравоохранение и науку. То есть на своей должности я не был профессионалом или экспертом, как и все мое окружение. У меня в управлении было 42 человека. Из них половина – это бывшие высокопоставленные милиционеры или разведчики (ГРУ), а другая половина – чиновники прежних аппаратов. Например, наша секретарь работала секретарем еще в Верховном совете СССР. Она, конечно, профессионал в области документооборота, но принятия каких-то решений от нее не требовалось.

Во-вторых, когда я согласился на эту работу, у меня действительно были профессиональные интересы. Я хотел получить доступ к информации, думал, что там ее целые кладези. Но оказалось, что все это работает совсем по-другому. На деле у меня есть компьютер внутренней сети, по нему идет сводка (в основном «Интерфакс», ТАСС плюс еще какие-то внутренние сведения). Кроме того, ежедневно в 9 утра на столе появляется обзор, который готовит пресс-служба, копируя наиболее интересные, по ее мнению, статьи, которые необходимо довести до сведения сотрудников аппарата. Есть телевизор. Там важно, не что показывают, а в каком порядке, и кто эти новости озвучивает. И есть помощник – начальник аппарата (генерал, между прочим), который приходит на работу раньше меня, обменивается сплетнями с другими начальниками аппаратов и потом докладывает мне, что происходит во власти, с их точки зрения. И последнее – это список поручений от вышестоящих инстанций. Настоящий аппаратчик отличается от примитивного, вроде меня, тем, что понимает, какие поручения нужно сразу исполнять, какие отложить, а какие можно не делать вообще. На деле это никак не формализовано и должно ощущаться на уровне чутья. Все это вместе обеспечивает информационный фон. Совершенно не важно, что на самом деле происходит в стране. Информация рождается в стенах Кремля и там же реализуется.

Скажем, надо писать для Президента речь об экономике, значит, нужны цифры по инфляции. Мне приходят бумаги из ЦБ, Минфина, Минэкономразвития, Росстата – всего четыре источника. Цифры у всех разные, причем различаются не на доли, а на единицы процентов. И вот собирается совещание представителей ведомств, на котором принимается коллегиальное решение, что инфляция у нас в этом году будет такая-то...

О.М. – Надо иметь в виду, что у большинства ведомств, включая Росстат, в методологии не зафиксирован продукт, цены на который нужно измерять при определении стоимости потребительской корзины. Просто названы, скажем, «изделия хлебобулочные из пшеничной муки». Если надо показать, что инфляции нет, можно взять батон подешевле, и наоборот. Просто меняя конкретный продукт в корзине, вы делаете ту цифру, которая вам нужна.

С.К. – Но это все решается не «наверху», а на уровне рядовых исполнителей, на уровне аппаратного чутья – какую инфляцию можно показать и для кого.

– *А ведомства не могут между собой договориться о методике, чтобы избежать разночтений?*

О.М. – Нет. У нас очень серьезные информационные межведомственные барьеры. В 2006–2007 гг. был принят пакет законов о защите, конфиденциальности, персональности информации, и теперь обмен данными по конкретным единицам наблюдения запрещен. Ведомства могут делиться друг с другом только обобщенными данными, которые непонятно как считаются. Сопоставимость методик, выборки нужно сверять отдельно, но это очень трудно, и никто этим не занимается. Более того, ведомства часто конкурируют друг с другом за «правильность» цифр. Например, экономические показатели Налоговой инспекции и Росстата часто «не бьются» в два-три раза, но им даже в голову не приходит разобраться, почему это происходит, и как-то синхронизировать методики. В результате случаются любопытные казусы. Мне в десятке регионов рассказывали о случаях, когда региональные власти, посмотрев весьма оптимистичные данные Росстата (которые собираются по выборочным наблюдениям) о росте доходов населения, начинали требовать с ФНС увеличения поступлений по НДФЛ. Но ФНС по сплошной генеральной совокупности никакого роста доходов не фиксирует, и откуда Росстат взял свои цифры, не понимает. Точно так же не совпадают данные Росстата о количестве жителей с теми данными, которые собирают главы сельских поселений (а там, как правило, всё ещё знают большинство своих жителей лично). Расхождение доходит порой до 15%. Но самое интересное, что на региональном уровне и выше этих несовпадений никто практически не замечает – они проходят по разным документам и по разным каналам отчетности. Я специально спрашивала во многих регионах, сравниваются ли данные текущего учета по хозяйственным книгам и итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи? Нигде, ни разу! А раз так, то и проблем, вроде бы, нет. Каждое ведомство продолжает спокойно оперировать своими цифрами, считая, что они и есть самые верные.

– *То есть получается, процесс абсолютно неуправляем... Страна живет сама по себе, государство в лице собственных*

органов – само по себе... На Ваш взгляд, можно ли в этом хаосе каким-то образом определить направление развития общества?

С.К. – Здесь понятие развития неприменимо. Страна выживает, а государство пытается это выживание превратить в какое-то развитие. Но это у него плохо получается, потому что усилия направлены не туда, куда надо, решения принимаются ситуативно.

О.М. – Объективно государство (в лице органов власти) стремится к большей упорядоченности и прозрачности, потому что управлять так проще. Но все его усилия приводят к обратному результату. Мне нравится, как Л. Е. Бляхер это называет – Государство-мОрок. У нас есть некие имитационные институты, вроде демократии, парламента, чтобы показывать другим странам, что мы «свои» и можем на равных участвовать в выработке решений на мировой арене, иметь международные взаимодействия. Но это внешняя оболочка, вроде плаща-невидимки, а внутри – как было всё самостийно, так и остается.

О способах защиты от государства

– Но сам-то объект управления как-то меняется под воздействием власти?

С.К. – Естественно. Власть всегда хочет залезть народу в карман, а тот защищается – зашивает одни карманы, создает другие. В социальном смысле – во взаимоотношениях с государством – страна у нас самая инновационная в мире. Все вынуждены крутиться, изобретать способы ухода и защиты от государства. И здесь творчество народа фантастически богато и интересно. Например, по подсчетам РАНХиГС, в России 33 млн самозанятых. Это более 44,8% трудоспособного населения, а если считать семьями – то три четверти домохозяйств. Практически вся эта занятость – теневая. Причем, иногда люди работают на очень высоком технологическом уровне. В Москве есть район под названием «Шанхай», там в гаражах помимо прочего производятся запчасти для импортной автотехники. На советских координатно-расточных станках (конечно, списанных) ставят китайские асинхронные двигатели, вся «математика» наша, поскольку рядом МГУ. Детали получаются настолько качественные, что зачастую идут как импортные. И таких гаражей там тысяч пять...

О.М. – Но нужно понимать, что это именно ремесло, а не технология, поскольку всё это производится в штучном виде.

С.К. – Отдельные элементы высоких технологий выносятся в ремесло, в промысел. И это происходит повсеместно, по всей стране. Есть даже включенность в глобальные цепочки. Например, по производству синтетических наркотиков. Рецепт наша, производство – Китай.

О.М. – Максимально диверсифицируются источники дохода и сословная принадлежность домохозяйств. Например, очень распространена ситуация, когда один член семьи – предприниматель (неважно, в официальной или теневой среде), другой – муниципальный чиновник или госслужащий.

С.К. – Были мы в одной из поездок в администрации города Урюпинска. В ней 28 человек, из них 26 – женщины. Разумные, хорошие. Сделали прекрасный бренд «Урюпинск», с которого живет весь город. Мужья у всех предприниматели, которые выжили в 1990-е годы. Как – непонятно, следов серьезного бизнеса мы там не увидели. Но по уровню жизни, по ценам в общепите ясно, что деньги у людей есть. И вот это семейное единство «власть и промысел» обеспечивает стабильность.

– Но это всё примеры из городской жизни, а деревни безлюдуют.

С.К. – Это видимое безлюдье. Мы возили студентов в Медведево Костромской области. Там живут сотни две человек, но никого не видно, потому что люди заняты делом. Одни в лесу – охотятся, делают заготовки, другие уехали за покупками. Люди все время чем-то заняты...

– Но как же? Ежегодно десятки деревень вычеркивают из перечня населенных пунктов, потому что там никто не живет.

С.К. – Это немного другой процесс. Формируется новая система расселения, которая не совпадает с административно-территориальным делением. Люди стягиваются к большим городам, к райцентрам, к трассам. Страна, с одной стороны, опустынивается, с другой – происходит новая, вторичная урбанизация, которая не фиксируется официальными органами.

О.М. – В то же время те населенные пункты, которые официально пусты и безжизненны, на деле вполне могут оказаться сезонно обитаемыми. Летом городское население часто переезжает за город, просто это нигде не регистрируется. Раньше сезонную

активность населения можно было отследить через систему регистрации (снимая на лето дачу, надо было обязательно отметить в сельсовете), потом был период, когда многие горожане, уезжая надолго из городской квартиры, писали заявление в ЖЭУ, чтобы им снизили коммунальные платежи. После введения индивидуальных счетчиков такая необходимость отпала, и сезонная подвижность населения выпала из поля зрения власти.

С.К. – Но в целом село и город постепенно становятся одним селитебным пространством, их все труднее разделить. Дачники могут жить в сельском доме по 6–7 месяцев. У многих из них есть огороды, они покупают продукцию в местных магазинах, кто-то может работать на удаленном доступе или ездить каждый день в офис. Кто они? «Городские» или «сельские»? А сейчас еще фиксируют появление «рабочих изб». «Гаражные» умельцы бросают или продают городские квартиры, гаражи, ставят где-нибудь в пригороде или на селе коттеджи с теплыми флигелями или пристройками и переносят туда свое ремесленное производство.

О.М. – В СССР формой стабильности существования был распределенный образ жизни. У вас были квартира, дача, гараж, огород, и вы диверсифицировали деятельность – здесь была работа, здесь вы жили, здесь выращивали овощи. А сейчас наметился процесс собирания всего этого распределенного существования на одной территории. Косвенно это можно связать с ухудшением государственного контроля. Руки у государства становятся короче, не так страшно соединить всё в одном месте.

О науке и образовании

– Понятно, что государство теневую экономику не видит. А ученые? Периодически мы видим оценки экспертов о масштабах теневой экономики, значит, этот феномен поддается научному исследованию?

С.К. – Я думаю, в целом – нет, хотя отдельные (и очень интересные) попытки существуют – исследования тех же промслов, «гаражной экономики». И дело не в том, что реальность постоянно меняется, подстраиваясь под новые инициативы власти, и не в том, что «теневики» неохотно рассказывают о себе. Большинство наших социологов привыкли работать как фарисей-книжники. Начитались переводных работ, поучились на Западе и ищут здесь что-нибудь похожее.

О.М. – Они пытаются наложить на нашу реальность ту сетку, которая создавалась под другую действительность. Где-то, возможно, и получится совпадение, но в целом наша реальность не может быть описана таким путем.

– Т.И. Заславская как-то пыталась перевернуть эту ситуацию – в полевых исследованиях изучала именно реальность, порой получая неожиданные результаты. В нынешних условиях это возможно? При изменении подходов, методов исследования?

С.К. – Думаю, нет. Не забывайте, что тогда существовала жесткая социальная структура – рабочие, крестьяне, служащие, была иерархия поселений. Татьяна Ивановна исследовала очень упорядоченную реальность, и сделала для этого очень много. Но эта реальность исчезла в 1991 г.

– Многие возлагают надежды на молодое образованное поколение. Академик А. Г. Аганбегян не устает повторять, что по уровню образования населения наша страна занимает очень неплохие позиции в мире...

О.М. – Вопрос в том, в какой картине мира они образованны. Ведь бóльшая часть содержательного социально-экономического образования заимствована нами на Западе и готовит будущих специалистов к условиям идеального рынка, совершенной конкуренции и т.д., а у нас совсем другая социальная укорененность. Соответственно, и сама страна, и происходящие в ней процессы для молодежи так же непрозрачны, как для руководящей элиты. И, кстати, на муниципальной и госслужбе существуют огромные кадровые проблемы. Если старые советские управленцы, наблюдавшие весь период трансформации, могут иногда принимать решения исходя из опыта, интуиции, то молодые специалисты в этом хаосе просто теряются.

С.К. – В среде столичных предпринимателей молодых специалистов с дипломом МВА называют «дятлами». Их держат в конторе, чтобы выставлять на передний край, когда приходят всякие инспекции, представители международных организаций и т.д. Они хорошо пишут отчеты, иногда даже – на приличном английском. Но в реальное дело их не пускают. В той онтологии, в которой она к нам импортирована, образованность чаще мешает...

– А мы-то надеялись, что хотя бы экспертное сообщество, наука смогут открыть власти глаза: вот что на самом деле происходит.

О.М. – Это возможно, наверное, только в идеальном мире. У нас и государство работает «не так», и наука – тоже «не так».

С.К. – Нет у нас науки. В СССР наука была элементом системы получения импортной информации. Были военно-промышленная комиссия, комитет по науке и технике, множество разведок, и наши ученые довольно часто получали от них данные в уже (или почти) готовом виде. Почему старшее поколение ученых плохо пользуется современными источниками информации? Потому что они привыкли получать ее в первом отделе под расписку. У меня есть воспоминания Красникова – резидента советской разведки, который курировал информацию по атомной бомбе. Там очень интересные наблюдения о советских физиках. Как они дрались за те пакеты, которые им давали, а потом получали сталинские премии и звания героев...

С общественными науками еще хуже. Если раньше ни одна статья не выходила без ссылки на Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, то теперь их заменили Т. Парсонс, Р.К. Мертон и другие. В той же самой логике – как на единственно верное учение – обязательно идет ссылка на авторитеты. Только авторитетов теперь побольше – не четыре, а несколько десятков.

О.М. – Здесь еще важен и спрос на научную экспертизу. Например, в части социально-экономических исследований складывается ощущение, что по всем госзаказам наука выдает примерно одни и те же отчеты, просто меняя дату на первой странице. И это всех устраивает. Вероятно, это одно из последствий той системы грантового финансирования, которая получила распространение в последние годы. По сути, чтобы получить грант, нужно быть не серьезным ученым с содержанием, а человеком, который может потратить много часов на заполнение длиннейшего, абсолютно бюрократического документа и затем выдать необходимое количество устраивающих заказчика результатов. Мне кажется, это приводит к негативному отсеву: действительно содержательные ученые просто уходят, потому что не хотят этим заниматься.

С.К. – Эти проблемы существуют не только у нас. Я считаю, что парадигма науки как института практически выработана. Наука сейчас воспроизводит самое себя, и то, что в публичном поле называется наукой, на самом деле – технология. За последние 50 лет, начиная с 1970-х годов, ничего радикально нового, меняющего картину мира, не произошло...

И снова о стране и государстве

– Возвращаясь к первоначальной теме разговора – ведь и с госуправлением проблемы не только у нас. Посмотреть на европейскую бюрократию – она ничем не лучше нашей. Такая же бессмысленная, лишённая информации и так же не способна видеть реальное положение дел. Может быть, и власть деградирует как институт?

О.М. – Я бы сказала, что все те упрощённые конструкции, через которые государство воспринимает реальность, изначально слишком ограничены. Если зона ответственности государства относительно невелика, все более-менее выравнивается без его вмешательства, но как только оно пытается централизованно отвечать за существенную часть экономики (а это сейчас происходит повсеместно), сбои в статистической обеспеченности, в информационной прозрачности становятся существенной помехой для всей системы. Поэтому так важно осознавать качество той информации, на которую вы опираетесь...

В научной среде это уже многие понимают, особенно в развитых странах. Ещё в 2007–2008 гг. группа экономистов под руководством Стиглица начала очень интересное исследование о том, почему понятие ВВП не имеет смысла при оценке качества жизни. Причина, по их мнению, в том, что это понятие разрабатывалось в 1930-х гг. совсем для других целей, и в управлении поначалу применялось очень аккуратно – все знали, что там есть целый пул методических ограничений. Точно так же и система статистики. Раньше профессионалы понимали, что это очень специальная информация, имеющая свои пределы репрезентативности. Но когда тот или иной концепт существует достаточно долго, все забывают, что когда-то были какие-то ограничения, что, условно, карта – не территория. И вот это в конечном итоге приводит к страшным управленческим ошибкам. На знаю, как на Западе, но наши власти, во всяком случае, этого не видят.

С.К. – У нас все рецепты сводятся к тому, чтобы кому-то (куда-то) дать денег или кого-то посадить. Эти методы уже не работают, но других у нашего государства нет.

– В одном из интервью вы говорили о том, что репрессии неплохо справляются с регулятивной функцией межсловных отношений.

С.К. – Да. В том смысле, что они регулируют процесс сбора ренты. В сословном обществе рента служит некоей связкой, своеобразной формой иерархизации: кто кому платит. Иногда это делается неформально – например, в виде взяток. Почему большинство автомобилистов без разговоров платят «гаишникам»? Потому что таким образом демонстрируется подчиненное положение сословия автовладельцев сословию людей с полосатой палочкой. Но есть и формализованные рентные отношения. Это процедуры разного рода лицензирования, аккредитации, разрешения, согласования... К примеру, программист написал программу, и чтобы ее продать, он должен получить на нее лицензию в фирме, ассоциированной с ФСБ, причем стоимость лицензирования иногда выше стоимости самой программы.

При этом в рентных отношениях есть специфическое понятие справедливости – нужно «брать по чину». Единственным способом обеспечения такой справедливости выступают репрессии. Когда репрессии достаточно жесткие, рента (откат) держится в разумных пределах (например, при Сталине – не выше 10%). Тогда большую часть ресурсов государство направляет на какие-то общенародные нужды, страна развивается. При Брежнев репрессий практически не стало, и «норма отката» выросла в разы, мы получили «застой». Сейчас откат доходит до 70%. Понятно, что в такой ситуации никакого экономического развития быть не может – все ресурсы уходят в откаты, попросту разворовываются.

– *То есть нужны «твердая рука», массовые посадки, и страна начнет развиваться?*

С.К. – В рамках сословной системы – да, нужно сажать. Причем сажать массово, эпизодические репрессии не помогут. Но проблема в том, что сейчас непонятно, кого сажать и за что, и неясно, чем сидящие будут заниматься. Это в своем роде экзистенциальный кризис власти – очень хочется навести порядок, но непонятно, кто будет жертвой наведения порядка и куда девать «опилки», которые при этом возникнут.

– *У вас как у исследователя есть какие-то предположения, во что всё это может вылиться?*

С.К. – Ничего кардинально не изменится. Мы же с вами говорили, что в сословной системе нет ни времени, ни развития. Будущее здесь представляется как воспроизведение хорошего

прошлого. Все различие между отдельными людьми и группами состоит в том, какое именно прошлое кажется им хорошим. Для одних это царская империя, для других – сталинские времена, для третьих – 1970-е гг... Вот сейчас появится единый учебник истории, который скажет, какое прошлое было хорошим. Значит, его и будем воспроизводить в настоящем, чтобы получить нормальное будущее. При таком подходе о развитии или прогрессе говорить не приходится, и смена команды тут ничего не изменит. Это вообще не подвергается никаким воздействиям извне и существует как единственно возможная ситуация. У вас есть какие-то ресурсы (власть, финансы, информация, сырьевая база, доступ «к трубе» и т.д.), и их нужно распределять.

– Но ресурсы же могут исчерпаться. Вы же сами в одном из интервью говорили о дефиците власти: «непонятно, к кому обратиться, чтобы решить проблему; все спрашивают: у кого сейчас власть? А ее нет»...

С.К. – Дефицит еще не означает, что ресурс исчерпывается. Ресурсов вообще всегда не хватает, это их основное свойство – иначе бы зачем все эти сложности с распределением? Но для того чтобы раскатать систему, чтобы начался какой-то перелом, как в 1991 г., нужно, чтобы синхронизировались сразу несколько дефицитов. Только вряд ли это приведет к смене парадигмы. Система в целом очень устойчивая. Каждый раз элиты адаптируются к новой реальности, и всё снова идет по кругу.

О.М. – И тем не менее внутри этой системы – не в государстве, а в стране – постоянно идет какое-то движение. Всё то, о чем мы говорили – централизация управления, нарастание хаоса, межведомственная неразбериха – всё это порождает некое пространство свободы и возможностей для обычных людей, позволяет им улучшить свой личный уровень жизни вне отношений с государством.

С.К. – Это, конечно, нельзя назвать прогрессом, скорее – идет выживание на более высоком уровне. Не физическое, а социальное, интеллектуальное выживание. Ведь в прессе когда-то была широкая дискуссия «Жизнь вдали от государства». Может быть, это и есть наша стезя.

Подготовила **Э. Ш. ВЕСЕЛОВА**, кор. «ЭКО»

Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия

О.А. МОЛЯРЕНКО, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры местного самоуправления Департамента государственного и муниципального управления Факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», Москва

Текст написан на основе доклада, представленного на конференции «Новосибирские научные чтения памяти Т.И. Заславской». Автор рассказал о некоторых аспектах сбора статистической и количественной информации, которые приводят к искажению отчетности и в конечном итоге - неверному восприятию реальной картины в оптике управляющих органов. Одним из последствий таких искажений стала постоянно углубляющаяся изоляция власти от населения.

Ключевые слова: власть, население, статистика, отчетность, оптимизация, сельские поселения, искажение статистики

Ольга Андреевна Моляренко называет себя представителем новой школы полевой социологии, адептом направления, разработанного С.Г. Кордонским. Его методика исключает анкетирование и стандартизированные опросы, первичная информация собирается в ходе глубоких интервью, бесед, наблюдений. Представленное исследование было проведено при поддержке фонда «Хамовники».

В результате многолетних исследований отечественной сферы государственного и муниципального управления мы пришли к выводу, что в настоящее время *именно статистика, статистические показатели, а не фиксируемые ими явления являются объектом управления со стороны государства и муниципалитетов*. Наиболее ярко последствия такого подхода проявляются в сельской местности, поэтому сосредоточим своё внимание именно на ней.

Начиная с середины 2000-х годов муниципальные власти и в принципе экономика общественного сектора в сельской местности активно «оптимизируются». Речь идет об оптимизации муниципальных образований как таковых, а также здравоохранения, школьной сети, транспортных маршрутов и т.д.

В этом процессе есть темы, получившие относительно широкое освещение в СМИ и публичное обсуждение, а есть такие, которые просто замалчиваются. Например, одним из последствий не согласованных друг с другом мер по оптимизации системы здравоохранения и транспортных маршрутов стал колоссальный

рост неравенства в доступе сельского населения к социальным услугам. В некоторых районах заметно выросли младенческая смертность и материнская смертность при родах.

В связи с этими оптимизациями я бы хотела обратить внимание на проблему качества и репрезентативности той статистической информации, на которую опираются органы власти при принятии управленческих решений. А именно – обсудить те аспекты сбора информации, которые приводят к искажению восприятия реальной картины в оптике управляющих органов.

Базовые причины оптимизации общеизвестны. Это решение кадровых (управленческих, политических) задач, финансово-экономические факторы (стремление к экономии средств), иллюзорно-статистические причины и непрозрачность реального функционала органов местного самоуправления для региональных и федеральных властей.

По наглядной визуализации В.Л. Глазычева, административно-территориальная структура постсоветской России (на основе которой создавалось муниципальное деление) «повисла как пиджак на сильно похудевшем человеке». То есть изначально эта структура создавалась под экономику, в сельской местности – конкретно под аграрный сектор, а когда экономическая составляющая выпала, и полноценного рынка труда не осталось, вся социальная инфраструктура (прежде воспринимавшаяся как вторичная) в виде школ, больниц, домов культур и самих органов власти оказалась для многих территорий единственной искусственной поддержкой освоенности сельской местности, привязкой людей «к земле».

С одной стороны, казалось бы, налицо объективная причина провести оптимизацию. С другой стороны, многие регионы столкнулись с тем, что сокращение количества сельских поселений с целью сэкономить бюджетные средства на деле никакой экономии не принесло. Потому что те функции, которые раньше выполнялись на уровне отдельных сельских поселений, теперь выполняются на уровне района, и там начинают разрастаться административные штаты. Но в районе уже другие зарплаты и другие требования. То есть, нередко в результате оптимизации на уровне консолидированного бюджета финансово-экономического эффекта не происходит или он очень незначителен.

Более циничные и реже декларируемые кадровые цели оптимизации гораздо чаще оказываются и более «результативными».

Речь идет, например, о такой задаче, как обеспечение штата муниципальных управленцев, лояльных губернатору. По крайней мере, в Московской области, и, наверняка, во многих других регионах оптимизация муниципалитетов нередко происходит либо в связи с тем, чтобы уменьшить количество непосредственных подчиненных (глав муниципальных районов, глав поселений), либо с тем, чтобы избавиться от тех неугодных, кого административным путем не уволишь, потому что их поддерживают местные депутаты.

Иллюзорно-статистические причины касаются весьма распространенной идеи о том, что присоединение депрессивного, неблагополучного муниципального образования к более сильному поможет первому «подтянуться». Статистически, в отчетности, так оно и есть – средние показатели действительно немного поднимаются, общая картина выглядит более ровной и гладкой. Но понятно, что на практике выравнивания не происходит. Наоборот, сокращение в бывших отдельных муниципалитетах бюджетной и социальной сфер только ускоряет в них процесс деградации и приводит к более быстрому опустыниванию территории.

Очень интересная причина оптимизаций связана с непрозрачностью реального функционала. Управленцы «наверху» просто не представляют себе круг реальных повседневных обязанностей глав сельских поселений, потому что значительная их часть нигде не «прописана». А это может быть, например, покупка продуктов для пожилых людей, которые в распутицу или в зимнее время не могут добраться до магазина. В нескольких муниципалитетах я сталкивалась с тем, что глава или кто-то из сотрудников сельского поселения каждую зиму регулярно обходит дома стариков, чтобы протопить им печи. Таких социальных функций может быть огромное количество, но они никак не отражаются в официальных документах, поэтому реальных последствий оптимизации муниципального звена никто «наверху» просто не понимает.

В какой форме происходит оптимизация муниципальных образований и муниципального управления в сельской местности? Примерно с середины 2000-х гг. началась *оптимизация функций*. Последнее серьезное сокращение функционала произошло в 2014 г., когда был дифференцирован статус сельских и городских поселений. До этого у них были равные полномочия, а с 2014 г. вся жилищно-коммунальная сфера и огромное

количество действительно содержательных функций были переданы от сельских поселений на уровень муниципальных районов.

Но это явные изменения, прописанные федеральным законом № 131. На самом деле огромное количество функций, важных для обеспечения стабильности, да и прозрачности жизни на территории, «ушло» незаметно, «в рабочем порядке».

Например, до 2010 г. муниципалитеты сами собирали и представляли в Росстат информацию по своему населению, а с переписи 2010 г. оценка численности населения стала исключительно монопольной функцией Росстата (естественно, с поправкой на инструментальные полномочия органов ЗАГС и МВД, которые ведут текущий учёт). В результате муниципалитеты, а следом за ними и все вышестоящие инстанции фактически лишились механизмов контроля над своим населением – сколько человек в районе работает/не работает, живет/не живет, уезжает на вахту/на промысел, относится к нуждающимся и т.д. Они перестали видеть, что на самом деле происходит на территории.

Раньше муниципалитеты, в том числе сельские поселения, производили расчеты взимания собственных налогов – на землю и на имущество физических лиц. Теперь эта функция передана в налоговую службу. Но налоговая до каждого дома и каждого участка на селе не дойдет, поэтому не знает – достроен ли этот дом (пора ли принуждать собственника его оформлять), что происходит на участке земли?

Вот таких случаев, когда те или иные функции сначала передавались федеральным ведомствам, а потом «оптимизировались» уже в рамках этих ведомств, и их банально стало некому выполнять, с середины 2000-х годов было очень много.

Второе направление оптимизации – *сокращение собственных доходов бюджетов*. Например, нормативная доля отчислений в местный бюджет сельского поселения от собранного на территории НДС за последние 5–6 лет снизилась с 15% до 2%. При этом ухудшилась и собираемость налогов (после передачи функции ФНС и укрупнения налоговых инспекций). А в связи с тем, что срок уплаты налогов на имущество и на землю перенесли с 1 сентября на 1 декабря, население до Нового года часто не успевает произвести оплату, в связи с чем в текущем бюджетном году муниципалитеты недополучают запланированные доходы.

Далее можно выделить оптимизацию через *сокращение штатов*. Если раньше на уровне сельского поселения работали 8–10 специалистов (самая распространенная ситуация), то теперь – 2–3 человека, а иногда и меньше.

Оптимизация самих муниципалитетов может происходить в разных формах. Либо объединяются несколько сельских поселений в одно, либо сельские поселения присоединяются к городскому поселению или округу. Реже муниципальные районы преобразуются в городские округа (в 2014 г. это произошло в Магаданской области, а сейчас происходит в Московской). Это, конечно, самый радикальный случай. Условно, там, где раньше была одна районная администрация и восемь-десять поселенческих, теперь осталась одна администрация городского округа. Понятно, что в результате власти отрываются от населения. С одной стороны, падает доступность власти для населения, с другой – снижается прозрачность экономики и местного сообщества для власти.

В этой связи я бы особенно выделила проблему *оптимизации похозяйственного учета*. Думаю, для большинства исследователей сельской жизни и экономики похозяйственные книги, которые, начиная с 1934 г., вели сначала сельсоветы, затем сельские поселения, были одним из важных источников информации. Но, во-первых, в 2010 г. Минсельхоз извратил этот вид учета, утвердив новую форму похозяйственной книги. Если раньше она была инструментом административного учета населения, то с 2010 г. отражает информацию исключительно о сельском хозяйстве, увидеть или рассчитать по этим книгам какие-то данные о населении стало невозможно. Во-вторых, если на уровне сельских поселений практика ведения похозяйственного учета была за многие годы хорошо отработана, то на уровне городских округов или городских поселений (в которые были «влиты» бывшие села в результате оптимизации) она не выстроена до сих пор.

В результате та информация, которая раньше аккумулировалась в похозяйственных книгах, очень часто попросту теряется – и чисто физически (при передаче всей массы делопроизводства на новый уровень), и из-за организационных проблем. Если раньше (до объединения) власти сельских поселений проводили ежегодный обход подведомственной территории, то чиновники городских округов, которым отошли их функции, просто

не в состоянии это делать — у них нет для этого ни человеческих, ни финансовых ресурсов. Чаще всего в городских округах и поселениях похозяйственные книги заполняются по заявительному принципу, когда кто-то приходит за справкой. Это давно уже не тот сплошной учет, которому можно верить.

В целом в результате оптимизации *муниципальное управление и местное самоуправление оторвались от населения и экономики*. Социально-экономические процессы на территории становятся непрозрачными даже для местных властей.

Аналогичные вещи происходят с **территориальными отделениями федеральных органов государственной власти**. Их отчетность чем дальше, тем меньше отражает реальное положение дел «на местах».

Например, раньше в Вологодской области действовали мобильные центры службы занятости, которые два раза в месяц объезжали территорию и регистрировали безработных, но после того, как в 2013 г. была поставлена задача снижения уровня безработицы, эти центры были упразднены. Теперь чтобы подтвердить свой статус безработного и получить право на пособие, люди из отдаленных сел должны дважды в месяц посетить райцентр (где расположен центр занятости) лично. Если билет на автобус стоит 200–300 руб. в одну сторону, нетрудно посчитать, что только транспортные расходы для них составят около 800–1200 руб. в месяц, в то время как сумма базового пособия — всего 900 руб. В итоге мы получаем искажение реальной картины безработицы на территории: сильный недоучет в сельской местности и очень часто переучет — в городской (прежде всего — из-за теневой занятости).

Похожая ситуация с *органами МВД*. В 2011–2012 гг. в результате оптимизации их штат был сокращен на 20%, причем в основном — за счет низовых подразделений. И сегодня у нас во многих муниципальных районах страны осталось по 1–2 участковому на все сельские поселения. Можно себе представить, насколько снизился официальный уровень правонарушений, когда их стало некому учитывать...

Очень серьезное укрупнение инспекций произошло в *Федеральной налоговой службе*. Сегодня нагрузка на одну инспекцию составляет около 4–5 муниципальных районов. Соответственно, мы получили серьезный недоучет индивидуальных предпринимателей в сельской местности, поскольку у налоговой службы нет времени и возможности их отслеживать.

Аналогичная ситуация с качеством официальной статистики. На протяжении постсоветского периода *структура Росстата*

была сокращена более чем на треть, в первую очередь, как нетрудно догадаться, – за счет работников муниципального уровня. Если раньше в муниципальных районах существовали собственные отделы статистики как отдельные юридические лица, то сегодня там – 2–3 человека, которые занимаются исключительно сбором информации и заполнением форм.

То есть федеральным органам власти попросту не хватает штатов для нормального учета социально-экономических характеристик, и для федеральных, и для муниципальных органов власти сельские территории становятся абсолютно непрозрачными.

К чему это приводит, помимо тех примеров, которые я уже называла? Одно из важных последствий – серьезный недоучет населения. Население в сельской местности, конечно, сокращается, но далеко не так быстро, как это выглядит по данным официальной статистики.

Например, в переписи 2010 г., чтобы избежать переучета лиц, которые зарегистрированы в одном месте, а проживают в другом, регистрировали только тех людей, которые одновременно удовлетворяли двум условиям: а) имели местную регистрацию и б) физически присутствовали на момент переписи. Об этом мне рассказывали во множестве сельских поселений. Но именно в сельской местности очень распространены отходничество, вахтовая занятость и т.д. По моей выборке, в отдельных муниципальных районах недоучет сельских жителей доходил до 15%. В Абатском районе Тюменской области был вообще анекдотический случай, когда в перепись не попал глава района, который на тот момент был в командировке. Но это перестает быть забавным, когда понимаешь, что любые бюджетные расходы (от субсидий до количества койко-мест в больницах) прямо или косвенно завязаны на численность населения.

Исходя из всего сказанного, приходится констатировать, что *ни межвременной, ни межрегиональной сопоставимости статистических и любых количественных данных в России не существует*. По меткому выражению В. А. Бессонова, мы пытаемся мерить меняющуюся действительность меняющимся аршином. Я, конечно, не призываю совсем отказаться от использования данных официальной статистики, но считаю, что интерпретировать их нужно очень аккуратно, понимая, какое огромное количество внутренних ограничений в них скрыто, и насколько серьезные социальные последствия, особенно для депрессивных территорий, может повлечь наивное оперирование ими.

Полевые исследования и социальные структуры

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

В статье обсуждаются проблемы, поднятые в материалах С.Г. Кордонского и О.А. Моляренко в этом номере «ЭКО». В частности, рассмотрены сильные и слабые стороны метода полевых исследований, достоверности статистики, роль государства в формировании качественной информации для управления. Обсуждается вопрос о сословном характере российского общества.

Ключевые слова: полевые исследования, искажение информации, сословное общество, публичная политика

Встречаются два выдающихся экономиста:

- Слушай, что у нас творится в экономике?
- Сейчас все объясню.
- Объяснить я и сам могу. Ты скажи, что происходит...

(Анекдот времен перестройки)

О пользе полевых исследований

Экономистам, социологам и представителям других общественных наук необходимо постоянное общение не только с коллегами, но и с «простым» народом. Это позволяет понять, что скрывается за данными статистики, что действительно думают люди и почему они поступают так, а не иначе, как на самом деле функционирует власть и почему вроде бы разумные меры оборачиваются безобразиями.

С этой точки зрения полевые исследования незаменимы. Помнится, лет 40 назад, когда мы, вернувшись из деревни, рассказывали о своих впечатлениях о сельской жизни, это вызывало живой интерес у наших коллег, среди которых были и дипломированные социологи. Мы говорили об особенностях работы на току или в силосной яме, манипуляциях с нормами выработки, бесхозяйственности и воровстве, «диких» строительных бригадах, межнациональных отношениях и многом другом. Но главным открытием было то, что советской власти на селе не было, вернее, она была, но находилась на содержании у руководителей предприятий. Только поработав на селе, мы

начинали понимать роль парткомов в управлении и значение личных связей, необходимых для функционирования системы.

Можно вообразить культурный шок, который испытывает образованный и зажиточный житель столицы, внезапно перенесенный в сельскую глубинку центральной России. Тут вপুরу этнографов звать на подмогу.

Поэтому полевые исследования нужны (хотя метод включенного наблюдения более эффективен), но каким образом из разрозненных кейсов строить общее представление о состоянии и перспективах общества, как выбирать репрезентативные объекты и какие выводы допустимы, – всё это важные вопросы.

О структуре советского и постсоветского общества

Политэкономия социализма объясняла, что советское общество состоит из двух неантагонистических классов: рабочих и колхозного крестьянства и прослойки в виде советской интеллигенции. Такая классификация не удовлетворяла исследователей, поскольку внутриклассовые различия были много больше межклассовых. У общества явно была более сложная социальная структура, и это становилось все очевиднее по мере свертывания социальных лифтов. Поскольку классовая теория была отвергнута, пошли разговоры о сословном характере советского, а потом и постсоветского общества. Действительно, многие черты сословного общества видны невооруженным глазом: разные стартовые условия карьеры для детей, различия в доступности образования и медицины, неравенство перед судом и т.п.

Но есть и путаница. Сословное общество жестко регламентировано и освящено традицией. Кстати, сословия появились до государства и во многом составили его основу. И государство не могло произвольно создавать или ликвидировать сословия. Принадлежность к сословию была общепризнанна и считалась в Европе важнее, чем даже религия и подданство, не говоря уже о национальности. Любого человека можно было наказать или убить, но требовалось соблюсти сословный принцип. В большинстве стран сословия были упразднены в результате эмансипации и установления формального равенства перед законом. Но это не отменило имущественного расслоения и социальной сегрегации. Более того, появились новые механизмы дифференциации

общества, причем имущественное расслоение, размеры и структура доходов играют уже не самую важную роль.

Сейчас речь идет, разумеется, не о условиях, а о группах с особыми интересами, которые налагают повинности на своих членов, частично объединяют ресурсы и предоставляют участникам нечто, похожее на общественные блага. В этом смысле наша страна принципиально ничем не отличается от других, только лоббирование законодательно не регламентировано. Прелесть сословной концепции в том, что она отсылает нас к некой традиции, идущей то ли от варягов или монголов, то ли от Петра I или Екатерины II. С другой стороны, эта концепция легко объясняет, почему у нас столь высока имущественная и правовая асимметрия и почему ничего сделать с этим нельзя. Почему в отличие от некоторых стран мы движемся по кругу, хотя все решения направлены на решительный прорыв в светлое будущее.

Государство действительно пытается построить сословное общество, поскольку им легче управлять. Но советский опыт показывает, что сословные структуры формируются и помимо государства.

Об информации

Информация нужна для принятия решений, но решения определяются не только информацией. Действительно, поскольку повсеместно люди, которые готовят информацию, имеют собственные индивидуальные и групповые интересы, то она искажается, приводится в несопоставимый вид, а иногда просто скрывается или игнорируется. Но поскольку дефекты информационного обеспечения очевидны, то управленцы часто ориентируются на предыдущий опыт, интуицию и одновременно запрашивают все больше информации. Рост числа отчетов и ответов на запросы плодит новые массивы несистематизированной и несопоставимой информации, которую некому обрабатывать и анализировать. Одновременно все большее число работников не только бюджетной сферы, но и частного бизнеса превращаются в квазичиновников, нарабатывая все более грандиозные массивы данных и перегружая работой чиновников настоящих.

В обществе широко распространено мнение о том, что в органах власти сосредоточены уникальные массивы данных, а сами высокопоставленные чиновники обладают сокровенным знанием о том, что происходит в стране и за ее пределами, и, что самое

главное, произойдет в будущем. Фактически же сокровенное знание обычно ограничивается представлением о вкусах, настроениях и стиле работы начальства, и о том, кто находится на взлете, а кто на излете в смысле карьеры и служебных перспектив.

Поскольку знание – сила, то ведомства неохотно делятся информацией. Но вместо координации работы ведомств, в том числе и в части информационной работы, имеет место кураторство. Это хорошо видно на примере совещаний и согласований, описанных С. Г. Кордонским, что напоминает сцену из популярного фильма, в которой начальник спрашивает: что тут у вас происходит? И получает ответ: завтра проведем совещание и все решим.

Понимая, что в системе управления что-то не так, что многие функции дублируются и одновременно важные области человеческой деятельности никак не контролируются и не регламентируются, т.е. не пополняют казну, государство постоянно что-то реформирует. В чиновничьем аппарате появился, похоже, новый креативный класс, который по примеру комсомольцев прошлого постоянно выступает с инициативами в надежде на карьерный взлет. Однако власти не доверяют аппарату и создают все новые экспертные советы и группы, нанимают консультантов для разработки всяческих стратегий и реформ. Со временем образовался узкий круг консультантов и советников, допущенных до тела и уха власти. Является ли этот круг избранных новым сословием или группой с особыми интересами?

Немного о науке

Существует странное представление о том, что есть отечественная наука, плохая, корявая, но работающая с отечественным материалом и потому крепко стоящая на родной почве. И есть западная наука, опирающаяся на либеральные идеи и математические модели и не способная выявить и учесть российскую специфику. Но ею пичкают подрастающее поколение, которое потом просто не понимает родной действительности и, более того, не владеет языком для ее описания.

Но, во-первых, какие бы претензии мы ни предъявляли отечественным обществоведам, среди них есть очень серьезные и компетентные ученые, что вряд ли кто-то будет оспаривать. Осталось только научиться отделять зерна от плевел. Во-вторых, западная наука столь разнообразна по числу школ и направлений,

научным программам и идеологической окраске, что при желании можно найти тот теоретический фундамент, на котором хочется возвести собственное здание.

Идея П. Щедровицкого о том, что наука умерла, и XXI век будет веком методологии (или технологии), очень популярна, что не делает ее бесспорной. Картина мира за последние 50 лет изменилась радикально просто потому, что изменился мир. Не замечать это очень странно.

Самое главное, происходит пересмотр целей и функций государства в общественном развитии. Уход от государства или, наоборот, новые требования к нему со стороны различных групп – всё это горячо обсуждается, так же как выбор приоритетов и действенность различных инструментов государственной политики, регулирование или дерегулирование рынков и видов деятельности, централизация или децентрализация в управлении и т.п. Важная проблема – теория транзита социально-экономических и политических систем. Причем в обоих направлениях, поскольку ряд стран смогли из третьего мира перескочить в первый, а некоторые совершили прорыв в обратном направлении.

Да, государство повсеместно стало большим и генерирует все больше информации. Возникает вопрос, почему это так и как государство портит информацию. Яркий пример с ВВП как индикатором экономического роста. Поскольку в неоклассической модели вблизи точки оптимума предельные затраты и результаты совпадают, то рост затрат на содержание чиновничьего аппарата увеличивает ВВП, а альтернативная стоимость не рассматривается. Отсюда возникает удивительный феномен: экономический рост, подрывающий экономический рост. То же самое относится и к росту чистого экспорта. Чем меньше население потребляет импортных товаров, тем выше экономический рост. Но претензии должны быть предъявлены не к показателю, а к государственной политике и государственной статистике.

Если же государственное телевидение останется основным источником информации, главным результатом публичной политики будет PR-эффект, а государство будет постоянно менять правила игры и повышать транзакционные издержки, то бег российского общества по кругу вне зависимости от того, сословное оно или нет, изучено или нет, будет продолжаться. Так что в этом отношении пессимизм С.Г. Кордонского понятен.

Великая русская революция 1917 г.: взгляд через столетие

К.И. ЗУБКОВ, кандидат исторических наук,
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург.
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

В статье на основе пересмотра вопроса о социальной сущности российского государства и общества второй половины XIX – начала XX вв., детальной характеристики абсолютистского режима и проводимой им политики модернизации раскрываются социальные противоречия, вызвавшие Великую русскую революцию 1917 г. Согласно автору, в революции ярко проявились цивилизационные особенности России как страны, совмещавшей в своем развитии социальную динамику, характерную для обществ Запада и Востока. Инерция традиционализма и структурные деформации развития капитализма придали событиям 1917 г. характер прогрессивной антиабсолютистской революции, совместившей в себе черты неудавшейся буржуазной революции, победоносного крестьянского восстания, радикального социального переворота и традиционалистской реакции.

Ключевые слова: Россия, революция, модернизация, традиция, абсолютизм, самодержавие, буржуазия, капитализм, Запад, Восток

Спустя столетие Великая русская революция 1917 г. остается одним из самых противоречивых и загадочных событий в истории России. Хотя весь событийный контекст революционного кризиса от Февраля к Октябрю впечатляюще подробно – едва ли не до дней и часов – исследован историками, это порой очень мало добавляет к нашему пониманию социально-политического смысла революции, ее глубинных причин и значения в истории страны. Гораздо больше на оценки революционного переворота 1917-го влияли изменения ретроспективного взгляда на него с высоты каждого последующего этапа развития страны. И дело здесь не только в искусственной смене идеологических ориентиров. Последние служили лишь отправными моментами для привлечения новых объяснительных подходов, мобилизации новых исторических фактов, которым историки ранее не уделяли должного внимания, нацеленности на изучение некоторых парадоксальных и труднообъяснимых черт революционного процесса, охватившего Россию в начале XX в.

Революция парадоксов

Нельзя отрицать, что политическая победа большевиков в 1917 г. и последующие триумфальные успехи советского социализма надолго спроецировали на сознание большей части человечества бесклассовую коммунистическую (и одновременно «россиецентричную») перспективу мирового развития, заставляя верить в то, что даже сравнительно отсталая, по всем канонам марксистской теории, страна при уникальном стечении благоприятных обстоятельств способна первой осуществить прорыв к построению принципиально нового, социально справедливого общества. После крушения в начале 1990-х гг. советской системы революция стала рассматриваться как главный фактор, способствовавший схождению страны с единственно перспективной – либерально-капиталистической – магистральной траектории развития и движению в исторический тупик. Полярное расхождение этих точек зрения на революцию указывает не только на различия идеологически мотивированных интерпретаций. Оно вскрывает и один из наиболее заметных, отмеченных в историографии реальных парадоксов, касающихся характера революции 1917 г.: хотя революция породила мощный модернизационный рывок, изменивший за короткий исторический срок лицо страны, открывший ее народу новые возможности в экономике, науке и культуре, некоторые ее черты носили откровенно антимодернистский характер, особенно в политической и социально-ментальной сферах [1. С. 295–296].

Еще один парадокс русской революции 1917 г. заключается в том, что она и по своим движущим силам не очень удачно укладывается в общепринятую социологическую схему, где революция понимается как, прежде всего, *социально-политический* переворот, приводящий к власти передовой, уже экономически доминирующий класс, который обеспечивает переход общества на более высокую ступень социально-экономического прогресса. Догматический марксистско-ленинский взгляд, внушавший, в угоду формационной теории, что в 1917 г. произошли две самостоятельные революции – Февральская («буржуазная») и Октябрьская («пролетарская»), сегодня уже не выдерживает критики. Очевидно, что имел место единый, непрерывно развивающийся процесс революции, который, однако, не смог утвердить у власти русскую буржуазию (что, казалось бы, должно было

последовать, исходя из логики развития), но в еще меньшей степени – по недостатку объективных предпосылок, в силу ничтожной численности рабочего класса и его незрелости – допускал возможность перехода к социализму. На фоне социальной катастрофы и обостряющегося гражданского противостояния к власти прорвалась группировка леворадикальной интеллигенции, которую, если и можно было бы рассматривать как «класс», то «класс» исключительно *политический*, не имеющий корней в экономике.

Отдельного обсуждения в этом же контексте заслуживает вопрос о *всемирно-историческом* значении русской революции 1917 г., о котором в свое время много говорилось и которое невозможно подвергать сомнению уже из-за размеров и глобального значения самой страны, обратившейся к реализации еще невиданного в истории эгалитарно-утопического социального эксперимента. Однако еще до краха СССР в 1991 г. и после него многими западными интеллектуалами вполне убедительно было доказано, что если советский социализм и составлял на определенном этапе мощную альтернативу западному капитализму, то не в социальном, а исключительно *геополитическом* и *цивилизационном* отношении [2. С. 286–291, 294–299; 3. С. 18–28].

Несмотря на свои глобальные амбиции, советский социализм не стал вдохновляющим примером ни для одной из стран *западного мира*, но зато его модель, удачно накладываясь на туземные добуржуазные традиции, обрела свое государственно-политическое воплощение в целом ряде *незападных* обществ – по крайней мере, на более или менее самостоятельной основе на слабо развитой восточноевропейской периферии (Югославия, Албания) и в некоторых странах Азии (Китай, Вьетнам) [4. Р. 52–53]. Это если и не сужает значение революции 1917 г. до самобытно-русского явления, то заставляет видеть в ней совершенно особое *цивилизационное* содержание, которое лишь маскировалось в одежды марксистской – западной по происхождению – идеологии.

Эти парадоксы и противоречия – наглядное проявление всё большего несоответствия между упрощающим и догматическим «детерминизмом», унаследованным от марксистской теории, с помощью которого объясняли причины и результаты революции 1917 г., и реальной сложностью русского исторического

процесса. В этой связи русская революция, возможно, больше, чем любое другое событие отечественной истории, нуждается в теоретическом переосмыслении.

Цивилизационные особенности российского абсолютизма

Прежде всего, в пересмотре нуждаются некоторые исходные теоретические постулаты, характеризующие *социальную природу* предреволюционного российского общества и государства – по крайней мере, начиная с пореформенного периода 1860-х – 1870-х гг. Представлять предысторию русской революции в марксистском ключе как неизбежную и всё более ускоряющуюся эволюцию феодально-сословного общества в капиталистическое, а самодержавно-феодальной монархии – в буржуазное – это, с нашей точки зрения, недопустимое упрощение реальной сложности того общественно-политического организма, какой представляла собой Россия в последние десятилетия XIX в.

По типу власти монархия Романовых вплоть до 1917 г. была *абсолютистским* режимом, который исторически явился продуктом так называемой абсолютистской «революции», происходившей на рубеже XVII–XVIII вв. в целом ряде европейских и полувосточных стран. Ее суть состояла в качественной трансформации систем власти, имевшей далеко идущие социальные последствия, – а именно, в возникновении рационалистической концепции «абсолютного» государства как технически совершенного средства, позволяющего власти, благодаря созданной ею бюрократической машине, осуществлять *всеобъемлющий высокотехнический контроль* над обществом [5. С. 172–173].

Являясь воплощением просветительской идеи о благотворности «разумного» деспотизма, призванного в своем сознании требований свободы и прогресса преобразовать грубую, отсталую, несовершенную реальность [6. С. 68–69], абсолютизм на практике был не только новой формой политической власти, но и, как полагают некоторые авторы, самостоятельной – *политарной* – социально-экономической «формацией», в которой политика господствовала над экономикой, подчиняя гигантскому и разветвленному, мыслимому как единое целое государственному хозяйству все существующие в обществе

уклады (крестьянско-общинный, купеческо-бюргерский, а затем и капиталистический) [7. С. 476].

Несмотря на внешнее сходство, господство абсолютизма на Западе и в России имело принципиальные различия, а самое главное – разные социальные последствия. В Западной Европе абсолютизм представлял собой, по выражению Й. Шумпетера, «феодализм на капиталистической основе» [8. С. 183–184] – исторически преходящую форму *административно-экономического* (но не политико-юридического) контроля власти над обществом, оставлявшего различным автономным корпорациям (сословия, локальные сообщества и т.п.) известную свободу действий и ценностного самоопределения. Это позволяло абсолютистской власти в разумно-умеренных пределах эксплуатировать экономическую самодеятельность корпораций, а последним – возможность сопротивляться чрезмерным деспотическим притязаниям власти.

Российский же абсолютизм, представлявший собой несколько иное – стадийно более отсталое – соотношение социальных компонентов (точнее, их инверсию), вслед за Шумпетером можно охарактеризовать как «капитализм на традиционной основе», т.е. как систему, обеспечивавшую воспроизводство определяющих государственную мощь структурных компонентов западного *капитализма* за счет ресурсов добуржуазного *традиционного* общества [9. С. 76].

Если на Западе, где абсолютизм не до конца подчинил себе сословные корпорации, его господство было лишь временной фазой, то в случае России произошло как бы «замыкание контура»: заимствуемая в Европе идея абсолютистской монархии в ходе реформ Петра I удачно сомкнулась с древней московской традицией *патримониального* (вотчинного) государства, в котором социальная структура общества формировалась через прикрепление всех общественных разрядов и сословий к объектам и служебным функциям единого государства-«домохозяйства» [10. С. 159–161]. Это предполагало не только безраздельную власть государства над жизнью и имуществом подданных, но и его неограниченную свободу в перераспределении ресурсов в рамках этой единой и единственной «корпорации».

В результате синтеза новаций бюрократической рационализации и традиционной основы патримониального государства –

неограниченной власти монарха-самодержца, в России возникла чрезвычайно устойчивая, просуществовавшая свыше двух столетий абсолютистская система, во многих отношениях «более эффективная... чем где-либо на Западе» [11. С. 82]. Условия страны, вынужденной постоянно обороняться против сильных противников, добавляли прочности этой властно-политической конструкции, делая страну подобием «военного лагеря», где высшая государственная власть не только подчинила себе все существующие экономические уклады, но и придала весьма еще аморфному социальному агрегату общества по-военному четкую организацию, обязав каждое сословие нести в пользу государства различные службы, повинности и тягла [12. С. 44]. Это делало самодержавие – и не иллюзорно, но вполне реально – как бы «парящим» над сословным обществом, придавая ему черты *надклассовой* монархии [11. С. 82].

Это прочно фиксировалось и в самосознании власти. Рассматривая себя как орудие «общего блага» (это понятие появилось уже в 1702 г. в одном из петровских указов) и требуя от сословий беспрекословного выполнения служебных обязанностей, самодержавная власть вместе с тем брала на себя опеку над благосостоянием и «пользами» всех без исключения сословий. Благо каждого из сословий было опосредовано приоритетным благом государства.

Характерно, что русская политико-правовая мысль XIX – начала XX вв. (в том числе и либеральная) вполне определенно квалифицировала природу самодержавной монархии как совершенно особый, отличный от феодального государственный тип – «военно-национальное государство» (или «военную империю»), исторически помещаемое между «феодализмом» и «промышленно-правовым строем» [13. С. VI–VII]. Известный реформатор С. Ю. Витте также определял Россию как «военную империю» [14. С. 509], в одних случаях подвергая критике инертность царской бюрократии и ее чуждость современным экономическим веяниям, в других – находя авторитаризм управления чрезвычайно эффективным инструментом проведения экономических преобразований.

Либеральных критиков самодержавия при этом не смущал тот факт, что в сопоставлении с эфемерной, теряющейся в глубине веков «феодальной» фазой «военное государство» – это

для России на удивление долговечная политическая форма, которая обеспечила стране несколько веков стабильного развития и продемонстрировала огромные адаптивные возможности. Предсказывая легкость превращения военной монархии в конституционно-правовое государство, они не учитывали тот факт, что самодержавный строй отличался если не своей правовой оформленностью, то, по крайней мере, собственной, глубоко укорененной и по-своему довольно логичной, системой политических идей и принципов.

Как показал М. Раев, в России эта идеология формировалась с XVIII в. под сильным влиянием немецкого камерализма и разработанного в его недрах концепта «полицейского государства» (понимаемого, конечно, не как выражение его репрессивной сущности, но как ранний аналог государства «всеобщего благоденствия») [15]. Это находило свое выражение в претензиях правящей элиты на способность аккумулировать, наделять «разумом» и адекватно воплощать интересы разных групп населения в едином курсе государственной политики, выдерживая равномерность прогресса во всех сегментах общества и регулируя одновременно тот набор служебных функций, которые надлежало выполнять отдельным сословиям и группам населения для достижения «общего блага», т.е. безопасности и могущества государства. При этом государство рассматривало себя и как верховного собственника и распорядителя всеми богатствами страны. Симптоматично, что Николай II в ответах на вопросы первой Всероссийской переписи населения 1897 г. определил свой род занятий в полном соответствии с патримониальной традицией: «Хозяин земли русской» [16. С. 6].

Представление о том, что в рамках большой политарно-хозяйственной «оболочки», обнимающей всё общество, государство не сковано никакими правовыми ограничениями и вправе совершать любые преобразования отношений собственности во имя «общего блага», еще и в конце XIX в. прочно держалось в сознании даже образованной части русского общества.

Социальная природа российского абсолютизма

С учетом всего этого весьма непросто составить представление о подлинной социально-классовой основе такого государства. Тезис В.И. Ленина о том, что до Февраля 1917 г.

«государственная власть в России была в руках одного старшего класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего» [17. С. 133], выглядит не более чем конъюнктурным наложением упрощенной марксистской схемы на гораздо более сложную историческую реальность. Бесспорно, дворянство длительное время составляло единственный привилегированный и образованный класс страны, массово поставлявший кадры для военной и гражданской службы; в истории России можно даже выделить этапы, когда правительственная политика могла быть охарактеризована как отчетливо продворянская (например, при Екатерине II). Однако, как отмечает Д. Ливен, начиная с реформ Петра I, который обременил дворянство довольно тяжелой службой, одновременно открыв в него доступ представителям других сословий, его судьба в целом испытала трансформации, плохо соотносимые с его положением как господствующего сословия. В силу возраставшей гетерогенности своего состава с точки зрения богатства, культуры, экономических и профессиональных интересов, дворянство не превратилось в единый класс, но и не стало правящей элитой – прежде всего – по причине тотальной подчиненности государству и отсутствия самостоятельных политических институтов, которые бы позволяли ему контролировать государственную машину и эффективно отстаивать свои интересы [18. Р. 228–229]. Если самодержавие, из-за компромисса с традицией, прочно связало дворянство с государством, то на первом месте в этой связке, определенно, стояли интересы государства.

Государство осуществляло весьма тонкую «настройку» всей системы сословных отношений. В сознании и государства, и общества господствовали представления о том, что все интересы и чаяния сословий могут обретать разумную форму и наилучшим образом воплощаться именно верховной властью, и если в чем-то права отдельных сословий ущемлялись, то это было обусловлено опять-таки высшей государственной необходимостью. А. Д. Пазухин, один из дворянских идеологов контрреформ 1880-х гг., например, писал, что крепостное право виделось абсолютно оправданным и необходимым как средство гарантировать занятому государственной службой дворянству надежный источник благосостояния, но с изданием Жалованной грамоты дворянству 1785 г. сохранение крепостного права в глазах русского

общества лишилось всякого морального оправдания [12. С. 8]. Только нерешительность власти, опасавшейся непредсказуемых последствий эмансипации, привело к тому, что освобождение крестьян произошло лишь в 1861 г.

Весьма противоречивый с этой точки зрения характер носила и сама крестьянская реформа 1861 г. Как подчеркивал К. Д. Кавелин, реформа в настоящем смысле не удовлетворила ни дворян, ни крестьян, а прошла по какой-то бюрократической «равнодействующей», отражая намерение власти решить взрывоопасную социальную проблему, не жертвуя сохранением социального порядка [10. С. 124–125].

Важным элементом этого порядка оставался мотив попечения власти над сословиями. Например, длительное, во многом искусственное сохранение в России крестьянской общины, вероятно, следует объяснять не только удобствами ее использования в качестве средства фискальной эксплуатации крестьянства. Поразительно, например, что такой оппонент самодержавия, как Н. Г. Чернышевский, находил много положительного в текущей политике сохранения общинной системы – и не только как основы будущего социализма, но и как проявления искреннего намерения самодержавной власти «сохранить участие огромному большинству нации во владении недвижимой собственностью», избавляя его от бедствий пауперизации [19. С. 109]. Здесь перед нами уже если не quasi-«социалистическая», то имеющая к ней определенную интенцию *социально-патерналистская* монархия. Социальная политика самодержавия на каждом шагу подчеркивала дистанцию между интересами силы, величия и спокойствия государства и интересами отдельных сословий.

Следует предположить, что единственной господствующей и руководящей социальной группой такого государства являлась *военизированная государственная бюрократия*. В той мере, в какой этот тип бюрократии социально не был напрямую связан ни с одним классом или сословием и не имел иного интереса, кроме самодовлеющего интереса государства, в той же мере самодержавную монархию можно, действительно, считать надклассовым институтом – причем не в иллюзорном, а самом настоящем смысле.

Модернизирующаяся империя

Секрет долговечности и устойчивости абсолютистско-имперской политической формы в России, ее полиморфности и многоликости заключался в ее способности вмещать в свое «политарное» пространство множество социально-экономических и культурно-бытовых укладов, выражающих разные, порой далеко отстоящие друг от друга стадии исторического прогресса. Военно-бюрократический тип государственной организации оказался удобным и гибким инструментом управления очень сложным и разнородным общественным организмом – таким инструментом, который мог на известном этапе обеспечивать в нем не только определенный социальный порядок, но и *развитие*.

Перманентный режим «догоняющей» модернизации, в котором страна вынуждена была развиваться с начала XVIII в., определял не только примат политики над экономикой, но и выдвигал государство на роль главного и, зачастую, единственного актора назревших институциональных и социально-экономических преобразований. Государство не только решало масштабные задачи, связанные с наращиванием военно-силового, экономико-технологического и культурного потенциала страны, но и определяло связанную с этим механику распределения национального дохода. Объективно в традиционном, по преимуществу крестьянском, обществе, в условиях бедной страны, с низкой нормой прибавочного продукта и недостатком капиталов, лишь такая возвышающаяся над сословиями *абсолютная* власть обладала возможностью *мобилизации* всех материальных, фискальных и социальных ресурсов для целей модернизации страны, преодоления ее отставания от Запада. Самодержавие имело, по сути, неограниченные возможности с помощью фискального механизма систематически осуществлять «перекачку» ресурсов всего общества на цели индустриализации, которая в свою очередь служила основой военной силы государства. Можно считать, что это было единственное довольно узкое «окно» возможностей для *ускоренной* модернизации такой страны, как Россия. Две мощные волны модернизации – начала XVIII в. и второй половины XIX – начала XX вв. целиком можно отнести к заслугам руководимой самодержавием *просвещенной бюрократии*.

Уже по одному этому основанию самодержавие предстает чем-то гораздо более сложным, чем только чудом сохранявшимся реликтом ретроградного прошлого. Р. Хелли пишет о специфической для России модели «служебного государства», очень традиционного, но в то же время восприимчивого к прогрессивным сдвигам, которые совершались на протяжении всей истории России через механизм «революций» (по существу, радикальных обновлений) так называемого «служебного класса» (бюрократии) [20]. Й. Арнасон полагает, что в значительной части Российская империя представляла собой не столько антипод, сколько структурный прототип советской модели модернизации. Он подчеркивает, что мобилизационная мощь «самомодернизирующейся» империи хотя и покоилась на ресурсах традиционного общества, уже существенно отличалась от традиционной деспотии. По его мнению, абсолютистская империя, являясь движущей силой и главным актором изменений, обеспечивала их радикализацию, но при этом сама со временем становилась не противовесом гражданскому обществу, а, напротив, стремилась стать концентрированным и динамичным выражением потенциала его «самотрансформации». Ориентированная на модернизацию империя порождала авторитарный, «структурно деформированный», но довольно динамичный тип развития капитализма, представляющий реальную (по крайней мере, на определенном этапе) альтернативу классическому западному варианту [21. Р. 19–20, 73].

Следует согласиться с оценкой Й. Шумпетера, полагавшего, что за либеральной и социалистической критикой русского самодержавия «совершенно потерялась та простая истина, что эта форма правления не менее точно соответствовала породившей его социальной структуре, чем парламентская монархия в Англии или демократическая республика в Соединенных Штатах». По его мнению, «царизм как раз имел широкую опору среди огромного большинства всех классов» и, вместе со всей его бюрократией, частичными реформами в аграрном секторе, покровительством промышленности и нетвердым движением к выхолащенному варианту конституционного строя, был *вполне органичен* тому умеренному темпу социальной эволюции, который наблюдался в российском обществе. Если бы не напряжение войны, вызвавшее дезорганизацию фронта и тыла, этот неустойчивый баланс

между старым и новым мог бы выдерживаться и дальше, лишь постепенно смещаясь к победе новых начал [22. С. 422–423].

Социальный смысл революции 1917 г.

Модернизационный курс самодержавия таил в себе и глубокие противоречия. С одной стороны, прогресс модернизации неизбежно увеличивал амплитуду отрыва самых передовых эшелонов развития (т.е. промышленного капитализма) от низших социально-экономических укладов, делал общество в экономическом и культурном отношении более сложным, гетерогенным, а самодержавие – почти *незаменимым* институтом, способным под «политарной» оболочкой абсолютизма сохранять единство этих разностей. С другой же стороны, модернизация вступала в конфликт с отношениями традиционного общества. Осуществляя модернизацию, самодержавие неизбежно порождало в обществе стремление к большей индивидуальной эмансипации, расширению возможностей реализации частных интересов. Эта тенденция в свою очередь делала анахронизмом лежащие в основе самодержавной формы правления идеи всеобъемлющей бюрократической регламентации и опеки над обществом, приоритета обязательственных, «служебных» отношений перед государством, подминавших под себя тесно связанную с частным интересом свободу личности. Поэтому одновременно с поощрением развития в *буржуазном направлении* самодержавие стремилось сдерживать процесс разложения *старой системы власти*, опираясь на консервацию социальных опор традиционного общества (помещичьего землевладения, крестьянской общины и т.п.). По мере развития страны, самодержавие становилось всё более неспособным бесконфликтно соединить в своей политике цели расширения частной свободы и сохранения социального порядка, расширение личных прав и свобод граждан (включая имущественные) и интересы служения государству.

Помимо тех социальных противоречий, которые обычно выделяют в пореформенную эпоху (между помещиками и крестьянами, буржуазией и рабочими), постепенно зрел менее ясно выраженный, но всеобщий, *социальный* по своему характеру конфликт между бессловным «гражданским» обществом и той системой сословно-бюрократической организации общества, на которой

зиждилась абсолютистская монархия. Этот конфликт приобрел почти *открытые* формы уже в период реформ 1860-х – 1870-х гг. По наблюдению Ф. М. Достоевского, именно в этот период «шатости и неопределенности» усилилась подвижность общественной жизни, а в ней подспудно стала утверждаться «новая условность», вытеснявшая прежнюю иерархию статусов: на место дворянина и чиновника в роли «лучших людей» выдвигались выразители власти «золотого мешка» – фигуры купца-миллионщика, биржевого игрока, ловкого адвоката [23. С. 330–332].

А. Д. Пазухину пореформенная Россия уже видится *расколотой* страной: России «исторической», опирающейся на сильную государственность и сословность, противостоит зараженная анархией, материализмом, цинизмом и стяжательством, «другая» Россия, которая «заявляет о себе каждодневно и требованием конституции, и хищением общественного достояния, и подвигами тайной крамолью» [12. С. 3–4]. Фактически о периоде реформ можно говорить как об уже состоявшейся *культурно-психологической* «революции», в дальнейшем – в 1905 и 1917 гг. – устремившейся лишь к своему политическому завершению. Обе эти революции напоминали *общественный взрыв*, когда острое недовольство практически всех групп населения сфокусировалось, прежде всего, против власти.

Очень точно смысл этого противостояния по итогам революции 1905–1907 гг. выразил С. Ю. Витте: «... Главная причина нашей революции – это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, в том числе и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно, а так как жизнь шла своим чередом, то народу пришлось или давиться, или силою растопыривать оболочку; так пар взрывает дурно устроенный котел – или не увеличивай пара, значит, отставай, или совершенствуй машину по мере развития движения» [14. С. 506].

Легкость и стремительность свержения самодержавия в 1917 г. обернулась – при всей выраженности в революции *буржуазной* и *социалистической* тенденций – неспособностью практически всех чередующихся у власти буржуазных и «соглашательских» партий стабилизировать ситуацию и преодолеть уже не просто социальный раскол общества (типичное для

революций явление), но его стремительно нараставший катастрофический *распад*. Ни одна из политических группировок, по оценке Й. Шумпетера, не имела столь широкой и глубокой связи с народной массой и ее отдельными слоями, какой обладал свергнутый царизм [22. С. 423]. Отсюда тот паралич дееспособности, который демонстрировало Временное правительство в период с февраля по октябрь 1917 г., пока, наконец, *всё более сужающейся* возможностью выхода из кризиса власти не воспользовались большевики.

Закономерен вопрос: была ли жизнеспособной в условиях начавшейся революции *буржуазная* альтернатива рухнувшей автократии, если невозможно подвергать сомнению общий вектор буржуазной эволюции российского общества? Ответ на этот вопрос, скорее всего, будет отрицательным. Несмотря на впечатляющие успехи капиталистической индустриализации в последнее двадцатилетие перед революцией, развитые формы капиталистического производства охватывали всё еще довольно узкий сегмент российской экономики, которая на 80% была представлена отсталым аграрным сектором. В состоянии даже русской крупной промышленности имелось много несовершенств и уязвимых мест: она была «бедна капиталами, квалифицированными рабочими, техниками и инженерами», а ее размещение по территории страны было крайне неравномерным [24. С. 318]. Однако для оценки капитализма как системно-политической альтернативы абсолютизму гораздо важнее другое обстоятельство, а именно – его *институциональная слабость* не только в отношениях с государством (слабая легитимация частной собственности, отсутствие гарантированного правового режима, неразвитость контрактного права) [25], но и в среде гражданского общества. Восприятие капитализма как движущей силы общественного прогресса еще довольно слабо проникло в толщу традиционного русского общества.

Негативное или, по крайней мере, равнодушное отношение к капитализму в обществе во многом объяснялось и специфическим характером проводимой царизмом политики «вращения» капитализма. В то время как сектор крупнокапиталистической промышленности поощрялся к развитию созданными для него «тепличными» условиями (щедрыми государственными субсидиями, казенными заказами и т.п.) и потому воспринимался

часто как искусственный нарост на теле «народной» экономики, обремененная фискальными поборами и крепостническими пережитками отсталая крестьянская экономика, при других условиях могущая служить почвой для широкого роста капитализма «снизу», характеризовалась крайне медленной эволюцией в буржуазном направлении.

Фактически *деформированный* характер капиталистического развития в условиях абсолютистской модернизации выразился в сильнейшей поляризации создаваемого «сверху», *субсидируемого* крупнопромышленного капитализма и полунатуральной, *субсистентной* крестьянской экономики – при фундаментальном недостатке средних, промежуточных звеньев между ними. Развитию капитализма препятствовала и низкая покупательная способность большинства населения. При хроническом недостатке капиталов абсолютистская политика модернизации поощряла такой тип развития капитализма, который базировался не на его собственных воспроизводственных возможностях, а на фискальной эксплуатации *всего* общества. В результате в пореформенной России формировался хорошо знакомый по странам «третьего мира» феномен «двойной экономики». А сохранявшийся с петровской эпохи *культурный раскол* российского общества довершил картину углубляющегося кризиса, делая конституционалистские программы буржуазных партий малопонятными и чуждыми народной массе. Февраль 1917 г. в этом смысле если и можно считать *буржуазной революцией*, то революцией несостоявшейся, абортивной.

Вся сумма этих доводов заставляет по-новому взглянуть на социальную природу русской революции 1917 г. На начальном этапе настоящую силу *всеобщего социального взрыва* ей придала та концентрация противоречий (неразрешенность острейшего земельного вопроса, фискальная сверхэксплуатация общества, множась в военной обстановке дисфункции бюрократического управления), которая очень точно укладывается в проявления так называемого «закона убывающей бюрократической эффективности», выведенного К. А. Виттфогелем применительно к *социальным переворотам*, совершавшимся время от времени в *аграрных обществах Востока* [26].

К такому пониманию социальной природы революции 1917 г. подводит и тот бесспорный факт, что вся борьба партий

и программ, происходившая в «верхнем слое» политики, в конечном счете, зависела от колебаний в настроении наиболее массовой движущей силы революции – *крестьянства*, которое, вследствие войны и мобилизации в армию, оказалось стремительно втянутым в горнило активной *городской* политики. При всей настойчивости требований разрешения острейшего земельного вопроса, крестьянство являлось социальной группой, приверженной весьма смутным *традиционным* идеалам «правды» и «справедливости», и потому неспособной возвыситься до выдвижения в ходе революции самостоятельной политической программы. Очевидно, что исход борьбы за власть в этих условиях был абсолютно «незапрограммированным» и зависел от того, какой политической силе удастся «оседлать» эту стихию *победоносного крестьянского восстания*.

Большевики сумели по-своему гениально воспользоваться нараставшей вместе с хозяйственным крахом *радикализацией* массовых настроений и – что важно – внедрить в них довольно простую, доступную пониманию пропагандистскую «матрицу» *социалистического* характера революции. Ирония истории состояла, однако, в том, что, приступая на этой основе к новой общественной «сборке», большевистский режим в последующей своей политике вынужден был, осознанно или безотчетно, вместе с реализацией своего эгалитарно-утопического идеала, не только реализовывать несостоявшуюся историческую миссию русского капитализма, со всеми сопровождавшими ее ужасами первоначального накопления, но и подвергнуться существенной «ретрадиционализации», т.е. воскресить те стратегии и инструменты властвования, которые определялись исходным неразвитым состоянием социального агрегата тогдашнего российского общества и были характерны для рухнувшего в феврале 1917 г. абсолютистского режима.

Разумеется, проведение параллелей между русской революцией 1917 г. и «ориенталистской» моделью *антиабсолютистской крестьянской революции* требует известных поправок на исторические накопления процессов модернизации и европеизации Российской империи. Возможно, более релевантной объяснительной моделью здесь могла бы служить выдвинутая Д. Ливеном концепция «гибридного» (западно-восточного) характера российской автократии [27], которая, кстати, позволяет не считать

специфику Российской империи уникальной, но вписывает ее в типологический ряд других известных «военных империй» (в частности, Османской и Цинской), со всеми постигшими их в начале XX в. революционными катаклизмами.

Самое главное, однако, в том, что предлагаемый взгляд позволяет увидеть русскую революцию 1917 г. в совершенно новой плоскости и в диахронном плане – не как изолированный факт *социального взрыва* в многовековом стабильном течении русской истории, но как проявление присущего ей алгоритма, *повторно* засвидетельствованного событиями «младороссийской» революции августа 1991 г. Всякому, кто вдумчиво анализирует современную российскую действительность, становится ясно, что и она стопроцентно не застрахована от тех социальных противоречий и рисков, которые в 1917 г. ввергли страну в болезненную революционную ломку.

Литература

1. *Мионов Б. Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства.– Изд. 2-е, исправл.– В 2 т.– Т. 2.– СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000.– 567 с.
2. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр.– М.: Политиздат, 1990.– 415 с.
3. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. В. Л. Иноземцева.– М.: Логос, 2003.– 368 с.
4. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.– N.Y.: Simon & Schuster, 1996.– 367 p.
5. *Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса.– СПб.: «Владимир Даль», 2006.– 300 с.
6. *Зубков К. И.* Петровская модернизация как рецепция рационализма (методологический анализ) // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации: Сб. науч. ст.– Екатеринбург: УрО РАН, УрГИ, 1998.– С. 64–77.
7. *Семенов Ю. И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней).– М.: «Современные тетради», 2003.– 776 с.
8. *Шумпетер Й. А.* История экономического анализа: В 3-х т.– Т. 1. / Пер. с англ. В. С. Автономова.– СПб.: Ин-т «Экономическая школа»; С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов; ГУ–ВШЭ, 2004.– LVII, 496 с.
9. *Зубков К. И.* Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета.– 2017.– № 1 (16).– С. 72–84.
10. *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры.– М.: Изд-во «Правда», 1989.– 654 с.

11. *Skocpol Th.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China.– Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1979.– xviii, 407 p.
12. *Пазухин А. Д.* Современное состояние России и сословный строй.– М.: В Университетской Типографии (М. Катков), 1886.– 63 с.
13. Политический строй современных государств.– Т. 1.– СПб.: Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича, 1905.– XIV, 652 с.
14. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг.– М.: Мысль, 1991.– 708 с.
15. *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800.– New Haven: Yale University Press, 1983.– ix, 284 p.
16. *Ерошкин Н. П.* Самодержавие накануне краха.– М.: Просвещение, 1975.– 160 с.
17. *Ленин В. И.* Письма о тактике // Ленин В. И. Полн. собр. соч.– Т. 31.– М.: Политиздат, 1974.– С. 131–144.
18. *Lieven D.* The elites // The Cambridge History of Russia.– Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven.– Cambridge: Cambridge University Press, 2006.– P. 227–244.
19. [Чернышевский Н. Г.] Община и государство. Две статьи Н. Г. Чернышевского.– Женева: Издание журнала «Набат», 1877.– XIII, 125 с.
20. *Hellie R.* The Structure of Russian Imperial History // History and Theory.– 2005.– Theme Issue 44.– P. 88–112.
21. *Arnason J. P.* The Future That Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model.– L.: Routledge, 1993.– xi, 239 p.
22. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ.– М.: Экономика, 1995.– 540 с.
23. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Избранные страницы.– М.: Современник, 1989.– 557 с.
24. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР.– Т. 1.– Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.– 398 с.
25. *McDaniel T.* Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia.– Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1988.– xii, 500 p.
26. *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power.– New Haven; L.: Yale University Press, 1967.– xix, 556 p.
27. *Lieven D.* Dilemmas of Empire 1850–1918. Power, Territory, Identity // Journal of Contemporary History.– 1999.– Vol. 34, No. 2.– P. 163–200.

Управление через манипулирование (о Нобелевской премии по экономике 2017 г.)

Ю.П. ВОРОНОВ, кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

В статье описываются направления поведенческой экономики, в частности, «теория подталкивания». Ричард Талер, профессор из Чикаго, получил за нее Нобелевскую премию по экономике 2017 г. Приводятся примеры конкретных приложений теории подталкивания. Указывается, что эта теория развивает концепции ограниченной рациональности, неценовой и экспериментальной экономики.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике, поведенческая экономика, теория подталкивания, приложения экономической теории, экспериментальная экономика, ограниченная рациональность

В лауреаты Нобелевской премии по экономике в 2017 г. прочли многих, в частности, нескольких ведущих специалистов мира по финансам, называя имена кандидата на пост главы ФРС Джона Тейлора из Стэнфорда, главного экономиста Всемирного банка Пола Ромера из Нью-Йоркского университета, ранее возглавлявшего Совет экономических советников Правительства США (при президенте Р. Рейгане), Мартина Фельдштейна из Гарварда, бывшего председателя ФРС Бена Бернанке, бывшего главного экономиста МВФ Оливье Бланшара, бывшего федерального судью Ричарда Познера и Марка Гертлера из Университета штата Нью-Йорк.

Еще одна тема, на которую, как считали прогнозисты, должен был обратить внимание Нобелевский комитет, – это снижение темпов роста практически во всех странах. Из всех, кто занимается этой темой, особо выделяли Роберта Барро из Гарвардского университета и Грегори Мэнкью, по учебнику которого учится макроэкономике весь мир. И только в части «разное» отмечали климатические изменения (кандидат – Уильям Нордхаус из Йельского университета), производительность труда (Дейл Йоргенсон из Гарварда) и, наконец, поведенческую экономику (Ричард Талер из Чикагского университета, он в итоге и победил). Нетрудно

заметить, что в списке только американцы. И немудрено: прогнозы систематизировал «Уолл-стрит джорнэл» [1]. Правда, и прочие прогнозы не отличались разнообразием стран, способных предложить кандидатов в нобелевские лауреаты.

В нашей стране поведенческая экономика почти отсутствует, как и наука о поведении (behavioural science), в которую эта экономическая дисциплина входит. Осваивать ее пытаются у нас и психологи, и медики, и экономисты, но разрозненно. Разделенные по советским канонам и по паспортам специальностей отечественные науки не допускают ничего ранее уже не освоенного¹. По этой причине и в сфере «поведенческой экономики» в нашей экономической науке застой.

Исключением является то, что это направление экономической науки продвигает Лаборатория экспериментальной и поведенческой экономики НИУ «Высшая школа экономики»², да есть семестровый курс «Поведенческая экономика» на экономическом факультете МГУ (В. Иванов, О. Маркова, Е. Майорова, Г. Калашнов). Но зарубежного размаха нет, и вряд ли можно надеяться на быстрое развитие у нас, например, «поведенческих финансов». Причина в том, что традиционно в нашей стране решения отдельного человека считались принципиально несущественными в сравнении с более глобальными государственными целями. А решения Центробанка воспринимаются как внешние обстоятельства, а не как результат общих мнений.

Кто он, новый лауреат?

Ричард Талер родился в 1945 г. в небольшом городке штата Нью-Джерси, степень бакалавра получил в 1967 г. в не очень известном Западном резервном университете Кейза (Case Western Reserve University), а магистра и доктора философии (соответственно, в 1970 г. и в 1974 г.) – в Рочестерском университете.

Сейчас лауреат преподает в Чикагском университете, точнее, в созданной при нем еще в 1898 г. Школе бизнеса Бута (Booth School of Business), подготовившей почти за 120 лет сотни руководителей крупных корпораций через программы MBA.

¹ Впрочем, любой желающий может зайти на сайт, посвященный наукам о поведении и записаться в рабочую группу № 10, которая занимается «теорией подталкивания»: Number 10's Behavioural Insight Team – «The Nudge Unit».

² Сайт Лаборатории: <http://epee.hse.ru/exp>.

Р. Талер – большой выдумщик: в 1987–1990 гг., например, вел колонку «Аномалии» в чикагском журнале *Journal of Economic Perspectives*, где отмечал случаи экономического поведения, нарушающие постулаты принятой в университетах микроэкономической теории. Его работы «Квазирациональная экономическая наука» (*Quasi-Rational Economics*), «Рок победителя: парадоксы и аномалии в экономической жизни» (*The Winner's Curse: Paradoxes and Anomalies of Economic Life*) и «Достижения в поведенческих финансах» (*Advances in Behavioral Finance*) отражают его неординарный подход к любой проблеме.

Предисловии к этим статьям лучше всего отражают кредо Р. Талера: «Экономическая теория может быть отделена от других социальных дисциплин на основании убеждения, веры, что поведение может быть объяснено с помощью предположения, будто экономические агенты имеют стабильные, хорошо определенные предпочтения и совершают рациональные выборы, совместимые с этими предпочтениями на рынках, которые (со временем) очищаются. Эмпирический результат квалифицируется как аномалия, если его трудно рационализировать, объяснить, или если неправдоподобные допущения необходимы для объяснения последнего в рамках данной парадигмы».

В 2005 г. Р. Талер получил премию имени Пола Самуэльсона от организации ТИАА-CREF³. Он входил в группу советников президента США Б. Обамы, сейчас сочетает преподавание и исследовательскую работу с предпринимательством, для этого ранее основал компанию по управлению активами *Fuller & Thaler Asset Management*.

Ричард Талер консультировал на постоянной основе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона и президента США Барака Обаму⁴. Таким уровнем консультирования отличался только самый выдающийся экономист XX века лорд Джон Мейнард

³ ТИАА (или ТИАА – CREF, Teachers Insurance and Annuity Association – College Retirement Equities Fund) – основной неправительственный пенсионный фонд США для преподавателей вузов и школ, научных работников и деятелей культуры медицины. Обслуживает более 5 млн работающих и пенсионеров. Входит в список *Fortune 100*, активы на середину 2017 г. 1 трлн долл.

⁴ Одна из решавшихся им задач состояла в том, чтобы преодолеть сопротивление населения медицинской реформе *Obamacare*. И получилось так, что Трамп, пообещав покончить с этой реформой, столкнулся с тем, что многие американцы в нее уже поверили.

Кейнс. И в чем-то они неуловимо схожи. Основная изюминка теории Кейнса была в том, что государство может стимулировать экономический рост через увеличение государственных инвестиций, в теории Талера – что необходимо применять «мягкие» способы регулирования экономики. В результате воздействия таких способов на людей они начинают полагать, что сами хотели сделать именно тот выбор, какой нужен для развития экономики.

Получается, что оба изучали некоторые экономические закономерности, но предлагали вмешательство в экономику: Кейнс на макроуровне, Талер – на уровне индивидуального сознания. Вместо чистой «невинной» науки появляются практические рекомендации, за которые нужно нести ответственность (конечно, так бывает не всегда).

Основная книга по «теории подталкивания» написана двумя авторами, а премия досталась одному. Кто же он, этот обделенный? Оказывается, удивительная личность, ничуть не менее интересная, чем нобелевский лауреат.

Касс Роберт Санстейн родился в 1954 г., по образованию юрист, по профессии – политтехнолог высокого класса. Он 27 лет преподавал в школе права Чикагского университета, в настоящее время – профессор Гарвардской школы права. Но в промежутке был служебный взлет: в 2009–2012 гг. он занимал должность администратора офиса Управления по делам информации и регулирования. Этот пост неофициально называют «царь-регулятор»: занимающий его человек полностью контролирует всю информацию о деятельности президента и правительства США.

Соавтор Талера – сторонник президента Б. Обамы, активный член его предвыборного штаба. Используя «теорию подталкивания», Санстейн собрал на предвыборную кампанию Обамы почти миллиард долларов. Более 55% составили чеки менее 100 долл., то есть деньги вносили небогатые американцы. Теория сработала. Во многом этот успех послужил причиной внимания Нобелевского комитета к «теории подталкивания».

Почему же Нобелевскую премию дали только Р. Талеру, а не обоим авторам книги? Об этом мы можем только гадать. Или ждать будущих расследований такого решения Нобелевского комитета.

Что же такое «теория подталкивания» (nudge theory)?

Обычно эту теорию объясняют на простом примере. Если государство заинтересовано в том, чтобы сэкономить затраты на здравоохранение, чтобы его граждане меньше болели, можно применять меры прямого давления и прямой экономии, увеличивая долю платной медицины [2]. И совсем другой ход – пропаганда здорового образа жизни, подталкивание людей к тому, чтобы они сами заботились о своем здоровье.

Нельзя пропагандировать то, что вредно для здоровья, нужно подталкивать к тому, что полезно. Так что, каждый из нас, придя в супермаркет, может наглядно увидеть достижение нобелевского лауреата 2017 г. – сигареты в закрытом шкафу.

Вообще английским глаголом to nudge обозначают широкий диапазон действий – от созвучного ему в русском языке «понуждать» до «дотрагиваться, чтобы показать что-то интересное».

Приведем еще несколько примеров подталкивания. Чтобы повысить очень низкий уровень взносов в пенсионный фонд среди работников частного сектора, правительство Великобритании в 2012 г. обязало работодателей придерживаться схемы «автоматической регистрации». Это означало, что взносы в пенсионный фонд автоматически включаются в штатное расписание. Они вычитаются из зарплаты так, что для работника это не видно, несмотря на то, что формально они должны быть исключены именно из зарплаты.

Была реализована еще одна мера, основанная на исходном (теоретическом) допущении, что многие желают получать больше денег сейчас, не откладывая из них на будущую пенсию. Нужно было внедрять накопительный вариант пенсий, поэтому вместо навязчивой рекламы были составлены краткие рекомендации – плюсы и минусы этого варианта и альтернативных ему. К рекомендациям прилагался вопросник, составленный так, чтобы накопительный вариант становился выбором по умолчанию: вероятность его выбора была самой высокой. Прием несложный, но реально в Великобритании возросло число тех, кто добровольно перешел на накопительную схему.

Еще один пример. Кто не знает о штрафах за превышение скорости? Они оформляются по показаниям камер, которые фиксируют не только нарушителей, но и тех, кто проезжает на разрешенной скорости. Поэтому существует реальная возможность проводить

постоянную лотерею среди тех, кто соблюдает ПДД. Оказалось, что такая мера действует на водителей не хуже штрафов.

Существует еще множество примеров удачного применения «теории подталкивания». Например, в качестве гарнира к основному блюду предлагать салат вместо картофельного пюре или пшенной каши. Эдакая легкая форма принуждения, называемая «гарнир по умолчанию».

Благодаря «теории подталкивания» во многих странах мира в ресторанах и кафе ввели ограничения на размер в меню дозы алкогольных напитков: не более 50 г крепкого алкоголя, не более 75 г крепленого и 150 г столового вина. Оказалось, что совсем не работает шутовская народная мудрость: «Алкоголь в малых дозах можно принимать в неограниченных количествах».

Наиболее распространенной схемой «теории подталкивания» считается Save More Tomorow, что можно перевести как «Отложи больше на будущее» или «Откладывай каждый день». Она была предложена лауреатом вместе с профессором Калифорнийского университета Шломо Бенарци в 1996 г. и уже тысячи раз использована в мире для совершенствования пенсионных систем.

Люди не хотят сокращать текущие расходы, даже когда до пенсии недалеко. Самым примечательным достижением Р. Талера можно считать как раз формирование самостоятельного решения больше отчислять на пенсию из своего заработка. И здесь он встретился с явлением, которое было им замечено еще в 1970 г., описано в совместной статье с Дэниэлем Канеманом и многократно подтверждено в ходе многочисленных экспериментов. Это явление называется «отторжение потерь» (loss-aversion). Суть его в том, что для человека вероятность потерять (утратить) конкретную сумму существенно более важна, чем вероятность такую же сумму заработать или получить. Для экономической теории это – иррациональное поведение: для нее обе суммы равны. Но это еще не все. Если даже пенсионные отчисления не уменьшают зарплату, то они все равно не воспринимаются человеком положительно. На «отторжение потерь» накладывается «отторжение дополнительных усилий» (effort-aversion), которое касается не столько дополнительных трудовых усилий, сколько оформительской волокиты: заполнения заявления и т.д.

Очень показательный в этом плане пример Р. Талер привел в своей книге 2015 г. Относится он к внедрению банковских карт.

Сначала на заправочных станциях США ввели ценовую надбавку 3%, если человек рассчитывается не наличными, а картой. Это вызвало возмущение и покупателей, и банков-эмитентов. Тогда на бензин сделали общую наценку 3%, а тем, кто расплачивался наличными, – скидку те же 3%. Вроде бы одно и то же, если читать учебники. Но оказывается, что «оплата “надбавки” – реальные расходы, тогда как отсутствие скидки – “просто” цена возможности» [3]. Введение категории «цена возможности» позволяет объяснить еще несколько экономических парадоксов, в частности, почему крупные супермаркеты и гипермаркеты пользуются большей популярностью – попросту потому, что они предоставляют возможность более широкого выбора товаров.

«Отторжение потерь» объясняет еще один эффект, выявленный в исследованиях поведенческой экономики, так называемый «эффект утопленных (пропавших) затрат» (sunk cost effect). Он отличается от собственно «эффекта отторжения потерь», поскольку, как правило, сохраняется (чаще всего ни на чем не основанная) надежда на то, что когда-нибудь они принесут доход.

В традиционной экономической теории все эти эффекты сливались в единую массу иррационального поведения, которым можно было пренебречь. Р. Талер разработал стратегию «либертарианского патернализма», которая призвана настроить человека на принятие взвешенных рациональных решений, а не на поиск сиюминутных выгод. Он пишет: «Под патернализмом мы имеем в виду попытку помочь людям достичь своих собственных целей. Если кто-то спросит, как добраться до ближайшей станции метро и вы дадите точные указания, то вы действуете как патерналист в нашем понимании. Мы используем термин “либертарианский” как прилагательное, чтобы показать, что оказываем помощь, но не ограничиваем выбор» [3. С. 208].

То, что человек не всегда поступает рационально, обычно смущало экономистов-теоретиков. Иррациональное поведение виделось лишь как девиация, как досадное отклонение от основной линии разумного поведения.

Продолжение традиции

«Теория подталкивания» ставит крест на концепции эффективных рынков (Efficient Market Hypothesis, EMH), которая была основой господствующей экономической теории и отчасти

заменяла «невидимую руку рынка», приписываемую еще Адаму Смиту. «Пузыри», лопнувшие в 1987 г., с 1998 по 2000 гг. и в 2008 г. заставили не только Нобелевский комитет, но и экономистов по всему миру отказаться от непогрешимости теории «свободного рынка». Р. Талер подробно объяснил, как финансовые пузыри формируются из-за иррационального желания покупать, чтобы не пропустить возможность заработать еще больше денег. Им описано «стадное чувство», когда желание получить быстрый доход не позволяет трезво оценить реальную рыночную стоимость приобретаемых активов.

Он отмечает, что основы поведенческой экономики заложены еще в работе Адама Смита «Теория нравственных чувств», опубликованной в 1759 г. В ней описан конфликт между нашими «страстями» и «беспристрастным зрителем», который анализирует не всегда рациональные человеческие поступки. А. Смит отмечал и так называемый «эффект близорукости» (миопии), когда будущие удовольствия волнуют человека меньше, чем сегодняшние. Он полагал, что для преодоления миопии необходим самоконтроль (сила воли).

Еще один предшественник, на которого указывает Р. Талер, – это Уильям Джевонс, который в конце XIX века отметил, что «межвременной выбор» имеет определенный рубеж, за которым увеличение срока отложенного потребления уже не влияет на выбор [4].

Можно также отметить и работы гуру чикагской школы Милтона Фридмана, который еще в 1953 г. указывал, что экономическая наука основывается на гипотезах, которые нуждаются в проверке на эмпирическом материале: «Действительно важные и значимые гипотезы имеют “предпосылки”, которые являются весьма неточными описаниями реальности, и, в общем плане, чем более важной является теория, тем более нереалистичны (в указанном смысле) ее предпосылки» [5. С. 29].

«Теория подталкивания» принесла в экономическую науку эмпирические основания для классификации иррационального поведения, помимо межвременного выбора. Но этому расширению предшествовали другие исследования. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1978 г. Герберт Саймон ввел в научный оборот термин «ограниченная рациональность», который относился к поведению человека внутри организации. Далее его

последователи Сайерт и Марч создали «поведенческую теорию фирмы», после чего термин попал в поведенческую экономику в работах уже упомянутого Д. Канемана. Направление развивали также другие выдающиеся экономисты – Гарри Беккер, Оливер Уильямсон, Томас Сарджент и другие. Дефект теории состоял в неразделенности видов иррациональных решений, отсутствии критериев такого разделения.

Выдающимся вкладом Р. Талера в анализ нашей повседневной жизни можно считать то, что из всех видов ограниченной рациональности он выделил *mental accounting* – «рассудительную (ментальную) бухгалтерию». Например, люди обычно отделяют от текущих затрат расходы на праздник, как бы заводят разные счета для двух видов затрат. Когда они открывают срочный вклад, на который начисляют проценты, то не используют сберегательный вклад для оплаты покупок по кредитной карте, поскольку в их сознании он отделен от потребительских расходов. Еще один случай «ментальной бухгалтерии» разобран лауреатом в отношении логики поведения таксистов в Нью-Йорке. Для них каждый рабочий день – как бы отдельный бухгалтерский счет. Поэтому в день, когда пассажиров достаточно, таксист работает немного, а когда с пассажирами не везет, – подольше. И в том и в другом случаях есть целевая планка дневного заработка. Это противоречит поведению рационально действующего «экономического человека», который должен бы работать больше в день, когда есть спрос на его услуги [6].

Разделение доходов на разные счета выявлено и для биржевого фондового рынка: дивиденды и курс акций представляют собой разные виды доходности и слабо связаны между собой. Одно дело – заработать на спекуляции ценными бумагами и совсем другое – ожидать, когда тебе выплатят дивиденды. Эти два «ментальных счета» можно определить как активный и пассивный.

В рамках «поведенческой экономики» показано, что основная часть потребителей выбирает «ленивый» вариант потребления, который предлагается «по умолчанию». Исходя из этого отчисления в пенсионный фонд и должны рассматриваться как вариант естественный, а не исключительный. Именно такое обоснование и позволило внедрить систему накопительного пенсионного обеспечения в Великобритании и других странах мира.

Ограниченная рациональность

В книге К. Санстейна и Р. Талера различают две системы человеческого мышления. Это различие заимствовано ими у предшественника, нобелевского лауреата Даниэла Канемана. Авторы называют их рефлексивной и автоматической системами, у Д. Канемана они получили названия «быстрая» и «медленная»⁵[7]. Автоматическая система определяется в «теории подталкивания» как основанная на чувствах и инстинктах, так и на том, что даже к мышлению зачастую не относят. Это, например, улыбка при виде смешной куклы, нервное состояние при входе самолета в зону турбулентности или рефлекторный наклон головы, если в нее летит мяч. Рефлексивная система содержит рассуждения и осознания (это выбор, куда поехать отдохнуть, выйти замуж за кого-то или нет, и т.п.).

Есть очень известный маркетинговый прием, у многих вызывающий улыбку. Любой покупатель, если подумает, хорошо понимает: 100 рублей и 99 рублей – фактически одна и та же цена. Но более 30 лет продавцы упорно придерживаются «принципа девятки», поскольку он работает, увеличивая продажи в среднем на 24%. Почему? Просто здесь работает быстрая, рефлексивная система.

В какой мере повседневная жизнь распределена между этими двумя системами? Оказывается, что мозг, занимая всего 2% человеческого тела, потребляет 10% энергии даже тогда, когда человек «живет на автомате», то есть бездумно слушает музыку или болтает ни о чем с друзьями. А когда он начинает использовать рефлексивную систему, доля используемой мозгом энергии доходит до четверти всей потребляемой человеком. Так что уже по энергетическим причинам (вероятнее всего, не самым важным) человек пользуется двумя системами мышления практически постоянно, используя разные части мозга.

Если человек будет размышлять о самых мелких вещах, он попросту не выживет. В психологии это явление описывается так называемой «теорией двойственного процесса» (Dual Process Theory – DPT). DPT и есть основа подталкивания, поскольку оно касается, в основном, тех действий, какие человек совершает

⁵ Для этой работы принята аббревиатура ККТ ([8]).

необдуманно. Это же позволяет выработать новые средства незаметного воздействия на него, «мягкого толчка».

Часто ли человек контролирует свои действия? Увидел пирожное, рука сама к нему потянулась, посмотрел рекламу кока-колы, и в магазине она всплыла в памяти. Поэтому не следует давать повод для запуска не контролируемой сознанием «автоматической системы». Идея «мягкого толчка» и состоит в том, чтобы не запускать этот автоматизм – например, ограничить рекламу кока-колы, запретить выставлять на видные места магазинных полок «вредное» питание. За такие предложения «теорию подталкивания» иногда называют «теорией фруктов и салатов» (она рекомендует выставлять их на самые видные места). Действительно, эксперимент под лозунгом «фрукты вместо чипсов», проведенный в соответствии с этой теорией в школах Вашингтона и еще трех городов США, дал поразительные результаты. Потребовалось всего лишь убрать чипсы и булочки на верхние и нижние полки, а на уровень глаз выложить «полезную» еду. И понадеяться на человеческую лень.

Справедливость как иррациональность

Большую известность (правда, только среди специалистов) получили теоретические и экспериментальные исследования Р. Талера по теории справедливости. Им разработаны средства измерения «чувства справедливости». Он показал, как это чувство у потребителей мешает продавцам повышать цены при высоком спросе и не мешает – когда расходы (например, перед праздниками) увеличиваются в целом. Пример лабораторного эксперимента: допустим, в магазине продаются лопаты для уборки снега по 15 долл., а после сильного снегопада цену подняли до 20 долл. Справедливо это или нет? 82% обычных покупателей ответили, что несправедливо. Но когда задали тот же вопрос студентам, уже знакомым с законом спроса и предложения, повышение цен признали несправедливым только 24%. Р. Талер называет это различие «ослеплением теорией».

Надежды в одном часто компенсируются неудачами в другом. Один из элементов иррационального поведения – так называемая «ошибка хиндсайта», или суждения задним числом. Оказывается, после того как случилось нечто неожиданное, человек начинает думать, что он всегда знал, что это произойдет. По мнению

Р. Талера, это явление имеет очень большое значение скорее не для рынка, а для менеджмента. Руководителю компании необходимо убедить своих менеджеров браться за рискованные проекты. Они обычно не желают брать на себя ответственность, поскольку в случае неудачи в голове их начальника сложится как раз «ошибка хиндсайта» – ему будет казаться, что он эту неудачу предвидел, что он изначально считал этот проект слишком рискованным. В свою очередь, менеджеры, которые хоть раз столкнулись с «ошибкой хиндсайта» у своего шефа, поостерегутся предпринимать какие-либо действия, сопряженные с риском.

Когда студентов учат закону спроса и предложения, когда им рисуют кривую спроса, доказывая, что чем ниже цена, тем выше спрос и наоборот, то в этом очень много лукавства. Преподаватель уж точно должен знать, что если даже во много раз снизить цену на то, что ему не нужно, он этого не купит, а если при повышении спроса повысят цену, то признает это несправедливым.

В особенности это заметно при определении уровня заработной платы. Давно отмечено, что в период спада в экономике зарплаты не снижаются до того уровня, при котором все сохраняли бы свои рабочие места. Людей увольняют, а не снижают всем зарплату, чтобы никого не увольнять. Урезание заработной платы вызывает возмущение рабочих, поэтому для работодателя предпочтительнее увольнять часть работников, а не понижать зарплату всем.

Сохранение зарплаты оставшимся – шаг навстречу их «чувству справедливости». Это скорее исключение. Как правило, работодатель совершает ошибки, игнорируя фактор справедливости.

Экспериментальная экономика

Успехам «теории подталкивания» во многом способствовало и развитие «экономики больших данных», формирование условий, когда стало возможным создание постоянно возобновляемых индивидуальных досье на каждого человека. Появился массовый материал, по которому можно было разделять две формы выбора, успешно и адресно манипулировать сознанием. Именно возможности обработки больших массивов данных продвинули вперед исследования по экспериментальной экономике.

Известно, что основатель экспериментальной экономики – Вернон Смит, лауреат Нобелевской премии по экономике 2002 г.

Но он проводил эксперименты преимущественно среди своих студентов. Если даже на их месте оказывались другие, все равно эксперименты были лабораторными, то есть в некоторой искусственной, игровой ситуации. Он провел только несколько полевых экспериментов, и все они относились к энергетике и радиосвязи.

Сначала приведу пример одного лабораторного эксперимента, придуманного Р. Галером. Испытуемых ставят в следующую условную ситуацию.

Допустим, вы купили ящик «Бордо» по 20 долл. за бутылку, а сейчас она продается за 75 долл. И вы решили выпить одну бутылку вина. Какое утверждение лучше описывает ваше отношение к стоимости выпитой бутылки?

1. 0 долларов. Я уже заплатил за эту бутылку.
2. 20 долларов, столько я заплатил за нее.
3. 20 долларов плюс проценты за время, пока оно подорожало.
4. 75 долларов, столько я мог бы за нее выручить сейчас.
5. 55 долларов. Вино стоит 75 долларов, но заплачено всего 20: получается, что я израсходовал разницу.

Доли ответивших в порядке следования вариантов: 30%, 18%, 7%, 20% и 25%. Но если задавался вопрос не о выпитой, а о случайно разбитой бутылке, то большинство выбирало четвертый вариант: они же могли продать ее за 75 долл.

Чем отличается от лабораторного полевой эксперимент? Приведу классический пример из опыта основателя экспериментальной экономики Вернона Смита. Днем потребляется больше электроэнергии, чем ночью. Для выравнивания ее потребления в течение суток нужно ввести сниженный ночной тариф. На сколько он должен быть снижен, чтобы все домохозяйки стали включать стиральные машины только ночью? Очевидно, что дневной тариф при этом должен быть настолько высоким, чтобы им пришла в голову мысль экономить электроэнергию. И в нескольких штатах США и провинциях Австралии были экспериментально установлены пороги снижения ночного тарифа, когда домохозяйки включают свои стиральные машины только в ночные часы.

Компания Thomson Reuters прогнозирует лауреатов Нобелевских премий по экономике на основе цитирования. В 2016 г. она выбрала Джона Листа из Чикагского университета и Чарльза Мански из Северо-Западного «за проверку с помощью экспериментальных методов базовых моделей экономической науки» [9]. Их также называли как возможных лауреатов премии 2017 г.

В эксперименте, проведенном в Массачусетском технологическом институте, предлагалась оценивать туристические путевки в Париж и в Рим по одной цене. Большинство опрошенных находились в замешательстве, поскольку критериев предпочтения не было. Тогда им предложили три варианта: поездку в Париж + бесплатные завтраки, поездку в Париж без завтраков и поездку в Рим + бесплатные завтраки. Подавляющее большинство, почти не раздумывая, выбрало первый вариант. Иными словами, выигрыш важнее выбора города.

Перед назначением премии 2017 г. много говорилось о женщине, которой можно было бы вручить Нобелевскую премию по экономике, – Эстер Дюфло. Она могла бы стать второй, после Элиноор Эстром, женщиной – нобелевским лауреатом по экономике.

Э. Дюфло родилась в 1972 г. в Париже, в школе изучала русский язык. В 1993 г. преподавала французский язык в Москве и работала над магистерской работой по истории первой советской пятилетки, за которую и получила степень магистра в Эколь Нормаль. В 1999 г. получила степень доктора в Массачусетском технологическом институте. Эту работу она писала под руководством профессора А. Банерджи. С ним позже она написала ставшую очень известной книгу «Экономика нищеты. Радикальное переосмысление способа борьбы с нищетой в мире» [10]⁶. Описанные в книге рандомизированные контролируемые исследования (РКИ) применялись для изучения реакции отдельных групп населения на некоторые экспериментальные ситуации, приближенные к реальности или предвещающие такую реальность. Эти эксперименты касались рядовых экспериментов с ценами на новые товары, например, чтобы определить, по каким ценам в Кении будут покупать москитные сетки. Но были и более изощренные, которые также касались здоровья населения и отношения людей к собственному здоровью.

В частности, для того чтобы люди начали использовать лекарства от глистов или принимать витамин В (от глазных болезней), содержащие железо таблетки (для борьбы с анемией), нужно, чтобы сначала все эти препараты выдавались бесплатно.

⁶ Рецензию на эту книгу см. [11].

«Рядом с источниками воды следует размещать раздаточные пункты с бесплатной хлоркой; следует вознаграждать родителей за вакцинацию детей; детям в школе следует бесплатно выдавать препараты для дегельминтизации и питательные добавки; необходимо осуществлять государственные инвестиции в инфраструктуру водоснабжения и санитарии» [10. С. 54–55].

Совершенно очевидно, что манипулирование сознанием – вещь весьма опасная. И мера опасности зависит от того, кто манипулирует. Некоторые в связи с работами лауреата вспоминают опубликованную в 1949 г. книгу Джорджа Оруэлла «1984», где «старший брат» довел «стратегию подталкивания» до совершенства.

Литература

1. Либсдорф Б. Кто в 2017 году получит Нобелевскую премию в области экономики? //The Wall Street Journal. – 2017. – 2 окт.
2. Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness, Yale University Press, 2008; русский перевод: Талер Ричард, Санстейн Касс. Nudge. Архитектура выбора. – Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 240 с.
3. Thaler R. H. Misbehaving. The Making of behavioral Economics, 2015. Цит по русскому переводу: Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. – М.: Эксмо, 2017.
4. Thaler R. Some Empirical Evidence on Dynamic Inconsistency // Economics Letters. – 1981. – Vol. VIII. – P. 201–207.
5. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. – 1994. – Т. 2. – Вып. 4.
6. Thaler R. Mental Accounting Matters // Journal of Behavioral Decision Making. – 1999. Vol. 12. – P. 183–206.
7. Kahneman D., Knetsch, J.L., Thaler R. H. Experimental Tests of the Endowment Effect and the Coase Theorem // Journal of Political Economy. – 1990. Vol. 98 (6). – P. 1325–1348.
8. Thaler R. Toward a Positive Theory of Consumer Choice // Journal of Economics, Behavior and Organization. – 1980. – March. – P. 39–60.
9. Салькова А. Нобелевский прогноз 2017 по экономике // Газета.ру. – 2017. – 5 окт.
10. Banerjee A., Duflo E. Poor Economics.. A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty. – Public Affairs, New York, 2011.
11. Кригер Э. Пусть данные говорят сами за себя // Финансы и развитие. – 2011. – Июнь.

Можно ли соединить «пространство нефти» и «нефть в пространстве»?

Ю.К. ШАФРАНИК, доктор экономических наук, председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России, Москва
В.А. КРЮКОВ, чл.- корр. РАН, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Развитие нефтегазового сектора России имеет свои существенные особенности, обусловленные не только характеристиками ресурсной базы, но и значительным влиянием пространственного фактора. Научоемкие и априори инновационно ориентированные малые и средние компании имеют более благоприятные перспективы в ранее освоенных районах, в то время как выход в новые районы в большей степени отвечает особенностям функционирования и развития крупных вертикально интегрированных компаний-лидеров.

Ключевые слова: углеводороды, пространственное развитие, вертикально интегрированные компании, инновационные малые и средние компании, восток России

В течение последних лет с меняющейся интенсивностью в разных изданиях ведутся дискуссии о роли и месте нефти не только в мировой и отечественной энергетике, но и в экономике страны и даже в ее политической системе. Неоднозначность позиций самых разных авторов и самых разных точек зрения побудили и нас коротко высказаться о нефти в современном мире и в современной российской реальности. Основное, что нам хотелось бы донести до читателя, состоит в том, что нефть (и все процессы, с ней связанные) не является исключением из того общего круга проблем, которые происходят в мире и тем более в нашей стране. В то же время роль и место нефти в нашей экономике и в целом в развитии страны имеют определенную специфику, которой нельзя пренебрегать и не видеть которую чревато негативными последствиями для выхода экономики на траекторию поступательного развития. Эта специфика определяется в значительной мере той ролью пространства (обширных территорий), которое является одновременно и нашим активом, и нашим пассивом. Активом – с точки зрения тех возможностей, которые открываются при переходе от более освоенных территорий к менее освоенным (и, что особенно важно

в современных условиях – к более благоприятным в экологическом отношении); пассивом – тех колоссальных проблем и немалых затрат капитала и труда (правда, в то же время и вызовов, которые ведут к появлению новых решений и продвигают и экономику, и общество) [1, 2]. Роль пассива проявляется и в возможности следования ранее наработанным практикам и подходам, многие из которых, увы, уже недостаточны для повышения конкурентоспособности в современном мире.

Поэтому, как мы считаем, роль и место нефти в нашей стране (и в экономике, и в политике) не могут быть адекватно поняты и оценены в русле и в рамках односторонних противопоставлений (таких, как научно-технический прогресс – нефть, города – нефть, развитие – нефть, гражданское общество – нефть и проч.), для которых присущи однозначные оценки-приговоры: проклятье (ресурсное), болезнь (голландская), застой (советский или уже постсоветский) [3].

Как минимум, адекватная оценка роли и места нефти в экономике и, в целом, в развитии России предполагает рассмотрение в динамике взаимодействия двух пространств – «пространства нефти» и «нефть в пространстве».

Наша нефть – достигнутые результаты впечатляют

Российская нефтегазовая промышленность является одной из крупнейших в мире и продолжает успешно развиваться. По итогам 2016 г. добыча нефти и газового конденсата достигла максимального за всю историю уровня – 547 млн т. Россия занимает второе место в мире после США по добыче нефти и природного газа и второе – после Саудовской Аравии – по экспорту нефти. Страна выходит на мировой рынок СПГ – создаются новые мощности по его производству, увеличивается протяженность нефтегазопроводов, включая экспортные. Осваиваются новые месторождения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

«Пространство нефти» – стремительные перемены

«Пространство нефти» – внутренняя структура связей и взаимоотношений в рамках многостадийного процесса – от поисков

нефти до ее добычи, а также ее связи с «внешним» (по отношению к ней) миром – претерпевает колоссальные (говоря языком геологии – тектонические) трансформации.

«Внешний» мир характеризуется стремительным развитием производства альтернативных энергоресурсов, а также резким изменением представлений о потребностях экономики в углеводородах под влиянием научно-технического взрыва последних двух десятилетий [4]. Горячие головы даже заявляют об окончании «эры нефти» в обозримые 20–30 лет. В числе оснований, например, то, что растет число инициатив на уровне самых различных стран по отказу от двигателей внутреннего сгорания в долгосрочной перспективе. В частности, Китай предполагает к 2050 г. достичь 30%-й доли электромобилей. Стремительно растет производство энергии из альтернативных источников, которое сопровождается впечатляющим снижением затрат; усиливается внимание к проблемам охраны окружающей среды и проч.

Важно то, что в сфере поисков и добычи углеводородов стремительно меняется и внутренняя структура – соотношение различных типов компаний, а также видов и сфер деятельности. Все это происходит под влиянием и научно-технического прогресса, и тех новых условий, в которых отныне осуществляются все процессы от поисков и до добычи включительно. Иллюстрацией является то, что США, например, менее чем за десять лет нарастили добычу нефти с 339 до 625 млн т, а газа – с 545 до 749 млрд м³. Как итог, рост предложения углеводородов на мировом рынке превысил спрос на них, в результате цены на нефть, например, упали втрое. Диктат производителя сменился диктатом потребителя углеводородов.

При рассмотрении «пространства нефти» важно понимание отмеченных выше процессов не столько в контексте его сжатия – вплоть до окончательного искоренения, сколько понимания, что и как будет «потом». Есть все основания утверждать, что «потом» нефть останется (хотя и в более скромных масштабах) – не только как источник энергии, но, например, как база для получения разнообразных материалов и продуктов. Для нас важно, что этот переход в состояние «потом» будет происходить во времени и сопровождаться изменениями во внутреннем «пространстве нефти». К числу таких изменений, несомненно, следует

отнести усиление роли знаний и интеллекта на всех стадиях и на всех этапах от поисков до добычи. Так, большие данные и информационные технологии, на основе которых получают распространение распределенные базы знаний и данных, будут становиться более доступными для тех, кто готов рисковать при реализации новых проектов. И эти новые процессы будут во все большей степени определять динамику нефтегазового сектора и в мире, и в нашей стране. Результат – снижение издержек (несмотря на ухудшение горно-геологических и географических условий), умеренные цены и успешность только тех, кто окажется конкурентоспособен. Следует отметить, что льготы и преференции не могут оставаться значимыми в долгосрочной перспективе – их назначение состоит в запуске новых процессов. Роль инновационных компаний неизмеримо возрастает, возникает среда, в рамках которой взаимодействуют и крупные вертикально интегрированные (ВИНК), и малые и средние компании (число которых стремительно растет). В этой ситуации вертикально интегрированные, в частности, утрачивают многие свои универсальные преимущества и уже не имеют всеобщего характера (например, фактор экономии на масштабе). Бизнес по производству (от поисков до добычи) углеводородов все в большей степени нормализуется с точки зрения его доходности (в том числе и так называемой бюджетной эффективности) вследствие сложной «игры» – издержки – результаты.

Важная особенность «пространства нефти» состоит и в том, что на новых объектах – более сложных и более наукоемких, а также расположенных в ранее освоенных районах, малые и средние инновационные компании более чем успешно конкурируют с вертикально интегрированными, равно как и для независимых сервисных подрядчиков подобные объекты становятся основной сферой приложения усилий.

Примерно так – в самом сжатом виде – выглядит динамика современного «пространства нефти» в обозримом будущем.

Российское «пространство нефти»

В современной России «пространство нефти» имеет свою специфику. В основе лежат особенности ресурсной базы углеводородов, тот колоссальный задел, который был создан за годы плановой экономики, а также та роль, которую углеводороды

играют в доходах государственного бюджета. Несмотря на сообщения об окончании эры нефти в России, по итогам первого полугодия 2017 г. экономика страны выросла на 1,4% во многом благодаря росту цен на нефть и высокому уровню экспортных поставок.

Эти обстоятельства определяют и иные формы связей и взаимодействий всех участников отечественного «нефтяного пространства». Доминирующую роль играют вертикально интегрированные компании (прежде всего, компания-лидер ПАО «Роснефть»); роль малых и средних инновационных компаний остается более чем скромной; современные информационные технологии и подходы экономики знаний используются все более широко, но в то же время в значительной мере как дополняющие и в русле тех представлений, которые зарекомендовали себя в других странах мира (число отечественных прорывных технологий более чем скромное) [5].

Отличие отечественного «пространства нефти» от стран-лидеров (с точки зрения роста глобальной конкурентоспособности отрасли) характеризуется сосуществованием и тесным взаимодействием весьма противоречивых тенденций. А именно, стремление к применению и развитию передовых технологий сопровождается сжатием «подпространства» сервисных услуг (многие из которых становятся составными частями ВИНК); при нарастании роли все более сложных и все менее традиционных источников углеводородного сырья (баженитов, доманиковых, хадумских и прочих «новых» геологических объектов) отмечается стремление к регламентации (разработке и применению) определенных стандартных подходов к оценке ресурсного потенциала; все более углубляющееся несоответствие рисковому характера освоения новых объектов и системы налогообложения; сюда же отнесем отсутствие специализированных финансовых институтов, что противоречит мировой практике и объективным потребностям отрасли.

Отечественное «пространство нефти», конечно, меняется, но все же, на наш взгляд, не так динамично и не столь целенаправленно, как этого требует современная действительность (достаточно отметить, что запланированная к выходу в свет в 2015 г. «Энергетическая стратегия России на 2035 год» пока так и не увидела свет. Среди причин – отсутствие консенсуса

в профессиональном сообществе, в том числе и по отмеченным выше вопросам).

Нефть в пространстве России

Наша страна стала Россией после Московской Руси тогда, когда двинулась на восток. Пространство во многом определяет особенности и экономики, и управления, и развития Отечества. Экономическую основу движения на восток сначала составляла пушнина, а потом эта роль прочно закрепилась за минерально-сырьевыми ресурсами. Начиная с середины XX в. доминирующим ресурсом становятся углеводороды. Благодаря формированию новых топливных баз были построены новые города, проложены дороги и коммуникации – иными словами, был обеспечен переход от географического пространства к пространству экономическому (мы далеки от мысли идеализировать данные процессы – были и ошибки, но то, что сделано, имеет в целом колоссальное позитивное значение, и это для нас вполне очевидно).

И этот путь в пространстве далеко не завершен – Восточная Сибирь и Арктика, шельф и Дальний Восток таят в себе немалые возможности. Показателен в этом отношении современный пример Республики Саха (Якутия) – освоение нефтегазовых месторождений и сооружение новых инфраструктурных объектов на ее территории служат мощным подспорьем для первичной отрасли специализации – алмазодобычи, которая также переживает трудности перехода к все более сложным геологическим объектам. Движение «нефти в пространстве» определяет не столько бизнес, сколько государство и компании-лидеры (как правило, с государственным участием – ПАО «Роснефть», ПАО «Газпром», а также ОАО «Сургутнефтегаз»).

Считаем необходимым отметить, что противопоставление современной пространственной экономики (базирующейся на «центрах экономической активности» – агломерациях) динамике пространства, основанного на освоении и использовании природных ресурсов, носит чересчур общий характер и не принимает во внимание специфику России. Природные ресурсы, в том числе углеводороды, еще долго будут необходимы человечеству. Однако формы и подходы к их освоению и вовлечению в хозяйственный оборот меняются и будут непрерывно меняться. Учитывая то, что знания и интеллект приобретают доминирующее

значение, меняются и организационные формы, и рамки реализации проектов. Вряд ли в современных условиях есть место моногородам и стационарным монопрофильным поселениям. Очевидно, и в будущем процесс будет развиваться в направлении формирования пространственно-рассредоточенных проектов: собственно добыча будет происходить в местах размещения источников ресурсов (при максимально возможном применении информационных технологий – по аналогии со смарт-генерацией и автономно-управляемыми карьерными комплексами), в то же время разработка и сопровождение данных систем, управление ими, а также получение готовых продуктов будут иметь место на значительном удалении.

Можно сформировать представление о будущем, гораздо сложнее перейти от ранее созданных для других экономических условий технологических комплексов к их новому качеству. Здесь как никогда велика роль целенаправленного государственного регулирования, при обязательном учете фактора пространства. Вряд ли целесообразно, например, в агломерациях осуществлять первичную переработку сырья.

Нефть и газ – это не только энергоресурсы страны, но и важные факторы её пространственного развития – в определенном смысле скрепы ее территориального каркаса. Россия, вполне возможно, когда-то станет экономикой крупных урбанизированных агломераций, функционирующих за счет сильных внутренних производственных, социальных и культурных связей, в рамках которых создаются товары и услуги на основе действия синергетического эффекта. Однако та ситуация, в которой сейчас находятся и страна, и ее экономика, не позволяют говорить об этом как о среднесрочной перспективе (равно как и о перспективе за пределами 10-летнего, например, горизонта). Не может не настораживать обезлюдение огромных пространств России: исчезают малые города, экономическая деятельность стихийно стягивается в весьма немногие центры.

Нам нужно включение в систему глобальных экономических связей, но не любой ценой. Так, например, при реализации нефтегазовых проектов на востоке страны приоритет имеют припортовые и приграничные территории: Амурский ГПЗ, Находкинский НПЗ, Восточный нефтехимический комбинат – это всецело экспортоориентированные производства [6]. Обязательно

должна присутствовать и внутренняя пространственная составляющая подобных проектов (например, в виде производств, ориентированных на местные рынки и работающих в тесной пространственной кооперации). Нельзя не упомянуть единичный, пожалуй, пример – ОАО «Иркутская нефтяная компания» реализует ряд нефтехимических проектов внутри Восточной Сибири [7].

Динамика пространства России диктует особое предназначение для крупных вертикально интегрированных компаний, но не в качестве единственных участников процесса продвижения на север и на восток, а в качестве компаний-лидеров (того, кто берет на себя непростую задачу пионерного освоения).

Как соединить разные «пространства»?

Мы считаем, что в современной России есть место самым разным компаниям с самыми разными подходами и навыками. Наши сегодняшние отраслевые лидеры – ПАО «Газпром», «Роснефть», «Газпромнефть», ОАО «Сургутнефтегаз» развиваются успешно, все шире применяют новейшие технологии. Однако быть лидером – не значит всё делать самому или создавать в собственных рамках миннефтепромы и мингазпромы, но, прежде всего, быть центром формирования эффективной среды. Такой подход позволит сформировать широкий спектр отечественных инновационных компаний, которые могут более эффективно осуществлять конкретные задачи в конкретном месте и конкретных условиях. При огромном спектре пространственных, геологических и экономических различий, наблюдаемых от Калининграда до Камчатки, нельзя пользоваться одним универсальным подходом ко всем проектам.

Уже сегодня поддержание современного уровня добычи требует освоения все более сложных месторождений, относящихся к категории с трудноизвлекаемыми запасами. Для этого необходимы и особые технологии, и особые бизнес-условия (которые у нас почему-то отождествляются только с налоговыми льготами и преференциями). Среду, подобную той, что есть в США и Канаде, одним махом не создашь. Тут очень важно избежать упрощенчества и поспешности. Также опрометчиво полагаться только на то, что «бизнес всё знает и всё сделает сам». Поэтому ключевыми становятся вопросы государственной научно-технологической политики.

Необходимы не просто современные технологии, но и навыки и умения работать эффективно в конкретном месте, в конкретном регионе. Нужны не столько предписания, сколько сигналы для бизнеса – какие складываются экономические условия для реализации проектов в разных точках обширного пространства.

При отсутствии рынка и наличии значительной непрозрачности многих экономических процессов выход видится в широком распространении той самой цифровой экономики, о которой так много говорят и пишут в последнее время. Именно распределенные базы знаний и данных под патронатом профессионального сообщества, а также государственных научных организаций, вполне могут выполнить эту роль (много, в частности, говорится об экспертной роли академической науки России – прежде всего, РАН; почему бы РАН не возглавить это архиважное дело?).

Соединение невозможно вне доверия и делегирования

Очевидно, что в процессе развития отечественного нефтегазового сектора заметное участие принимают общественные профессиональные объединения. Многие рекомендации, например, Высшего горного совета, Некоммерческого партнерства «Горнопромышленники России», а также Союза нефтегазопромышленников России легли в основу различных решений по развитию сектора. В 2017 г. под многолетним «натиском» профессионального сообщества налог на добычу полезных ископаемых стал утрачивать свою незыблемость: с января 2018 г. на пилотных проектах будет работать налог на добавленный доход, в большей мере отвечающий современным условиям развития отрасли.

Тем не менее права профессиональных объединений все еще малы для обеспечения соединения особенностей развития «пространства нефти» и нефти в пространстве России. Тут уместно обратиться к историческому опыту. Так, в «Положении о Съездах горнопромышленников Уральской горной области» [8. С. 176–178], которое было утверждено министром земледелия и государственных имуществ Российской империи 2 января 1898 г., вполне определенно и ясно была очерчена

направленность подобных съездов – обсуждение вопросов, касающихся интересов и нужд горной промышленности, а также разрешения всякого рода экономических и административных дел. В соединении пространств (см. выше) роль регионального уровня государственного управления, а также профессиональных сообществ и организаций, представляющих интересы различных видов бизнеса, велика как никогда. Остро назрела необходимость не столько внесения необходимых изменений и уточнений в современное российское законодательство, сколько целенаправленного формирования условий, навыков и подходов работы в конкретных условиях.

Пространство в его неповторимости – не только источник проблем и трудностей, но также и фактор формирования собственного подхода к использованию потенциала природных ресурсов (и нефти, в том числе) на благо нашего Отечества.

Литература

1. *Шафраник Ю.К., Крюков В.А.* Западно-Сибирский феномен. Тюмень на стыке веков: между легендарным прошлым и неясным будущим? – М.: Нефтегазовая вертикаль, 2000. – 224 с.
2. *Шафраник Ю.К., Крюков В.А.* Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. – М.: Издательство Перо, 2016. – 272 с.
3. *Кудрин А.Л.* Города вместо нефти// Ведомости. – 2017. – 20 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/20/724744-goroda-nefti>
4. Beyond the Supercycle: How Technology Is Reshaping Resources. February 2017//In Collaboration With McKinsey's Global Energy and Material Practice. – 105 p. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability-and-resource-productivity/our-insights/how-technology-is-reshaping-supply-and-demand-for-natural-resources>
5. *Козлов Д.* Бурение под ценовым давлением. Рынок нефтесервиса в РФ страдает от консолидации отрасли// Коммерсантъ. – 2017. – 2 нояб. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3456140?from=four_business
6. Деньги на химии. Сессия ВЭФ «Нефте- и газохимия на Дальнем Востоке – новые ниши для бизнеса?»//Экономика Дальнего Востока. – 2017. – № 10. – Минвостокразвития. – С. 20–21.
7. Газовый проект. URL: <http://irkutskoil.ru/gas/>
8. *Девиер А.А., Бредов В.Р.* Свод постановлений о горной промышленности. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1904.

Федеральные инвестиции в биофармацевтику – залог биологической безопасности России

С.В. НЕТЁСОВ, чл.-корр. РАН, Новосибирский государственный университет

В продолжение темы о перспективах и проблемах развития биотехнологического кластера в Новосибирской области, начатой в № 6/2017 г., «ЭКО» публикует интервью с «ветераном» сибирского биотеха, доктором биологических наук С. В. Нетёсовым, который является участником создания и развития в Новосибирской области ряда компаний биофармацевтической направленности.

Ключевые слова: биотехнология, биофармацевтика

Биотехнологический кластер в Новосибирской области формируется вокруг двух основных направлений: промышленная биотехнология (производство ферментов и биопрепаратов для различных отраслей промышленности) и биофармацевтика, или медицинская биотехнология (производство биотехнологическими методами сложных макромолекул и препаратов на их базе, применяемых в медицине).

Основы биофармацевтической отрасли в Новосибирской области были заложены в 1970-е годы, когда был учрежден Всесоюзный НИИ молекулярной биологии (1974), ныне – ФГБУН ГНЦ ВБ «Вектор». В отличие от созданных ранее академических институтов, ведущих фундаментальные исследования в сфере молекулярной и химической биологии¹, «Вектор» в советское время не только занимался прикладными разработками (в основном – оборонного назначения), но и в конце 1980-х годов «пробил» создание на своей площадке производственной базы, на которой в постсоветские годы выросли биофармацевтические компании, занимающие лидирующие позиции в отраслевых рейтингах. Так, компания «Вектор-Бест» (входит в «Топ-400» сибирских компаний по объему выручки: в 2013 г. – 2,7 млрд руб.) является ведущим российским производителем диагностических тест-систем, включая наборы для выявления маркеров ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов, герпес-вирусных, клещевых и других

¹ В 1960-е годы в Новосибирске были созданы институты СО АН СССР – органической химии, цитологии и генетики, затем – Институт химической биологии и фундаментальной медицины, Институт молекулярной и клеточной биологии, а также институты Сибирского отделения Академии медицинских наук – молекулярной биологии и биофизики и другие.

инфекций; компания «Вектор-БиАльгам» выпускает основанные на живых лактобактериях пробиотики и является единственным производителем вакцины против гепатита А в России; ЗАО «Вектор-Медика» – единственный в мире производитель липосомального интерферона, занимается разработкой и производством препаратов на его основе.

ФГБУН ГНЦ ВБ «Вектор» уже более 40 лет ведёт фундаментальные и прикладные исследования в области эпидемиологии, вирусологии, микробиологии, геной инженерии, биотехнологии и биологической безопасности. Прикладные исследования направлены на создание эффективных средств и методов профилактики, лечения и диагностики инфекционных заболеваний, разработку и совершенствование технологий производства противовирусных средств.

Сегодняшним собеседником «ЭКО» является профессор С.В. НЕТЁСОВ, который много лет проработал в ГНЦ вирусологии и биотехнологии «Вектор», в том числе 17 лет – в должности заместителя директора, и стоял у истоков формирования его дочерних компаний, а сейчас заведует в НГУ лабораторией биотехнологии и вирусологии и остается членом ученого и диссертационного советов ГНЦ ВБ «Вектор», готовя кадры для биофарматрасли.

Размер имеет значение

– Сергей Викторович, в 1990-е годы от «Вектора» отпочковались несколько предприятий. Три из них заняли серьезные позиции на биохимическом рынке, а потом создание дочерних и малых предприятий прекратилось. Почему? Сохраняется ли еще у «Вектора» потенциал для организации малых предприятий по ФЗ-217?

– На базе ФЗ-217 в Кольцово не создано ни одного предприятия, потому что этот закон появился намного позднее периода «почкования» от «Вектора» его дочерних предприятий. А отделились все эти компании в 1990-е годы вынужденно: из-за того что статус «Вектора» как ФГУП не позволял оперативно развивать производство в условиях жесткой конкуренции. Площадка «Вектора» в советские годы была в три раза больше, чем сейчас, причем производственная ее часть вдвое превышала научную. Вот размещенные на ней участки и цеха и начали отделяться. Сначала они арендовали площади и оборудование. Потом купили здания на федеральных аукционах. Теперь в составе «Вектора» остались фактически только научные подразделения с несколькими небольшими экспериментальными производственными участками. Так что отделять больше нечего. «Вектор»

сегодня продолжает выпускать вакцины против кори по госзаказу и на этом немного зарабатывает, но это совсем небольшое производство – до полумиллиона доз в год.

Расчитанным на длительную перспективу самостоятельно существующим малым предприятиям в нашей отрасли нет места, просто из-за специфики производства, потому что биофармацевтика предполагает очень строгие условия производства и соответствующие инвестиции. Если руководители стартапов сразу их не нашли, то вряд ли они продвинутся дальше стартапа. В лучшем случае будут фасовать или разливать чужие субстанции, чем и занимаются небольшие заводы в России. В том же Академпарке биофармпредприятий полного цикла пока нет. Единственным исключением является АО «Медико-биологический союз», которое выпускает не лечебные, а диагностические препараты. Так что стартапы в биофармацевтике – это не то, что способно обеспечить прорыв в отрасли или в науке. Но дать старт новому направлению или новому препарату они могут.

Что же касается производства, то даже в Новосибирске в целом малые фармпредприятия почти никакой роли не играют ни по доле рынка, ни по вкладу в ВВП, ни по объему перечисленных налогов. Причем, насколько я знаю, малые диагностические стартапы серьезно не контактировали с нашим сибирским лидером АО «Вектор-Бест», который занимает в России первые позиции по объемам производства диагностикумов. А если бы контактировали, поняли бы, что они разрабатывают, честно говоря, паровозы, потому что используют технологии вчерашнего дня.

– Вы так сурово относитесь к возникающим инновационным компаниям...

– Это не я, это жизнь суровая. Им объективно практически невозможно самим выйти на рынок. У того же АО «Вектор-Бест» около десятка зданий в собственности, производство аттестовано по европейским стандартам, аудитор – германская фирма. «Вектор-Бест» уже начинает продавать препараты на Запад, а у малых компаний даже собственных производственных площадей нет, в лучшем случае – небольшие лаборатории. Они, как правило, испытывают колоссальные проблемы с аттестацией своей продукции в государственных контролирующих органах, поскольку не могут обеспечить ее высокое и стабильное качество. Да и во всем биофармацевтическом мире так: стартапы в конце

концов либо продают свои разработки «Биг Фарме» (если идея прогрессивная), либо тихо заканчивают свою жизнь. И лишь когда идея действительно революционная, и ее автор находит крупного и разумного инвестора, тогда основывается новая суперкомпания, как это произошло с изобретением метода ПЦР, с разработками производства рекомбинантной вакцины против гепатита В и других рекомбинантных белков. Но и здесь чаще всего конечным производителем является представитель «Биг Фармы».

– *Вообще ни одну достойную компанию не можете назвать из новых?*

– На мой взгляд, в биофармацевтическом секторе Академпарка единственная компания, которая имеет неплохой уровень разработок и производства, – это АО «Медико-биологический союз», но ее новой назвать трудно: она уже давно присутствует на рынке диагностикумов. Компания действительно занимается разработкой и выпуском оригинальной диагностической продукции, но объемы ее выпуска в десятки раз меньше, чем у «Вектор-Бест», и я сильно сомневаюсь, что она когда-нибудь его догонит. Еще одна компания, которая может в скором времени занять хорошее место в производственном секторе, – это «Фабрика биополимеров». Но она пока еще не начала производство. Биофармацевтика – это не отверточная сборка, не компьютерная программа, которую записал на диск и продал. Это – очень капиталоемкая отрасль, здесь все должно производиться очень чисто и надежно и требует жесткого многоуровневого контроля разработок и особенно производства.

– *А внешние условия имеют значение? Если бы дочерние предприятия «Вектора» отделялись сейчас, на Ваш взгляд, им было бы проще или сложнее найти свою нишу и встать на ноги?*

– Если бы они все это время оставались в структуре «Вектора», специалисты высокого уровня все бы разъехались. Вы знаете, какая доля молодых биологов сейчас уезжает за рубеж? Треть! В 1990-е годы мы смогли удержать ряд ключевых сотрудников «Вектора» в Новосибирске в немалой степени за счет дополнительных заработков в дочерних коммерческих предприятиях.

К сожалению, в нашей отрасли очень многое зависит от капиталовложений и затрат на материалы и реактивы, причем, на этапах не только производства, но и исследований и разработок. В 1994–1995 гг., когда я впервые посетил в США бывших

сотрудников «Вектора», которые уехали за рубеж и нашли там работу по специальности, меня больше всего поразили не их зарплаты, а те суммы, которые они тратили на покупку реактивов и материалов для работы в лабораториях. Около 25 тыс. долл. в год на человека – в десятки раз больше, чем это было у нас! Вот тут я и ахнул. Вот в чем основная причина и наших отставаний!

На реактивах нельзя особо экономить, как нельзя испечь хлеб без муки. А если вам дают муки в 10 раз меньше, чем нужно, то и хлеба будет в 10 раз меньше. Этого не могут понять наши эффективные менеджеры, которые почему-то считают, что достаточно создать красивую теорию, и у нас все получится. Приезжают такие визитеры на «Вектор», в институты Новосибирского научного центра и пеняют – почему это вы работаете медленнее, чем на Западе. А вы загляните в любой западный университет – у них запас основных реактивов на четыре месяца, а если что-то кончается, достаточно сделать заказ – и через два дня привезут. А у нас? «Вектор» более семи лет после развала СССР работал на советских запасах, да за счет того, что кое-что все-таки в России производилось. А если заканчивался какой-то реактив, мы по всем институтам его искали, чтобы сделать «натуробмен». Так нормальную разработку быстро никогда не сделать. А за «годы реформ» реактивная база для молекулярной биологии в России вообще сошла на нет. Мы зависим от импорта на 90%. Да, мы стараемся покупать реагенты и материалы у российских производителей. Но в ряде случаев там просто этикетки наклеивают, покупая за рубежом это все в больших количествах, а потом фасуя на меньшие порции, а реальное производство – за границей... Поэтому в первую очередь в нашей стране нужно возрождать собственную реактивную базу для лабораторий и производство субстанций для фармотрасли.

О вирусах и вирусологии

– То, что «Вектор» входит в систему Роспотребнадзора, а не СО РАН, усложняет или упрощает работу, например, взаимодействие с институтами РАН?

– Дело в том, что сравнивать не с чем. «Вектор» изначально создавался как мировое лидирующее предприятие в области работы с вирусами. Безопасная работа с вирусами – это очень недешевое удовольствие. Нужны специальные здания, инженерные системы,

оборудование, спецодежда, надо кадры готовить особым образом. Не случайно в России такой вирусологический центр только один, да и в мире таких далеко не сотни. Поскольку лицензию на его работу с особо опасными вирусами выдает Роспотребнадзор, он же и контролирует его деятельность. Поэтому другого пути у «Вектора» не было. А с НИИ СО РАН очень много контактов и взаимодействий, и это взаимовыгодно.

Конечно, подходы к организации и направленность исследований в системе Роспотребнадзора отличаются от академических. Здесь наука сразу становится прикладной. Скажем, когда обнаружили какого-то возбудителя, надо разработать и сразу же изготовить диагностикумы, вакцину и лечебные препараты. Просто так, ради чистой науки изучать эти вирусы тоже нужно, но это – потом. Потому что пока будут разворачиваться фундаментальные исследования, миллионы людей могут умереть без диагностики, лечения и профилактики...

В Академии наук, на мой взгляд, иногда слишком отрываются от реальной жизни. Когда-то Капица-старший сказал по поводу предназначения науки: «Есть ложное представление, что наука нужна для того, чтобы объяснить устройство мира. На самом деле, как устроен мир, вам объяснит любая религия. Наука же нужна, чтобы мир преобразовывать, улучшать». К сожалению, в этом смысле российская наука – какая-то не преобразующая. Мы делаем фундаментальные открытия, а потом кто угодно – американцы, японцы, немцы, англичане – производят на их основе готовую продукцию и нам же ее продают.

– *Тем не менее Вы участвовали в изготовлении живого вируса из копти. Вполне фундаментальная задача. Зачем это понадобилось?*

– Для того чтобы получать вакцины из этого вируса. Их в итоге и получили. Конечно, оживление вируса из его генома – это фундаментальная задача, но она имеет целый ряд прямых прикладных приложений.

– *Неужели Роспотребнадзор имеет желание и возможности финансировать такие вещи?*

– А он в данном случае ни при чем. Это было начато и сделано в тот период, когда у «Вектора» было большое еще советское финансирование.

– *Я думала, это наглухо закрытая режимная организация...*

– «Вектор» был закрыт при СССР, поскольку во многом (но не во всем) работал на оборону, и снова стал более закрытым с 2005 г., хотя уже по другой причине: надо было защищаться от потенциальных биотеррористов. А в промежутке был период, когда он работал в более открытом режиме, хотя все равно были и строгая пропускная система, и вооруженная охрана, и досмотр перед заходом на территорию – просто потому, что это опасное производство (между прочим, так же устроены работа с опасными изотопами и их учет). При этом в 2000–2005 гг. значительная часть финансирования поступала по международным контрактам.

– *Интересно, как в этих ограничивающих рамках ведутся научные исследования. Мы привыкли считать, что для мирового уровня нужен открытый обмен идеями, результатами. Есть же, например, иностранные вирусы...*

– «Вектор» их иногда получает. Да и зарубежные коллеги нередко обращались к «Вектору» за помощью. Не напрямую, конечно, – через Минздрав, Роспотребнадзор. Кроме того, руководство «Вектора» и само может инициировать процесс запроса того или иного штамма вируса, если надо. Закрытость больше касается разработок. Зачем, к примеру, открывать и публиковать результаты исследования, которые ведут к получению нового вакцинного штамма? Надо сначала все это запатентовать, а потом только открывать.

– *Но мы же только что говорили о том, что закрытость ведет к человеческим жертвам. Если обнаружен новый возбудитель, нужно, чтобы была определенная соревновательность в его исследованиях...*

– Когда обнаруживается опасный возбудитель, то к его изучению, как правило, подключается целый международный консорциум или несколько таких консорциумов. Вот, например, когда была вспышка Эболы в Африке в 2014 г., туда кто только ни приехал: и Россия, и Америка, и Англия, и Франция, и Германия, причем, по собственной инициативе. Однако те страны, где сильная собственная вирусология, к обнаруженным у себя новым возбудителям никого из посторонних особо не допускают. Америка, например, поступает именно так, да и мы тоже.

Вирусы гриппа – другое дело: ими все современные лаборатории обмениваются, потому что эти вирусы распространяются среди пассажиров самолетов, туристов, а также перелетными

птицами очень быстро. По этому поводу существуют разнообразные международные соглашения. Еще обмениваются вирусами, которые представляют общемировую опасность, – это вирусы полиомиелита, кори. По ним идет совместное изучение с другими странами, потому что вызываемые ими болезни собираются искоренить путем вакцинации. Это будет нескоро, еще понадобится от пяти до пятнадцати лет, но это реально. Ведь оспу искоренили еще в 1978 г., да и с полиомиелитом уже почти покончено...

– *А вирусы Эбола, Марбург и другие?*

– С ними сложнее. Дело в том, что у них есть природные резервуары в животном мире. Эти животные-носители даже не очень-то изучены, например, в части вируса Эбола. По этим вирусам, конечно, тоже идет международное сотрудничество по ряду направлений исследований и разработок, но есть и некоторая конкуренция...

– *А откуда вообще берутся новые вирусы? Конспирологические теории имеют под собой основание?*

– Конспирологические теории – это, конечно, несерьезно. Все, что сейчас появляется нового – это вирусы животных, которые стали передаваться человеку. Почему? Из-за перенаселения, из-за роста туризма и торговли, других причин. Вот вам пример: в Китае есть провинция Гуандун. По площади она примерно равна Новосибирской области (на 5% больше), но если в Новосибирской области живет 2,7 млн человек, то в провинции Гуандун – 110 млн. И если у нас для того чтобы накормить население, в год выращивается около 7,5 млн цыплят и около полумиллиона голов свиней и крупного рогатого скота, то представьте, сколько их надо вырастить в провинции Гуандун! В 40 с лишним раз больше! Только птицы около 300 млн голов. Рассуждаем дальше: новые штаммы вируса гриппа получаются путем рекомбинации (реассортации) вирусов гриппа птиц, свиней и людей. Где это произойдет с большей вероятностью? В Китае вероятность в 40 раз больше! Так вот, провинция Гуандун тем и знаменита, что в ней рождаются многие штаммы вируса гриппа, впервые появился вирус атипичной пневмонии и многие другие вирусные заболевания. Правда, эта провинция знаменита еще и объемами ВВП, который почти равен объему ВВП России... Так что и хорошее там тоже есть.

– *А в Китае как поставлено дело с вирусологией и вообще с биофармацевтикой?*

– Очень серьезно. Могу сказать, что они нас в этой области опережают. Средняя продолжительность жизни там уже не ниже, чем в России. В том числе – за счет современной медицины, потому что средний китаец живет хуже среднего русского (правда, и миллиардеров там меньше, чем у нас – их там сильно «стригут», и в оборону Китай вкладывает гораздо меньше нашего). Биотехнологии у них сейчас на очень хорошем уровне. Вот только один пример. Витамин С на первоначальной стадии (до полупродукта) производится биотехнологическими методами. Так вот, 95% мирового рынка субстанции витамина С – это Китай. Я даже пока не знаю, кто его может догнать на этом рынке, потому что там смогли еще и радикально усовершенствовать технологию производства. А поскольку цена рабочей силы низкая, и штаммы получены очень производительные – эти два фактора весьма непросто даже повторить в другом месте.

Оценим наши шансы

– *Понятно, что конкурировать с Китаем в производстве массовых продуктов, вроде витамина С, нам трудно. Но, может быть, Вам известны какие-то ниши фармакологического рынка, в которых российские (и новосибирские) производители могли бы претендовать на достойное место?*

– Это прежде всего ниша продуктов тонкой биотехнологии. Там вполне могут выживать даже не очень крупные производства, потому что большие объемы просто не нужны. Например, современные лечебные препараты на основе рекомбинантных белков человека. Так, бывшая дочерняя компания ГНЦ ВБ «Вектор» АО «Вектор-Медика» первой в России начала выпускать рекомбинантный человеческий интерферон – массовый препарат для лечения вирусных гепатитов и некоторых типов рака². Сначала они это делали в кубовом ферментере, сейчас – в 50-литровом: то есть производительность бактерии-продуцента удалось увеличить многократно. Конечный препарат, получаемый из 50-литрового ферментера, может удовлетворить потребности всей страны на треть...

Из других направлений, мне кажется, хорошее будущее имеет проект Федерального исследовательского центра «Институт

² Интерфероны – ряд белков, выделяемых клетками организма в ответ на вторжение вируса и обуславливающих невосприимчивость клеток к другим вирусам. Препараты с одноименным названием применяются как противовирусные и противораковые.

цитологии и генетики» СО РАН по разработке и внедрению в производство новых сортов картофеля и некоторых других районированных семян. Центр создан на базе ИЦиГ и других НИИ Новосибирского научного центра, а этот проект реализуется совместно с Китаем, хотя там урожайность ряда сельхозкультур заведомо выше – просто из-за особенностей климата.

Но в целом, я считаю, основной упор сейчас нужно делать на импортозамещение. При СССР мы очень много производили своего. И в общем, неплохо получалось, даже за рубеж продавали. В 1990-е годы нашу отечественную фармпромышленность просто-напросто развалили, но, например, в такой области, как производство диагностикумов, мы сегодня на 80% обеспечиваем себя сами. Более того, компания «Вектор-Бест», которая работает в этой сфере, даже вышла на международный уровень, причем самостоятельно, без особых государственных вливаний.

– *На Ваш взгляд, насколько грамотна стратегия государства в сфере развития биотехнологий? Способны ли сдвинуть дело с мертвой точки кластерные проекты, «Сиббиотехинициатива», программы субсидирования разработки новых лекарств?*

– На саму «Сибирскую биотехнологическую инициативу» на сегодня пока не выделено ни копейки. Вместе с тем некоторые конкретные кластерные проекты получили и федеральное, и региональное финансирование. В Академпарке, Биотехнопарке Кольцово на эти средства построены бизнес-инкубаторы, центры коллективного пользования, подведены инженерные коммуникации к тем площадкам, где компании строят свои производства. Это – очень нужные, правильные дела. Но чтобы резко увеличить объемы производства продукции (а именно такая задача ставится), этого мало. Нужны серьезные государственные вливания, во-первых – в разработки и производства субстанций важнейших для России лекарств, так как это стратегические продукты, от которых напрямую зависит обороноспособность страны, а во-вторых – в расширение существующих современных производств.

– *Насколько я знаю, эти направления предусмотрены в программе «Фарма-2020»...*

– А вы ее внимательно читали? К сожалению, реальность далека от заложенных в ней хороших инициатив. Во-первых, в ней закреплён принцип значительного софинансирования проектов: государство даёт средства при условии, что от 25 до 50%

от этой суммы доложит частный инвестор. Откуда он появится – непонятно. Большим банковским инвесторам эта отрасль не очень интересна: на торговле они намного быстрее заработают. А существующие современные российские фармкомпании имеют небольшие резервы для инвестирования, потому что им самим надо догонять мировой уровень качества производства.

Почему? Вот типичный пример продвижения отечественного продукта. В свое время ГНЦ ВБ «Вектор», не имея возможностей самостоятельно внедрять в производство свою разработку – технологию производства вакцины против гепатита А, передал права на нее дочерней компании – «Вектор-БиАльгам». АО «БиАльгам» за счет прибыли от своих пробиотиков довело эту разработку до промышленной стадии, организовало проведение клинических испытаний, аттестовало пилотное производство и стало выводить продукт на рынок. Но несмотря на то, что вакцина стоила вчетверо дешевле импортных аналогов, тогдашнее руководство Минздрава ни за что не хотело ее покупать. В АО «Вектор-БиАльгам» совместно с учеными центра «Вектор» провели сравнительные исследования, чтобы доказать, что наша вакцина ничем не хуже зарубежной, ходили по всем инстанциям, упирая на импортозамещение, потребительский патриотизм и т.д. Потихоньку лед начал ломаться – первым «сдалось» Минобороны, потом постепенно другие ведомства... Наконец, недавно спрос увеличился настолько, что «Вектор-БиАльгам» встал перед необходимостью расширения производства вакцины. Так вот, эта эпопея длилась почти двадцать лет. В 1997 г. была выпущена на рынок первая опытная партия препарата, а лишь в 2017 г. банки выдали льготные займы на организацию массового производства этой вакцины в Новосибирской области...

Обратите внимание: субсидий «БиАльгаму» не дали – только кредиты!³ Пусть на льготных условиях, но все равно – кредиты, и только на часть требуемой суммы, оставшуюся часть пришлось находить из своих средств. При этом наши министерства все эти годы охотно платили втридорога за зарубежную вакцину, фактически вкладываясь в зарубежную экономику. США, например, существенно расширили производство за наш счет, потому что при цене одной дозы около 2000 руб. объем закупок доходил

³ По информации ТАСС, при стоимости проекта 219 млн руб. размер льготных займов составит около 150 млн руб.

иногда до миллиона доз в год. Эти бы деньги – да в собственное производство!

– *Из-за того, что завод строится на кредитные средства, себестоимость отечественной вакцины, видимо, вырастет?*

– А куда деваться? И это означает, что при сохранении цены на том же уровне зарплата сотрудников уменьшится! На мой взгляд, если уж решили заняться серьезно импортозамещением, то надо безвозмездно субсидировать своему производителю хотя бы часть суммы. Так во всем мире делают, но не у нас. Вот и получается, что государственная поддержка в этом отношении минимальна.

Во-вторых, у нас существует огромный разрыв в финансировании определенных стадий исследования. Например, в государственном институте сделан прототип какой-то вакцины. Проверили на животных – работает. После этого нужно провести регламентированный комплекс испытаний – доклинических и клинических, но это уже не наука в чистом виде, и государство согласно профинансировать их только на 50%. Так вот, только на доклинические испытания и клинические первой фазы (в ходе которой на небольшой группе добровольцев исследуются переносимость и безопасность препарата) требуется от 50 до 70 млн руб. Вторая же и третья фазы клинических испытаний, которые проводятся на большей популяции, с использованием контрольных групп и т.д., обойдутся еще в 50 млн руб. То есть надо найти где-то 100–120 млн руб., которые начнут приносить хоть какую-то отдачу лишь через 5–7 лет – на этапе третьей фазы (и то – если все будет благополучно и на одной из стадий не проявится какой-нибудь недостаток технологии). И научным организациям предлагается найти где-то производителя, который даст половину этой суммы...

Так вот, не говоря уже о рисках, у подавляющего большинства российских компаний просто физически нет таких сумм, которые можно было бы изъять из оборота, чтобы вложиться в долгосрочный проект. ФЦП «Национальная система химической и биологической безопасности РФ»⁴ могла бы взять на себя это финансирование, но перспективными разработками она пока

⁴ Программа «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2015–2020 годы)» с общим объемом финансирования в 2,6 млрд руб., в том числе из госбюджета – 1,6 млрд/ URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2015/442/>.

не очень занимается, только крайне прикладными и весьма узконаправленными. При этом, по мнению Всемирной организация здравоохранения, самым эффективным вливанием денег за всю историю медицины было создание вакцин, потому что они продлили среднюю продолжительность жизни минимум на 20 лет.

– *А компании «Биг Фармы» проявляют интерес к рынку вакцин?*

– Наша российская «Биг Фарма» далека от мировых мерок по объемам производств. На российском рынке процесс консолидации начался не так давно. Сейчас, насколько я знаю, в России есть семь крупных игроков в области медицинских биотехнологий: компании «Биокад», «Дженериум», «Иммуноген», «Нацимбио», «Форт» и «Р-Фарм». Но даже они только недавно начали производить биофармпрепараты из своих субстанций. И им очень нужны средства для модернизации и расширения производств именно своих препаратов.

В итоге ходят наши разработчики по российскому рынку, никто им денег не дает. Я, например, даже заявку на финансирование доклинических испытаний своей очень перспективной разработки (противораковые вирусы) пока не пишу, поскольку не нашел инвестора, который мне подтвердит, что готов участвовать в проекте.

– *Иностранные учредители могут быть?*

– Конечно. Но только кто сейчас из иностранных инвесторов пойдет в Россию? Торговлю вести – это одно, а строить завод – долго, хлопотно и слишком большие риски, особенно для нерезидентов. У нас же в кризис закрылось несколько автозаводов, которые перестали получать отдачу, когда изменились условия. Но дело еще и в том, что в фармбизнесе транспортные издержки на порядки меньше, чем капитальные вложения. Зачем иностранная компания будет вкладываться в производство в России, когда она может привезти сюда готовый товар? В мире есть практика открытия фармпроизводств за рубежом, но это делается только тогда, когда имеется ощутимая экономия на издержках, и при условии, что между странами существуют прочные долговременные отношения, исключая любые сюрпризы и неожиданности как минимум на 10–20 лет вперед. Ведь сроки окупаемости в фарминдустрии – немалые. Китайцы, например, совместные сельскохозяйственные биотехнологии с нами не прочь завести, а в фармацевтике – нет. Потому что в сельском хозяйстве срок

окупаемости – 2–3 года, а в фарме – 15–20 лет. Американцы большой объем конечных стадий фармпроизводства вынесли в свои самые бедные штаты, вроде Пуэрто-Рико, но стратегические субстанции, включая производство антибиотиков, оставили на своей территории. В том числе потому, что никому не хотят передавать производственные штаммы и секреты...

На мой взгляд, если государство хочет избавиться от импортозависимости по фармацевтическим препаратам, оно должно четко расставить приоритеты. Определить, чего у нас не хватает, и решить, что мы обязательно должны делать у себя, что будем покупать, и некие промежуточные варианты. И это надо сделать сейчас. Потому что только на строительство завода нужно лет пять – от выделения участка земли до выпуска первой продукции, плюс еще года два уйдет на отладку производства и выход на проектную мощность.

– *Это если уже есть готовая технология...*

– Некоторые технологии можно быстро разработать, а некоторые – купить, у того же Китая, например. Но только вчерашние: другие они не продадут. А сегодняшние и завтрашние надо самим разрабатывать...

– *Вчерашние, наверное, у нас у самих есть...*

– Нет. У нас в основном позавчерашние – мы до сих пор в некоторых сферах биофармацевтики живем на заделе 1980-х годов. Большинство тех технологий (вчерашние), которые мы в свое время упустили, сейчас не имеет смысла развивать самостоятельно. Проще и быстрее их купить и вплотную заняться перспективным развитием. Ошибочно думать, что Китай – это второй сорт: он перехватил целый ряд производств у США. Китай – это страна с большим интеллектуальным потенциалом, с очень трудолюбивым народом, и к тому же очень системная. Системно, целенаправленно двигается к поставленной цели.

Так вот, для развития современной «Биг Фармы» нам нужны такой же системный подход и прямые государственные вливания в жизненно важные и в самые перспективные проекты. Говорят, что денег нет. Но, в конце концов, на стадион «Зенит» деньги-то нашли, и немалые. Так что это – вопрос государственных приоритетов. Я своим студентам часто привожу один пример: вы знаете, кто в Европе больше всех экспортирует помидоров?

– *Наверное, Турция или Италия...*

– Очень далеко от правильного ответа: крупнейший экспортер – Нидерланды. Там есть природный газ, который сразу, как только его обнаружили, правительство решило не продавать за рубеж ни при каких обстоятельствах, а продавать только продукцию, которую получают с его помощью. Это не обязательно должна быть нефтехимия, а, например, сельскохозяйственная продукция, которая выращивается в теплицах, отапливаемых этим газом. Под это дело были разработаны специальные технологии. Например, голландцы практически не применяют химические инсектициды – они вывели особую породу хищных ос, которые поедают вредителей и параллельно еще и опыляют растения. И они по всему миру продают не только свои овощи, но и технологии... А, например, крупнейшие производители помидоров в Европе – Италия и Испания – их в свежем виде практически не экспортируют, а делают из них соусы, консервы и зарабатывают максимальную добавленную стоимость. Необработанное первичное сырье экспортируют только страны третьего мира и Россия. Мы продаем газ в Европу и оттуда потом привозим продукцию, которая на этом газе делается...

– Вы говорите, что вчерашние технологии можно купить, а сегодняшние нужно делать самим. Но есть ли у нас специалисты, которые «потянут» современный уровень научных разработок? Ведь подготовка нужных кадров для биофармацевтики – тоже, наверное, дело дорогое и долгое. В НГУ, например, насколько высок уровень подготовки?

– НГУ пока не готовит специалистов по производству фармпрепаратов, но мы организовали магистратуру по биотехнологии, и это – только начало. А самый высококачественный на сегодня химико-фармацевтический университет России находится в Санкт-Петербурге. Вот говорят, что это не проблема – грамотный химик-органик вам любое вещество синтезирует. Но другое дело – как все это довести до промышленной технологии. Это особое ремесло, особое обучение здесь нужно. И для того чтобы им овладеть, действительно требуются серьезные инвестиции. Зубрежкой учебников по вечерам тут не обойдешься, да и учебников современных на русском языке практически нет. Кроме того, нужны специализированные помещения, оборудование для практикумов... Больше того, готовым специалистам необходимо будет предложить хорошую зарплату, иначе они попросту уедут,

потому что эта профессия на Западе востребована и ценится очень высоко.

К сожалению, к нашим чиновникам пока еще не пришло понимание, что экспериментальные науки – это очень дорогое удовольствие, и когда, к примеру, фонд РФФИ дает одинаковые гранты в 1 млн руб., условно, и «айтишнику», и молекулярному биологу, это, как говорится, «две большие разницы». «Айтишник» на этот грант сможет и компьютер себе купить, и год работать, получая хоть небольшую, но все-таки приличную зарплату, которая позволит ему в принципе не отвлекаться на другие проекты. Биолог, закупив оборудование и расходные материалы, вынужден будет работать почти даром, и не факт, что ему этих расходников хватит на год. В этом специфика биологических наук. Физикам, химикам, например, тоже нужны расходные материалы, но в гораздо меньшем количестве...

– Как Вы считаете, две университетские САЕ, имеющие дело с биотехнологиями – «Нейронауки в трансляционной медицине» и «Синтетическая биология» – могут как-то изменить ситуацию в лучшую сторону?

– Они ориентированы на фундаментальную науку, за редким исключением отдельных лабораторий. Но дело не в этом. Какой смысл создавать прикладные продуктовые разработки, если нет производственной компании, которая их дофинансирует и доведет до производства? Самое большое, что могут наши компании – взять выпускников университета в свои небольшие R&D-подразделения и попробовать просто модернизировать уже идущие технологии. Потому что у нас огромный провал в финансировании очень важных этапов жизненного цикла биофармацевтической продукции: доклинических и клинических испытаний. И цена вопроса такова, что без прямого и гораздо более мощного, чем сейчас, государственного участия этот провал преодолеть невозможно.

Еще раз повторю: биофармотрасли для нормального развития и обеспечения лекарственной безопасности страны требуются прямые государственные, причем целевые вливания в передовые предприятия, в передовые продуктовые разработки. И немалые. Иначе, так и будем всю жизнь в роли даже не догоняющих, а простых фасовщиков и потребителей...

Зачем нужны резервы энергетических мощностей?

А.П. ШИБАНОВ, директор Фонда энергосбережения и энергоэффективности Новосибирской области, Новосибирск

Автор доказывает, что плата за резервы энергетических мощностей в России вместо разовых затрат на создание этих резервов фактически переведена в категорию постоянных платежей. Поэтому она является наценкой к тарифу за потребляемую электроэнергию и не приводит к повышению надежности энергосистем напрямую.

Ключевые слова: резервы мощности, энергоснабжающая организация, рынок электроэнергии, рынок мощностей, надежность энергосистем, постоянные платежи, наценка к тарифу

Ответ на вопрос, вынесенный в заглавие статьи, по нашему привычно-воспитанному восприятию не вызывает ни сомнений, ни дискуссий. Резерв мощности в любой системе обеспечения энергетическими ресурсами необходим для организации её устойчивой работы на заданном уровне надёжности и способности к локализации аварийных ситуаций. Резерв подлежит экономическому обоснованию, и его величина, а точнее, доля в установленной мощности, тем меньше, чем более централизованной и развёрнутой является энергетическая система. Это – одно из условий роста эффективности энергосистем по мере их укрупнения. Техническая постановка вопроса иного ответа не предполагает. Но энергетическая система – не только объёмная материальная часть по содержанию, это ещё и динамичная финансовая структура по форме своего существования. И во многих случаях примат формы над содержанием неожиданно становится очевидным.

В период становления идеологических принципов реформы энергетики России активно велась дискуссия о том, что такое энергообеспечение – предоставление услуги или продажа товара? Общепринятой оказалась форма товарных продаж и товарных договорных отношений. Это позволило поставщикам товара включить в его стоимость все виды производственных издержек, связанных как с технологией производства, так и с эксплуатацией материальной части. Своеобразно был решен вопрос определения

объёмов купленного товара – в отличие от всех сетевых систем товарных продаж весы, то есть приборный учет объёма продаж, был вменен покупателю и как техническое средство и, главное, как финансовые издержки. Поставщик не пожелал тратить на это свои материальные ресурсы, понимая при этом, что на покупательском учёте невозможно формировать балансы итоговых продаж товара – энергии, и поэтому своими издержками можно обосновать любые цены на товар.

С товаром разобрались, но желание получить оплату ещё и за оказанную услугу осталось. И форма предоставления услуги, не связанная с приобретением товара, тут же подвернулась – «технологическое присоединение». Услуга разовая, в этом её существенный недостаток для продавца, но весьма ценная, настолько ценная, что позволила сформировать самостоятельный вид бизнес-деятельности этого продавца. Ликвидность этой услуги высочайшая – либо получишь доступ к энергетическим ресурсам и условиям собственной производственной деятельности, либо нет, поэтому альтернатива этой услуге и товару вслед за ней одна – переход к автономному плаванию и бессистемному энергообеспечению. Любая сетевая товарная структура, желая привлечь к себе потенциальных покупателей и отвлечь их от конкурентов, предлагает дисконтные карты в качестве входных и членских билетов. Монопольная энергетическая структура роднится с развлекательным центром – за пиво потом по отдельному счёту, а за вход – здесь и сейчас.

Естественно, что у такого монополиста должно было возникнуть желание сделать услугу постоянной и принудить к оплате не входа, а присутствия. По мере формирования околоэнергетических структур, выделения продаж электроэнергии в самостоятельную форму предоставления услуги по поддержанию договорных отношений на поставку энергоресурсов, формализации федерального рынка энергии, снятия всех физических ограничений на перемещение энергии по территории страны при проведении торговых процедур постепенно складывалась ситуация для вменения потребителям энергии затрат на оплату услуг вне поставок электрической энергии. Возникла тема мощности и двухставочного тарифа.

Более или менее крупным потребителям вменили в обязанность платить как за потреблённую энергию (товар) по первой

ставке, так и за резервируемую для этих потребителей мощность (услуга) по второй ставке. Мощность потребителю при оплате не передаётся, а значит, товаром не является, но при этом регулярно оплачивается право подключения к одному и тому же генератору.

Непротивление злу насилием, т.е. согласие потребителей на эту извращённую систему оплаты, были куплены за счет первоначального снижения стоимости энергии – первая ставка оказалась существенно ниже, чем стоимость энергии для потребителей-«одноставочников», которые по-прежнему оплачивают полную стоимость потреблённой энергии. Это снижение мотивировано высоким напряжением присоединения и оптовым объёмом приобретения. Но как поразительно повела себя в этих условиях вторая ставка – почти трёхкратный рост за два с половиной года развития оптового рынка энергии и мощности! И этот рост давно компенсировал ту самую первичную дисконтную скидку, сделав электроэнергию самым быстрорастущим в цене ресурсом развития экономики.

Стало ясно, что идея реализованного в России энергетического рынка, вместо провозглашённого создания конкурентного, способного самостоятельно привлекать инвестиции в развитие энергетических мощностей, имела фактическую задачу обременения потребителей новыми издержками за счет оплаты услуг по предоставлению зарезервированных для этих потребителей мощностей и ничем не стесненного, в смысле закона, права на неограниченный, в смысле отсутствия обоснований и оправданий, рост оплаты этой услуги... Это позволило закрыть вопрос – почему в российскую энергетику не идут инвестиции, несмотря на отмену и отсутствие регулирования рынка, и подменить привлечение инвестиций обременением ими потребителей.

Параллельно с рынком товара создан самостоятельный и высококорентабельный (издержки практически отсутствуют) рынок услуг по энергетическим резервам. А вот стали ли потребители платить именно за содержание резервных мощностей в электроэнергетике?

Интерес к этой теме стал формироваться в связи с тем, что Правительство РФ приняло постановление № 442 о рынках энергии. При обсуждении понятия «резервирования мощностей» (см., например [1, 2]) избыточно много внимания уделяется энергетической отрасли с её генерацией и распределением

и определениям всевозможных видов резервов энергетической мощности. Эти виды резервов и их анализ устанавливают принципиальность претензий на погашение всех видов выделенных издержек энергетики на поддержание резервов мощности в работоспособном состоянии. Ещё бы, ведь это именно генерирующие и сетевые компании содержат на своём балансе те самые генераторы, трансформаторы и линии электропередачи, источники бесперебойного питания, которые, сверх баланса потребного («произвёл – потребил»), присутствуют как дополнительная материальная часть и формируют пресловутые резервы. И резервируют они не потребителя, а себя и свои сложившиеся технологические потребности. Но какая разница потребителю, как сформулирован принцип оплаты резервов системы, если платить приходится за мощность своей нагрузки?

Анализ качества потребления электрической энергии в промышленных отраслях свидетельствует: свыше 60% объёма потребления – это условно-постоянные энергетические издержки, и только 35–40% энергозатрат связаны с объёмом производства. А в топливно-энергетическом комплексе доля условно-постоянных энергозатрат не превышает 7–15%. Всё остальное изменяется в пропорции с объёмом производства электрической энергии. Поэтому, когда большая доля энергозатрат потребителя определяет величину его постоянно включённой нагрузки, возникает неукротимое желание производителя этих ресурсов вменить потребителю именно за эту мощность и большую долю оплаты.

Это только кажется, что мы платим за «горячие» резервы, то есть за мощность, которая включена, разогрета, но не производит полезного продукта в эту секунду, минуту, час, в какой-то период суток. Если бы это было так, то максимальный платёж определялся бы не в часы максимума нагрузки (то есть когда генерация максимально загружена и работает с наивысшей эффективностью), а в часы наибольшего спада – ночью, когда вся страна, за редким исключением третьих рабочих смен, потребляет энергию в базовом режиме. Именно в этот период генерация «пыхтит», но не производит. Выключить нельзя – через пару-тройку часов всё пойдет под нагрузку, а эффективность работы снижается, возрастают издержки и требуется большая оплата.

В этом случае платеж должен быть пропорционален реальному текущему резерву – разнице между максимальной суточной нагрузкой и базовой нагрузкой ночного минимального потребления. Но мы-то знаем, что эта базовая нагрузка из оплаты исключена, и что платим мы не за провалы мощности, а за ту мощность подключённой нагрузки, которая определяет максимально эффективную работу генерации и сетей. Поэтому реально такая система оплаты не стимулирует использование мощностей в периоды ночных провалов, т.е. равномерное суточное распределение мощностей и снижение резервов, а наказывает за максимумы электропотребления и, как следствие, за максимальное производство товарного продукта.

Получается, что энергетики по этой мощности определяют максимальное значение энергетической стоимости промышленного производства и добавляют эту стоимость к оплате за товар – электроэнергию. Выходит, что это – хоть и электрическая, но добавленная стоимость? И налагается она по закону – значит, это налог на добавленную стоимость? Только в бюджете государства этот налог никем не замечен.

Для точности и чистоты определения этой мощности очень важно знать динамику нагрузки не только совокупного потребления, но и каждого потребителя в частности, а также их энергетического «созвучия», т.е. одновременности динамических колебаний мощности потребления. При этом обозначается иное определение резервов мощности, которое в более весомой форме определяет платежи – резерв как разница в заявленной договором и фактически потребляемой мощности. Фиксируя в документах договорную нагрузку, энергоснабжающая организация не только гарантирует поставку энергии потребителю с заявленной мощностью, но и претендует на включение соответствующих инвестиционных программ в свои тарифы. Чем больше разрыв между совокупной договорной мощностью и фактическим максимумом нагрузки, тем выше претензии энергоснабжающей организации на формально обоснованные инвестиции и избыточное вменение инвестиционных издержек потребителю.

Интересен и другой аспект проблемы. Если энергоснабжающая организация свои резервы рассматривает как товар, подлежащий оплате, и как ресурс своего развития, обеспечивающий

рост инвестиций, если для этого формируется специальная нормативная база, то почему это не позволено потребителю? Ведь эти потребительские резервы образованы, как правило, «на кончике пера» – проектами, расчётно обосновывающими такой уровень нагрузки, и фактически вменены потребителю как неиспользуемые. А ведь если бы резервы мощности были товаром свободного обращения на рынке – вторичном рынке мощностей, они также стали бы ресурсами развития. Но пока это не зафиксировано в нормативных документах, эти ресурсы потребителю электроэнергии недоступны.

Но если эти ресурсы физически имеются, то ими уже кто-то пользуется. В результате такого пользования пять-семь лет назад «закрытые» центры питания городских электрических сетей начали «открываться» для дополнительного подключения потребителей как итог планомерной и продуктивной работы электросетевой организации.

Возникает вопрос: кто и за чей счёт получил от реализации этого ресурса материальный выигрыш? Точно не владельцы потребительских резервов. Проведённая работа по корректировке электрических мощностей объектов образования в городе Новосибирске позволила оформить технические условия на подключение не одного многоквартирного дома точечной жилой застройки. Только самим образовательным учреждениям это перераспределение никакой выгоды не принесло.

Можно согласиться с формальной логикой – генерация и распределение электроэнергии осуществляются в интересах потребителя, и, если это технологически обосновано, наличие избыточных генерирующих и сетевых мощностей должно быть этими потребителями оплачено. Но не очень понятно, почему эта оплата – не однократная, как оплата технологического присоединения потребителей, а переведена в категорию ежедневного и нескончаемого платежа – налога? И совсем непонятно, почему дозволенное энергоснабжающей организации не позволено потребителю. Почему он, установив в ходе своей производственной деятельности наличие вменённого ему проектом резерва, может только отказаться от этого резерва мощности либо в пользу других потребителей, либо в пользу энергоснабжающей организации, и не вправе рассчитывать

не только на разовый доход от этого товара, но даже на возмещение инвестиций в этот резерв.

Чего следует ждать в стратегии идеологического развития реформы энергетики? Если она не претерпит кардинального изменения, то нужно готовиться к появлению новых видов вменённых услуг, которые вследствие их неотъемлемого присутствия в технологическом процессе производства и распределения электрической энергии могут претендовать на обособленную оплату. В статье [1] эти предположения уже обозначены («черные старты», соблюдение внекатегорийности нагрузки). Но гораздо очевиднее другие виды услуг: это поддержание заданного уровня, во-первых, напряжения в узлах нагрузки, во-вторых – частоты. Первая услуга требует наличия специальных мощностей генерации реактивной мощности и затрат на её содержание, а вторая – специально выделенных активных мощностей для ведения частоты в системе. Ну и что из того, что эти показатели должны обеспечиваться по стандартам? В стандартах ничего не говорится о запрете на оплату этих видов услуг.

Всё, что было сказано, касается резервов электрической мощности. А ведь есть ещё и комбинированная выработка тепловой энергии, и тепловая нагрузка на потребителей, на которую можно перенести затраты на производство электрической энергии, но это уже предмет другого разговора.

Литература

1. Шибанов А.П. О резервах // Журнал «Совет директоров Сибири» (СДС). – 2017. – № 3.
2. Воронов Ю.П. Резервы энергетических мощностей: еще одна бездонная бочка // ЭКО. – 2017. – № 9. – С. 125–143.

Вертикали и горизонтали сельского Татарстана*

О.П. ФАДЕЕВА, кандидат социологических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск.
E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

В.И. НЕФЁДКИН, кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск. E-mail: vladnn57@gmail.com

В статье представлены результаты первого этапа (июль 2017 г.) проекта по изучению русских и татарских сел в разных регионах Поволжья и Сибири, в котором принимают участие социологи, экономисты и историки из Новосибирска и Казани. В фокусе исследования находились особенности управления функционированием и развитием 10 сельских поселений Республики Татарстан с разным национальным составом. По мнению авторов, местная специфика в значительной степени определяется высокой интегрированностью сельского самоуправления в жестко субординированную республиканскую вертикаль власти. Наблюдаются и заметные различия между районами, обусловленные их ресурсным потенциалом, личными качествами и политическим капиталом глав районных и сельских администраций, возможностями их взаимодействия с республиканскими и местными элитами. Стремление к сохранению национальной идентичности, наиболее заметное в поселениях с преобладанием титульного этноса, оказывает существенное влияние на локальные хозяйственные и социально-культурные практики и, в конечном счете, на результаты деятельности органов сельского самоуправления.

Ключевые слова: Республика Татарстан, сельские сообщества, хозяйственные практики, местное самоуправление, самоорганизация, вертикаль власти, национальная идентичность

Татарстанское экономическое чудо: временные трудности?

Последовательная промышленная политика и разнообразные программы поддержки сельскохозяйственных производителей, иницилируемые и эффективно контролируемые республиканской «вертикалью» Татарстана, долгое время позволяли ему демонстрировать заметные на фоне соседних регионов РФ экономические результаты. Ставка на опережающее развитие инвестиционной и инновационной инфраструктуры в рамках всевозможных «особых зон» в сочетании с хорошо поставленным пиаром привели к тому, что республика приобрела устойчивый имидж

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00464).

передового и инновационного региона, а местный опыт стал объектом изучения на предмет практического тиражирования в других регионах. В научно-экспертном сообществе принято говорить о формировании в Республике Татарстан (РТ) «эффективной модели регионального развития» [1].

Вместе с тем форсмажорные события 2017 г. не внушают оптимизма в отношении ближайших перспектив экономики Татарстана. Беспрецедентные проблемы в банковском секторе республики нанесли чувствительный удар по малому и среднему бизнесу. Пострадали и крупные системообразующие предприятия. Еще один повод для беспокойства – явно не артикулируемый, но уже с трудом скрываемый аппетит крупных федеральных игроков к главному источнику доходов республиканского бюджета и местных элит – нефтяным и нефтеперерабатывающим активам, все еще остающимся под региональным контролем. К перечисленному можно добавить политические пертурбации последних месяцев: показательная история с несостоявшимся продлением договора о разграничении полномочий между РФ и РТ и вышедшую на уровень Президента РФ дискуссию о преподавании на татарском языке [2].

На фоне вышеописанных событий сельские районы Татарстана, посещенные нами во время летней экспедиции, в целом производят впечатление островков если и не абсолютного экономического благополучия, то, как минимум, стабильности. Эмоциональность полевых наблюдений и естественное желание респондентов, среди которых были главы сельских поселений, фермеры и владельцы ЛПХ, руководители небольших промышленных предприятий, работники районных администраций, а также образовательных, культурных и религиозных учреждений, показать «товар лицом» не располагают к глубоким обобщениям, но не исключают возможность анализа «по горячим следам». Несмотря на заметные невооруженным глазом различия между отдельными районами, мозаика путевых заметок складывается в общую картину, характеризующую в первом приближении сложившуюся в республике модель управления сельскими территориями, суть которой отражена в названии настоящей статьи.

В первую очередь нас интересовало то, в какой мере действующие институты сельского самоуправления способны обеспечить

развитие сельских территорий в условиях общей для России тенденции к сокращению полномочий и финансовых возможностей местных органов власти [3, 4]. Способны ли компенсаторные механизмы, работающие на разных уровнях управления, решать актуальные задачи экономического и социального развития села? В какой мере особенности этнического состава и местные традиции влияют на сложившиеся хозяйственные и социально-культурные практики?

В ходе экспедиции нами были обследованы 10 сельских поселений в пяти муниципальных районах Татарстана, сравнительные характеристики которых приведены в таблице.

**Экономические показатели в обследованных районах
Республики Татарстан (январь-июнь 2017 г.)**

Муниципальный район	Отношение зарплаты к минимальному прожиточному бюджету	Добавленная стоимость на душу населения, тыс. руб.*	Налоговые и неналоговые доходы на душу населения, тыс. руб.	Валовая продукция сельского хозяйства на одного работающего в сельском хозяйстве, тыс. руб.
Средняя по Республике Татарстан	2,15	68,22	5,25	628,39
Алексеевский	1,77	10,58	4,83	516,12
Атнинский	1,97	25,32	4,39	696,83
Дрожжановский	2,03	11,12	3,74	326,58
Елабужский	2,51	98,30	5,09	759,97
Мамадышский	2,01	18,21	3,94	902,56

*) Данные за январь-март 2017 г.

Источник: [5].

Рассматриваемые районы, за исключением «промышленного» Елабужского, имеют основные экономические показатели на душу населения ниже средних по РТ. В то же время производство продукции сельского хозяйства на одного работающего в отрасли в трех районах превышает средний уровень, а в двух – уступает ему. Каждый из районов специфичен и имеет свою не только хозяйственную, но и национально-культурную «изюминку». Для Алексеевского и Елабужского районов характерно преобладание русского населения. Эти районы в большей степени индустриализированы. В Атнинском и Мамадышском районах, напротив, доминируют татарские поселения, а основная

часть трудоспособного населения занята в сельском хозяйстве. В Мамадышском районе (крупнейшем в РТ по занимаемой территории) сельскохозяйственные земли соседствуют с разрабатываемыми месторождениями нефти. Дрожжановский район является обладателем уникальных черноземов и уже осваиваемых месторождений цеолитового сырья. Среди жителей района преобладают представители татарского и чувашского этносов.

Таким образом, районы, попавшие в фокус нашего исследования, заметно различаются между собой по хозяйственной специализации, степени развитости сельскохозяйственного производства и этническому составу, но в целом это достаточно представительная для полевого исследования выборка, по которой в известной степени можно судить о положении дел в сельском Татарстане.

Аграрный контекст

По предварительным итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., в Республике Татарстан насчитывалось 485 крупных и средних сельскохозяйственных предприятий, при этом на одну организацию в среднем приходилось 6586 га земли. Число фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей, занимающихся сельским хозяйством, почти в семь раз больше – 3326, однако средний размер обрабатываемой земли в этом секторе невелик – 182 га. Самую многочисленную категорию землепользователей в сельских поселениях образуют хозяйства населения, их число в республике составило 405983, в среднем на хозяйство приходилось 30 соток [6].

Согласно данным Росстата, по объему произведенной сельскохозяйственной продукции в 2015 г. Татарстан занимал 4-е место среди российских регионов с показателем в 217 млрд руб. (в текущих ценах) [7. С. 691–698]. Тем не менее именно в животноводстве республика занимает лидирующие позиции по поголовью крупного рогатого скота, производству молока и меда. В 2016 г. рост производства составил 5%, в растениеводстве рост – 8,3%, а в животноводстве – 1,6% [8. С. 41–61]. По итогам 2016 г. Татарстан возглавил рейтинг крупнейших отечественных производителей молока.

В 2016 г. в республике собрали 4,1 млн т зерна, что превысило показатели 2015 г. почти на 22%. В производстве зерна

доминируют сельскохозяйственные организации (на их долю в 2015 г. приходилось 81,8%). Однако фермерские хозяйства постепенно увеличивают свое присутствие на этом рынке: за десять последних лет их доля выросла с 13,5 до 18,2%. В животноводстве две основные категории производителей – это сельхозорганизации и ЛПХ. Если в 2005 г. первые из них производили скота и птицы на убой (в убойном весе) чуть больше половины (52,3%), то в 2015 г. их доля возросла до 72,7%. За этот период доля хозяйств населения сократилась с 45 до 24,2%. Иная тенденция наблюдается в производстве молока. С 2005 г. по 2015 г. удельный вес сельхозорганизаций увеличился всего на 2 п.п. (с 56,8 до 58,8%). Хозяйства населения продолжают играть весомую роль в производстве молока, несмотря на сложившуюся тенденцию к снижению их доли (с 38,1 в 2005 г. до 33,2% в 2015 г. и 31,8% в 2016 г.) [7. С. 737–740; 759–785] [8. С. 62–63].

Успехи отечественного сельского хозяйства последних лет связаны преимущественно с развитием крупных агрохолдингов, которые во многих сельских районах становятся крупнейшими землепользователями, производителями и переработчиками сельхозпродукции [9, 10]. Татарстан – один из немногих регионов с развитым сельским хозяйством, в котором агрохолдинги так и не стали доминирующей силой [11].

Этому есть объяснение. С одной стороны, в республику не допускались агрохолдинги федерального уровня, имеющие производственные активы в разных регионах страны. С другой – попытка при административной поддержке сформировать собственные холдинги с татарстанскими корнями (ВАМИН и др.) по большому счету провалилась. Административная поддержка и получение множества преференций сыграли с этими структурами злую шутку – они росли не органическим, а искусственным путем за счет присоединения разнородных и зачастую плохо сочетающихся активов. На смену одним «республиканским» холдингам приходили другие, но общая модель их взаимоотношений с региональными властями и с местным сообществом принципиально не менялась. Даже небольшое ослабление административной подпорки приводило к возникновению серьезных проблем.

Попытки оптимизации издержек не находили поддержки у местного сообщества, негативно реагирующего на закрытие отдельных подразделений, невысокие зарплаты и сокращение работников. В одном из обследованных районов надежды местных жителей на появление высокооплачиваемых рабочих мест после прихода агрохолдинга не оправдались. Холдинг построил современный животноводческий комплекс, но забросил старые помещения и сократил площадь обрабатываемых земель. В то же время местным фермерам было отказано в аренде неиспользуемых складов, гаражей и пр.: *«У них есть мегаферма – они там коров содержат. Не все поля, которые были раньше в совхозе, ими обрабатываются. Старые коровники у них стоят пустые, развалились. Было три корпуса дойного гурта, разобрали, развезли. Два каменных склада стоят до сих пор, но с них уже частично сдуло шифер, двери открыты. Все брошено. Сколько люди просят – дайте это ненужное нам! Но не дают!»* (из интервью с главой поселения). Владельцы холдинга не спешат регистрировать права собственности на доставшиеся им «по наследству» производственные объекты, из-за чего местные бюджеты недосчитываются имущественных налогов.

По словам местного фермера и работников сельской администрации, в холдинге действует практика «резервирования» части начисленной зарплаты «на зимний период», «на проведение Сабантуя» (*праздник окончания весенних полевых работ*), на другие нужды (разумеется, не отражаемая в официальной статистике). При увольнении деньги из «накопительной ведомости», как правило, не выплачиваются. Работники холдинга недовольны, но отмечают отсутствие приемлемых альтернатив трудоустройства: *«В холдинге работает 47 человек из всего поселения. По отчету средняя зарплата получается 12–13 тыс. руб. Те жители, которые там работают, так и говорят: “Не очень-то хорошо там платят. Ушли бы оттуда – да идти некуда, ведь здесь живешь и скотину держишь”*». С жителями, которые сдали в холдинг свои земельные пай в обмен на акции, холдинг обещал рассчитываться зерном и сеном. Сначала эти выплаты устраивали население, потом они стали сокращаться: *«Первые года нам давали сено и зерно в очень больших количествах. Мы были все довольны, что отдали им землю. Потом с каждым годом все хуже и хуже становилось. Сейчас только оставили зерно – дают по три центнера на пай (7,7 га)»*.

Реликты или реинкарнация?

При очевидных неудачах холдингов во многих районах сохранились, а в отдельных случаях и успешно функционируют крупные сельскохозяйственные предприятия, ведущие свою историю из колхозно-совхозного прошлого. Нам удалось посетить своего рода «колхозный заповедник», возникший благодаря тому, что глава администрации района всячески препятствовал распродаже колхозного имущества и сокращению поголовья скота, не пустил в район республиканский агрохолдинг и, используя свой административный ресурс, лоббировал разнообразные инвестиционные проекты.

Бывший колхоз, юридически превратившийся в обычное частное предприятие, не только сохранил производственный потенциал, но и увеличил площадь обрабатываемых земель, создал высокотехнологичное молочное производство, выплачивает работникам достойную по сельским меркам зарплату, принимает масштабное участие в социальной жизни села: *«Сначала был колхоз, потом СПК, сейчас ООО под тем же названием работает. Кто не хочет работать в колхозе, в школе работают, ездят на работу в Казань... Фермерских хозяйств в поселении нет. Колхоз занимается животноводством, растениеводством. В настоящее время поголовье составляет 3,5 тыс. голов скота, дойных коров – 1,5 тыс. Средняя зарплата – 26 тыс. руб. Площадь обрабатываемой земли – 7400 га. Работает 156 человек. Сейчас все автоматизировано, 2 доильных зала, в которых всего 10 доярок обслуживают 1,5 тыс. дойных коров, работают в две смены. Молока очень много, средний надой на корову – 32 л в день. Развиваемся, строим телятники. Хозяйство существует только на свои деньги. Кредитов нет ни копейки»* (из интервью с главой поселения).

Выживание и последующие достижения бывшего колхоза были бы невозможны без республиканской поддержки. За счет средств регионального бюджета были построены две крупные фермы. Первая еще в 2008 г. – по республиканской программе субсидирования «60 на 40». Вторая была «личным подарком» Президента Республики Татарстан. Современные технологии обеспечивают не только большие надои, но и высокое качество продукта. Не случайно хозяйство поставляет молоко на переработку не только в Казань, но и за 800 км – в Башкирию для

производства сыра. Переработчики из соседней республики готовы платить существенные надбавки за стабильные объемы и высокое качество молока (жирность и т.д.).

Поддержка сверху не является «дармовой». Взамен бывший колхоз принимает на себя дополнительные обязательства по содержанию и развитию объектов социально-культурной инфраструктуры, строительству ведомственного жилья, а при необходимости становится и «санатором» менее успешных хозяйств: *«Мы продавали каждый год по 50 голов молодняка. Нынче нам еще одно хозяйство дали в соседнем районе, там земли 7000 га, а своей скотины вообще не было. Сейчас мы скотину туда будем возить. Пока там поголовье не сформируем, продавать молодняк не будем. Специалисты наши будут там работников обучать. Хозяйство запущенное, но за год планируем восстановить. У нас уже почти 90 млн руб. ушло туда. Это не было только нашим решением зайти в этот район. Для нашего поголовья у нас земли не хватает. Поэтому поехали туда, это не близко, 50 км отсюда».*

На наш взгляд, бывшие коллективные предприятия, как в рассмотренном случае, уже нельзя считать реликтами ушедшей эпохи социализма. Они представляют своеобразный способ ведения социально ответственного бизнеса, который опирается на поддержку местных администраций и, благодаря обширным горизонтальным связям руководителей и рядовых работников, глубоко укоренен в местных сообществах.

Фермерская (семейная) альтернатива

Если руководство сохранившихся успешных сельхозпредприятий, как правило, не терпит рядом с собой конкурентов, то на земли поселений, в которых бывшие колхозы и совхозы не смогли удержаться на плаву, пришли фермеры: *«Раньше у нас был колхоз. Сейчас на его базе работают непосредственно четыре фермера. Радует то, что у нас все земли обрабатываются, пустующих земель нет»* (из интервью с главой поселения).

В республике действуют программы поддержки начинающих и уже состоявшихся фермеров, с помощью которых последние получают из бюджета субсидии и гранты для покупки техники, капитального строительства и др. Для усиления социального эффекта подобных инвестиций фермерам вменяются обязательства

по трудоустройству постоянных работников. Расчет делается также на то, что за определенный срок фермер вернет выделенный ему на развитие капитал в виде дополнительных налогов, поступающих в местный бюджет. Такой подход способствует продолжению фермерских династий, когда хозяйство переходит в руки наследников: *«Внук закончил техникум, потом институт. Оформился фермером. Ему дали деньги на приобретение техники – 1,5 млн руб. Он трактор, сеялку взял. Ему обязательно в течение пяти лет нужно иметь постоянных трех работников»* (из интервью с фермером). В других случаях такая инвестиционная подпитка укрепляет производственные позиции тех, кто уже «крепко стоит на ногах»: *«Один наш фермер воспользовался уже тремя грантами: это были суммы и в 1,5, и в 1,8 млн руб.»* (из интервью с главой поселения).

Более ярко сельский образ жизни и татарстанскую идентичность представляют хозяйства сельских жителей, чей вклад в аграрное производство, как и в большинстве российских регионов, медленно снижается, но все же остается довольно существенным. В республике немало семейных подворий, которые находятся под патронатом властной вертикали. В каждом из обследованных поселений нам приводили в пример по несколько семей – владельцев мини-ферм, где содержалось до десяти, а то и больше дойных коров, быков, телят.

Сеть частных заготовителей, по нашим наблюдениям, обеспечивает стабильный сбыт молока и мяса, производимых в семейных хозяйствах. Кроме того владельцы ЛПХ могут рассчитывать на возмещение части затрат на строительство ферм молочного направления (до 200 тыс. руб. в зависимости от количества голов), содержание дойных коров и коз, приобретение товарного и племенного поголовья нетелей, первотелок и молодняка птицы, проведение ветеринарных профилактических мероприятий. Все эти программы имеют софинансирование из федерального и республиканского бюджетов, а в качестве гаранта целевого использования выделяемых средств выступают главы сельских администраций. Они информируют население о «правилах игры», отбирают претендентов, собирают требуемые документы и берут на себя функции поручителей: *«Я свое население хорошо знаю. Могу сказать, кто сможет построить ферму, а кто нет. Некоторые семьи на 200 тысяч*

позарятся, думают, что сарай построят, а коров держать не будут. Но там есть обратная связь. Эта ферма должна в течение года или полутора лет наполняться скотом, согласно контрольным цифрам. Мы в этом году выбрали только две семьи, которые смогут это сделать. Они получили по 200 тыс. руб.» (из интервью с главой поселения). Как правило, владельцы подобных хозяйств имеют собственную технику, землю, сами занимаются заготовкой кормов – или же имеют возможность получать их на льготных условиях. С одной стороны, мини-фермы с дойным стадом от 3 до 5 коров при правильной организации могут приносить владельцам от 30 до 50 тыс. руб. в месяц. С другой стороны, такая хозяйственная практика требует от членов семьи каждодневного интенсивного труда без отпуска и выходных и, по нашим наблюдениям, присуща в основном крепким многопоколенным семьям, имеющим к тому же дополнительную инвестиционную мотивацию – построить или же модернизировать свой дом и хозяйственные постройки, выучить детей, приобрести им жилье, причем, как правило, не в селе, а в городе, в том числе в Казани.

Процессы урбанизации затронули Татарстан не в меньшей степени, чем другие регионы: сельская молодежь переезжает жить и работать в города, вербуются на сезонные и вахтовые работы за пределами родного села. Постоянное население естественным образом стареет, истончается слой людей, занятых традиционным крестьянским трудом. По нашим подсчетам, в обследованных селах в среднем на пять дворов приходилась одна корова. Из-за резкого сокращения поголовья «частного» стада обострились проблемы с наймом пастухов. С одной стороны, сработал эффект масштаба – постоянный пастух обходится каждой семье все дороже, с другой – полная материальная ответственность пастуха крайне затрудняет подбор достойных кандидатов. Владельцы скота были вынуждены поочередно выполнять обязанности пастухов, но, по мере учащения графика выходов, стали все больше задумываться о «безлюдных технологиях». Новацию в виде «электрического пастуха» (мобильная металлическая изгородь, находящаяся под слабым электрическим напряжением) мы наблюдали не в одном селе: *«У нас электропастух. Мы сами пришли к этому, потому что если у тебя 30 коров в стаде, надо каждый месяц платить по 1 тыс. за корову. Мы скинулись*

по 2 тыс. и организовали такой вид пастьбы» (из интервью с главой поселения).

Во многих поселениях местные власти, пытаясь препятствовать свертыванию производства в хозяйствах населения, организовывали процесс заготовки сена. Сельские главы собирали у населения заявки на необходимый объем кормов, искали приемлемые по цене варианты их покупки и доставки, договариваясь для этого с фермерами и другими владельцами сельхозтехники. Из интервью с главой поселения: *«Я вчера со своими коллегами выезжал на луга. Мы косим сено для населения, тюкуем и довозим до их дворов. Своей техники у меня, как у главы, нет. Просто мною организована работа, чтобы населению сено подвезти, но это не бесплатно. Тут бюджет не задействован»*. К такому внимательному отношению к нуждам ЛПХ местные власти подтолкнули события засушливого 2010 г., когда в ряде районов из-за выгорания пастбищ и сенокосов районным и сельским властям пришлось экстренно организовывать машинно-тракторные бригады, выезжавшие для заготовки сена в соседнюю Кировскую область. Это позволило спасти частный скот от зимней бескормицы. Впоследствии эта практика стала регулярной. Это важный, но далеко не единственный пример практик самоорганизации сельской жизни при непосредственном участии глав поселений.

От самоуправления к самоорганизации

Благодаря почти полной газификации населенных пунктов, системам централизованного водоснабжения, созданию сети современных фельдшерско-акушерских (ФАП) и ветеринарных пунктов, развитию социальной инфраструктуры села комфортность проживания в сельской местности РТ стала все больше приближаться к городскому уровню. У этого процесса есть и обратная сторона – растут затраты на содержание территории в рамках ответственности местных администраций. Между тем бюджеты сельских районов, а особенно сельских поселений – и это общая для регионов России тенденция – сокращаются. Это результат перманентного, но не всегда последовательного реформирования системы местного самоуправления с перераспределением полномочий и налоговых поступлений между разными уровнями власти [12, 13].

Бюджеты сельских поселений РТ невелики и на 90% дотируемы. На нужды территории предусмотрено крайне мало средств. Из статьи «благоустройство» денег едва хватает на регулярную расчистку улиц и утилизацию мусора: *«Свалки окучиваем, окультуриваем. Чистку дорог проводим. Но очень у нас бюджеты маленькие. Сюда включаются все дотации – и республиканские, и районные. В 2016 г. бюджет поселения был 2240 тыс. руб. В 2017 г. стал около 1700 тыс. руб. в год. И это в расчете на 700 жителей».*

Локальные практики горизонтальной самоорганизации позволяют отчасти компенсировать остроту проблемы сельских бюджетов. Общение с нашими респондентами показало, что инициатива в запуске институтов самоорганизации, как правило, принадлежит местной власти и прежде всего – главам поселений.

В качестве примера самоорганизации можно назвать получивший в последние годы распространение институт самообложения, который предусматривает проведение референдума жителей сельского поселения и их участие в выборе проектов благоустройства для самостоятельного финансирования и согласования норматива годовых взносов с каждого взрослого жителя села (как правило, от 300 до 500 руб.). Особенностью Татарстана является наличие республиканского софинансирования в размере четырех рублей на каждый собранный населением рубль. Эта программа действует уже в течение трех лет и вызывает одобрение у одних и неприятие – у других.

В селах, где нам удалось побывать, за счет самообложения, как правило, ведется обустройство твердого покрытия дорог внутри населенных пунктов (на местном сленге – «ощебенение»), строятся пешеходные переходы, монтируются системы наружного освещения с энергосберегающими лампами, оборудуются современные детские площадки, осуществляется благоустройство родников и кладбищ.

По мнению наших респондентов, самообложение подключило сельских жителей к процессу повсеместного благоустройства территорий сел и способствовало формированию практик совместного решения насущных местных вопросов. На сходах селянам приходится инициировать проекты и расставлять приоритеты при ограниченном финансировании, помогать главе поселения с выбором оборудования и подрядчиков, контролировать весь

цикл выполнения проекта – от подготовки до завершения. Главам поселений приходится убеждать жителей в необходимости вложиться в общее дело, растолковать, что без их участия вряд ли возможен «порядок в доме».

Из интервью с главой поселения: *«Если исходить из интересов жизни села и народа, то, естественно, это очень необходимая вещь. Но все бы понимали и все бы думали одинаково! Когда мы проводим референдум, в бюллетенях указываем все нужды. На один рубль, собранный с каждого совершеннолетнего, Президент Татарстана нам добавляет бюджетные средства – 4 руб. Допустим, каждый сдает по 500 руб. и нам еще по 2000 руб. добавляется. Но сейчас с этим бывают трудности. Многодетным семьям сложно участвовать в самообложении. Кто-то прописан у нас, а живет где-то далеко, поэтому не хотят вносить взносы. Некоторые возражают против самообложения, приводя такой аргумент: “Если у государства деньги есть, пусть делает программы – и не собирает с нас дополнительных денег”. На референдум приходят почти все». Из интервью с главой другого поселения: «Есть у нас программа “Самообложение”, очень хорошая. Нынче мы решили на уличное освещение все эти средства потратить, чтобы в нашей деревне было, как у вас в городе, светло».*

В селах, где царит дух «колхозного патернализма», совместное участие населения, бюджета республики и местного сельхозпредприятия позволяет решать более масштабные задачи: *«В 2015 г. за счет средств самообложения щебеночную дорогу в 2,5 км между деревнями проложили. Там была плохая дорога, а сейчас уже нормальная. Каждый год собираем по 500 руб. с каждого человека, достигшего 18 лет. Пока, слава богу, все жители сдают, они не сомневаются в этой программе. За счет средств самообложения обновили кладбища в четырех селах, две улицы по 800 м сначала пятнадцатисантиметровым слоем грубого щебня проложили, а потом уже мелким, получилось как асфальт. В этом году планируем освещение на трех улицах сделать. На следующий год, если самообложение не отменяют, будем строить детские площадки в каждой деревне. И спортзал хотим. Будем это делать на деньги самообложения – и колхоз поможет».*

В большинстве обследованных сел главы сельских поселений тесно сотрудничают с руководителями предприятий, работающих на их территории, фермерами и даже дачниками, не равнодушными к происходящему в сельской глубинке. Можно сказать, что сегодня профессиональная компетентность глав сельских и районных администраций выражается не только и не столько в качестве выполнения ими формальных служебных обязанностей, а в умении выстраивать партнерские и дружеские отношения с теми, кто может помочь селу в разных хозяйственных делах, взять на себя шефство над теми или иными сферами жизни, проявить личную инициативу и самостоятельно выполнить часть работ.

Говорит глава поселения, на территории которого добывается нефть: *«В основном нефтяники по праздникам оказывают спонсорскую помощь: Новый год провести, Сабантуй. В благоустройстве я бы не сказал, что они сильно участвуют. Но если нужно где-то мусор закопать, то приходится просить их технику. Они не отказывают, дают бесплатно, так как у меня нет ни технических, ни финансовых возможностей. У меня в поселении были проблемы с водой. Они пробурили мне новую стометровую скважину. Это стоило бы миллион рублей, т.е. половину годового бюджета поселения, а они сделали бесплатно. Два дня пять единиц техники работало. Они просто поняли, что население страдает».* Само собой разумеющимся выглядит участие бывшего колхоза, о котором речь шла выше, во всех крупных культурно-спортивных и других событиях в «подшефных» селах: *«Колхоз организует Сабантуй, помогает молодежной команде по волейболу, она у нас чемпион района, участвовать в республиканских соревнованиях, оказывает материальную помощь сельским жителям, во всем помогает. Проводит День пожилых людей, День матери. Мы собираемся в школе, артистов вызываем – и подарки каждому раздаем по праздникам».*

В одном случае бюджет сельского поселения лишился части средств из-за передачи полномочий по утилизации мусора в район. В результате у главы не стало денег, чтобы постоянно нанимать тракториста для чистки дорог и оплаты солярки. В итоге он был вынужден садиться за свой трактор, чтобы не допустить дорожного коллапса, своими силами восстановил списанную пожарную машину.

Практики самоорганизации по-разному работают в селах с разным этническим составом. Общим для всех поселений является активное соучастие властей и жителей села в строительстве и восстановлении мечетей и церквей, которые становятся своеобразными центрами возрождения утерянных практик общения и законным предметом гордости для глав поселений, которые охотно демонстрируют их приезжим. В русских селах главам поселений сложнее убеждать людей в необходимости своевременной уплаты взносов по программе самообложения, привлекать их к участию в совместных мероприятиях. Иная ситуация в татарских селах, где менталитет жителей в большей степени настроен на сохранение национально-культурных традиций и выполнение указаний и просьб представителей власти и религиозных авторитетов. Важными чертами татарской идентичности являются бережное отношение к истории своих семей и населенных пунктов, а также культивируемые традиции меценатства. В роли спонсоров выступают выходцы из сел, достигшие определенных успехов в бизнесе, получившие значимые должности, имеющие выдающиеся профессиональные достижения.

Нам часто приводили примеры подарков от именитых земляков, подчеркивали, что то или иное новое производство в селе организовали его бывшие жители, ставшие успешными бизнесменами. О создателе растущего в рамках района агрохолдинга, который не просто помогает родному селу, но и, по сути, перестраивает и контролирует, превращая его то ли в филиал, то ли в парадную вывеску своего социально ответственного бизнеса, говорит глава соседнего поселения: *«Он меценат хороший. В родном селе построил за свои деньги большой спортивный комплекс, где теперь проводятся соревнования по вольной борьбе республиканского и всероссийского масштаба. Клуб отремонтировал за 15 млн руб., помогал в создании аллеи Славы и в других мероприятиях. Он человек бизнеса, у него все четко – это поселение держит под жестким контролем»*. Этот своеобразный «культ добра» можно трактовать и как своего рода способ «возвращения долгов» видных членов сельского сообщества «малой родине», как важное проявление национальной и локальной идентичности.

Как следует из рассказа главы одного из русских поселений, практика участия в решении проблем территории, транслируется

и на приезжих. Наш рассказчик в своей работе опирается не только на помощь районного депутата, выходца из села и по совместительству руководителя промышленного предприятия, но и на «чужака»-бизнесмена из соседнего района, построившего себе загородный дом на берегу Камы и живо реагирующего на запросы местного сообщества: ...*«Второй человек вообще никакого отношения к нам не имеет. Он просто купил у меня участок в селе и построил там дом. Я пять лет здесь работаю – и пять лет он мне помогает. Костюмы ансамблю из Дома культуры сшил, с аппаратурой помогает. И школе помогает – окна вставил и двери. Я с ним познакомилась в первые дни работы на этом посту. Ко мне приехали представители Прокуратуры и выставили штраф за то, что на берегу Камы разрослась огромная несанкционированная свалка. Я про нее в тот момент даже не догадывалась. Мне дали номер телефона этого человека, его уже в сельсовете и в школе знали. Я позвонила ему и представилась... Он приехал в сельсовет, познакомился и сказал: “Обращайтесь, если будут какие-то проблемы-трудности”. И с тех пор мы так сотрудничаем».*

Важным интегрирующим фактором для сельского Татарстана в последние годы служат культурно-спортивные, образовательные и религиозные мероприятия, которые привлекают участников не только со всего Татарстана, но и из других российских регионов. Все это также способствует сельскому развитию. Например, в Алексеевском районе в 2017 г. в шестой раз прошел Международный молодежный образовательный форум «Сэлэт», там же работал спортивный палаточный лагерь «Олимп», собравший для отдыха и тренировок представителей разных видов спорта (от волейбола до хоккея). На Билярском Святом ключе состоялся пятый межнациональный фестиваль «Родниковый рай». Несмотря на то, что в Алексеевском районе проживает 25 разных народностей, каждая диаспора могла участвовать в расширенном заседании совета «Землячество».

* * *

Подводя итоги нашей экспедиции по сельским районам Татарстана, можно отметить ряд ключевых моментов, отражающих особенности встроенных в систему местного самоуправления механизмов функционирования и развития сельских территорий,

сложившихся хозяйственных и культурно-религиозных практик самоорганизации.

Прежде всего, – высокую интегрированность сельского самоуправления в жестко субординированную вертикаль власти, которая проявляется, с одной стороны, в системе разнообразных республиканских программ, направленных как на поддержку разных категорий хозяйств, так и на развитие территории, а с другой стороны, в наличии эффективных механизмов контроля, действующих не только в рамках местной бюрократической иерархии, но и по горизонтали – внутри сельских поселений.

В условиях усугубляющейся бедности местных бюджетов включаются компенсаторные механизмы в виде практик самоорганизации, базирующихся как на формальных (например, самообложение), так и неформальных институтах (практика земляческого спонсорства), которые зачастую инициируются местными властями.

Отметим также крайне важную роль глав поселений, выходящую далеко за пределы стандартных должностных обязанностей. Не имея достаточных финансовых и человеческих ресурсов для реализации своих полномочий, они вынуждены совмещать функции предпринимателей, привлекающих инвесторов в местные проекты, политических посредников, лоббирующих интересы своего сообщества в административной вертикали, организаторов традиционных сельских праздников, медиаторов межличностных отношений жителей села, в том числе в конфликтных ситуациях.

Заметно возрастающее влияние религиозных (мусульманской и православной) традиций на жизнь села, их связь с формированием татарской и татарстанской идентичности, в том числе через восстановление и строительство мечетей и храмов, благоустройство родников и кладбищ, сохранение и развитие объектов национальной культуры.

Отдельные самобытные практики, идентифицированные нами, могут быть применены и в других местах, однако в целом сложившаяся в РТ модель сельского самоуправления и самоорганизации вряд ли пригодна для широкого распространения. Она служит примером конструкции, которая жизнеспособна только в особом экономическом и социальном контексте. Причем следует учитывать, что за этой моделью скрывается разнообразие

практик и политик сельского развития в каждом конкретном районе и даже в отдельном сельском поселении.

Надеемся, что у федеральной власти хватит мудрости, чтобы не «причесывать» Татарстан общей гребенкой регионального усреднения в рамках унитарной конструкции «сильный центр – слабые регионы», имеющей мало общего с декларируемым принципом федерализма. Не нами доказано, что многообразие является важным фактором и одним из ключевых ресурсов развития. Результаты нашей экспедиции лишь еще раз подтверждают эту далеко не очевидную истину.

Литература

1. *Веселова Э. Ш.* Что делает Татарстан успешным регионом // ЭКО. – 2015. – № 1. – С. 5–25.
2. *Антонов К., Перцев А., Самохина С.* Рустам Минниханов отказался от договора с Россией // Коммерсантъ. – 2017. – 22 сент.
3. *Сумская Т. В.* Местное самоуправление: эволюция бюджетной политики / ред. С. А. Суспицын. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 212 с.
4. *Горяченко Е. Е., Малов К. В.* Реформирование системы местного самоуправления: оценки и проблемы // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 1. – С. 271–291.
5. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/rejting-munitsipalnih-obrazovaniy-v-2017-godu.htm>
6. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Предварительные итоги: Статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. – М: ИИЦ «Статистика России», 2016. – 70 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
8. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2016 г. / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2017. – 68 с.
9. *Узун В. Я., Шагайда Н. И.* Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. – М.: Изд. дом «Дело», 2015. – С. 174–182.
10. *Барсукова С. Ю.* Дилемма «фермеры – агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. – 2016. – № 5. – С. 63–74.
11. *Нефедова Т. Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 180–187.
12. *Фадеева О. П.* Реалии сельского самоуправления: реформы и их последствия // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 4. – С. 267–289.
13. *Дементьев Д. В.* Проблемы обеспечения самостоятельности бюджетов сельских поселений // ЭКО. – 2017. – № 9. – С. 157–163.

Неналоговые доходы российских регионов: тенденции и возможности роста

М.А. ПЕЧЕНСКАЯ, кандидат экономических наук,
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук, Вологда. E-mail: marileen@bk.ru

Цель статьи – исследование проблематики роста одной из составляющих доходного потенциала территорий – неналоговых доходов. На основании данных официальной статистики Росстата проанализирована 11-летняя динамика неналоговых доходов бюджетов субъектов Российской Федерации. Показана их незначительная роль в наполнении региональной казны и повышении собственных бюджетных доходов. Представлены статистические сравнения значимости неналоговых доходов в России и зарубежных странах. Показаны результаты исследования проблем выполнения программ приватизации имущества российских регионов. Систематизированы ключевые факторы, повлекшие невыполнение прогнозного плана приватизации ряда субъектов РФ. Освещен опыт российских регионов по увеличению имущественных доходов. Предложены меры по повышению эффективности привлечения в бюджет доходов от использования имущества и земель.

Ключевые слова: неналоговые доходы, государственное имущество, муниципальное имущество, приватизация имущества, доходный потенциал, управление

Вопросы повышения собственного доходного потенциала территорий особенно актуальны в условиях кризисов, финансовой глобализации и дефицита финансовых ресурсов. Темпы роста объема государственного долга российских регионов (в 2006–2016 гг.) опередили темпы увеличения собственных бюджетных доходов в сопоставимых ценах более чем в два раза. В целом по стране долговая нагрузка на бюджеты субъектов РФ выросла за этот период с 16 до 32,8% [1]. В отдельных регионах показатели и динамики, и текущих величин долговой нагрузки внушают серьезные опасения за состояние региональных финансов (табл. 1).

В то же время стратегические ориентиры в области межбюджетных отношений федерального центра с регионами и муниципальными образованиями выстраиваются по принципу усиления взаимосвязи между объемом предоставляемой финансовой помощи и результатами наращивания собственного экономического потенциала территорий [2].

Таблица 1. Динамика собственных доходов и государственного долга консолидированных бюджетов регионов в 2006 г. и 2016 г. (в ценах 2016 г.)

Субъект Северо-Западного ФО	Собственные доходы			Государственный долг			Долговая нагрузка		
	сумма, млрд руб.		2006 г. к 2016 г., раз	сумма, млрд руб.		2006 г. к 2016 г., раз	в ценах 2016 г., %		2006 г. к 2016 г., раз
	2006	2016		2006	2016		2006	2016	
Вологодская обл.	55,5	55,4	1,0	5,5	31,2	6,2	9,8	61,2	6,2
Новгородская обл.	18,9	27,8	1,5	2,4	15,4	7,7	12,7	66,3	5,2
Архангельская обл.	40,6	58,5	1,4	6,1	41,0	7,4	15,1	77,0	5,1
Псковская обл.	15,1	19,4	1,3	2,5	14,8	6,3	16,6	80,9	4,9
Республика Карелия	23,2	26,4	1,1	6,1	22,6	4,4	26,2	100,6	3,8
Республика Коми	55,8	64,9	1,2	10,7	41,8	4,1	19,2	68,0	3,5
Калининградская обл.	31,5	41,6	1,3	6,2	21,2	4,6	19,8	68,8	3,5
Мурманская обл.	46,1	65,9	1,4	6,4	20,7	3,8	14,0	37,6	2,7
г. Санкт-Петербург	383,0	462,3	1,2	14,3	13,8	1,0	3,7	3,0	0,8
Ленинградская обл.	64,4	127,3	2,0	10,0	6,2	0,8	15,5	5,9	0,4
СЗФО	750,5	962,4	1,3	70,9	232,2	3,6	9,4	26,9	2,8
РФ	6251,8	8289,3	1,3	998,2	2353,2	2,7	16,0	32,8	2,1

Источники: рассчитано по данным официальной отчетности Федерального казначейства России, Министерства финансов России, Федеральной службы государственной статистики [3].

В этих условиях поставленная в послании Президента РФ [4] задача обеспечения устойчивого бюджета и государственных финансов предполагает, в первую очередь, мобилизацию собственных бюджетных ресурсов регионов. На это направлены и поручения В.В. Путина по сокращению дефицитов бюджетов субъектов и уровня их долговой нагрузки [5], среди которых – поручение региональным руководителям исходить из необходимости проведения инвентаризации регионального имущества и формирования реалистичных планов приватизации той собственности субъектов РФ, которая не приносит бюджетных доходов и не используется для решения социальных задач.

На фоне проводимых в стране налоговых и межбюджетных реформ проблемы формирования и управления неналоговыми поступлениями в бюджет находились на втором плане. И теперь федеральный уровень вновь предлагает регионам уделять больше внимания повышению эффективности неналоговых доходов. За 2006–2016 гг. доля неналоговых платежей в объеме совокупных доходов бюджетов субъектов РФ составляла не более 8%¹. Это на порядок меньше, чем в Англии (34%) или Германии (31%) [6], хотя следует отметить, что из-за различий в бюджетной классификации состав неналоговых доходов в совокупных доходах различных стран сильно варьирует. Так, в Великобритании этот показатель включает доходы Национального фонда займов, в который поступают часть прибыли Банка Англии, проценты за кредиты, выданные органам местного самоуправления, и часть средств специальных фондов [7]. В России неналоговые доходы включают доходы от использования имущества, платежи при пользовании природными ресурсами, штрафы, санкции, доходы от продажи активов, доходы от оказания платных услуг, прочие неналоговые доходы, административные платежи и сборы.

В последующие годы динамика доли неналоговых платежей в собственных доходах консолидированных бюджетов регионов демонстрирует сокращение как по России в целом – с 11,6% в 2006 г. до 8,6% в 2016 г., так и по Северо-Западному федеральному округу – с 14,6% в 2006 г. до 8,4% в 2016 г.² Аналогичная тенденция наблюдается и по доходам от использования государственного и муниципального имущества, составляющим основную долю в структуре неналоговых доходов. Ощутимое снижение доли таких доходов – с 54,4% до 53,1% по РФ и с 70,8% до 47,7% по СЗФО за этот же период – стало прямым следствием необходимости отчуждения либо перепрофилирования регионального муниципального имущества в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса РФ.

Региональный срез показал, что в Северо-Западном ФО в 2006–2016 гг. рост доходов от использования имущества наблюдался только в Ленинградской области (в 1,7 раза). При этом данная статья доходов не обеспечивала существенное пополнение региональной казны – 1,8–5,6% собственных доходов в регионах СЗФО (табл. 2).

¹ Рассчитано по [2].

² Рассчитано по [2].

Таблица 2. Объем доходов от использования государственного и муниципального имущества в 2006 г. и 2016 г.

Субъект	2006			2016			2016 г. к 2006 г., раз
	сумма, млрд руб., в ценах 2016 г.	% к объему собственных доходов	% к объему государственного долга	сумма, млрд руб.	% к объему собственных доходов	% к объему государственного долга	
Ленинградская обл.	4,2	6,5	42,2	7,1	5,6	94,1	1,69
Мурманская обл.	2,5	5,4	38,5	1,6	2,5	6,6	0,66
Архангельская обл.	1,9	4,7	31,4	1,2	2,1	2,7	0,63
Новгородская обл.	1,0	5,1	39,8	0,6	2,2	3,2	0,63
Псковская обл.	0,8	5,4	32,7	0,5	2,5	3,1	0,59
Вологодская обл.	1,7	3,1	31,3	1,0	1,8	3,0	0,59
Респ. Карелия	1,2	5,3	20,5	0,7	2,5	2,5	0,53
Респ. Коми	2,3	4,2	21,7	1,2	1,8	2,6	0,50
Калининградская обл.	2,3	7,2	36,5	1,0	2,5	3,6	0,45
г. Санкт-Петербург	59,5	15,5	415,0	23,7	5,1	172,0	0,40
СЗФО	77,8	10,4	109,7	38,7	4,0	15,0	0,50
РФ	395,1	6,3	39,6	379,7	4,6	14,0	0,96

Источники: рассчитано по данным официальной отчетности Федерального казначейства России и Министерства финансов России.

Несмотря на увеличение номинального объема доходов от использования государственного и муниципального имущества почти в два раза, со 197 до 380 млрд руб. за 2006–2016 гг., пересчет с поправкой на инфляцию показывает его сокращение на 4%. Это свидетельствует, с одной стороны, о меньшем влиянии нестабильности экономической конъюнктуры на неналоговые доходы в сравнении с налоговыми поступлениями, с другой – о низкой эффективности использования госсобственности. Если в 2006 г. доходы от использования имущества регионов СЗФО составляли свыше 20% от размера государственного долга, то в условиях эскалации рыночных заимствований они не смогли стать инструментом

заметного снижения уровня долговой нагрузки региональных бюджетов (менее 7% от размера государственного долга, за исключением Санкт-Петербурга и Ленинградской области).

Вместе с тем статистика зарубежных стран, а также существующие резервы повышения эффективности использования государственного и муниципального имущества в российских регионах дают основания признать, что данный метод формирования бюджета задействован крайне слабо.

Одним из серьезных резервов повышения неналоговых доходов бюджета является инвентаризация подлинных объемов государственного недвижимого имущества. В данном случае показателен пример Республики Коми, где раз в три года проводится сплошная инвентаризация имущества. По результатам последней инвентаризации 2013–2014 гг. выявлено более 55 тыс. неучтенных имущественных объектов (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, земельные участки), что составило около 20% от их общего количества³. В 2017 г. многие региональные органы власти обозначили в числе приоритетных задач формирование актуального перечня имущественных объектов и их стоимости.

Актуализация сведений о государственном и муниципальном имуществе позволит установить его ведомственную принадлежность и функциональное предназначение, в зависимости от которых принимаются решения о сохранении имущества для выполнения государственных функций, его передаче в ведение органов управления разных уровней, преобразовании в иные формы некоммерческих организаций, ликвидации или приватизации.

Продаем с выгодой

По мнению главы Счетной палаты РФ Т. А. Голиковой, задача приватизации пока не выполнена на должном уровне. Государство не только оставляет на балансе неэффективное имущество, но еще и берет на себя дополнительные расходы по его содержанию [8]. В вышеуказанных поручениях Президент РФ В. В. Путин обратил внимание на необходимость формирования реалистичных планов приватизации имущества, что связано, прежде всего, с планированием доходов региональных бюджетов [5].

³ В Коми объявлено о третьей инвентаризации регионального имущества (опубликовано 09.02.2017 г.). URL: <http://komionline.ru/node/76531>

Однако, как показывает практика, программы приватизации регионального и муниципального имущества в регионах выполняются крайне редко (табл. 3).

При этом и доходы от такой приватизации достаточно скромны. Так, в Вологодской области они составляли не более 4,2% от объема неналоговых платежей в 2008–2015 гг. В Кировской области в 2016 г. приватизация областного имущества принесла в бюджет 1 млн руб., или 4,5% от объема неналоговых доходов⁴.

По нашим расчетам, за 2008–2015 гг. в результате низкой эффективности программ приватизации бюджет Вологодской области потерял 518 млн руб., Калининградской – 284 млн руб. (табл. 3).

Таблица 3. Результаты выполнения программ приватизации имущества некоторых регионов Северо-Запада России в 2008–2015 гг., млн руб.⁵

Период	Вологодская обл.		Респ. Коми		Калининградская обл.	
	план	факт	план	факт	план	факт
2008	95,0	28,1	6,0	5,1	562,6	324
2009	90,0	32,5	4,6	2,3	25,0	31,1
2010	92,5	71,9	8,0	8,0	84,9	83,6
2011	105,0	76,7	2,7	8,7	23,0	24,5
2012	105,5	38,4	1,1	14,1	70,0	74,6
2013	100,6	40,6	5,0	10,0	48,0	29,4
2014	250,0	166,8	7,6	7,6	25,0	31,1
2015	166,5	31,7	12,9	12,9	102,4	59,0
2008–2015	1005,1	486,7	47,9	68,7	940,9	657,3
Влияние на бюджет региона		-518,4		+20,8		-283,6

Источники: Прогнозные планы (программы) и отчеты о выполнении Прогнозного плана (программы) приватизации государственного имущества регионов.

Среди факторов, негативно повлиявших на выполнение прогнозных планов приватизации в Вологодской и Калининградской областях, следует назвать:

- низкую привлекательность продаваемого имущества, которое в большинстве случаев требует дополнительных финансовых вложений после приобретения;

⁴ Состав и стоимость государственного имущества Кировской области (дата опубликования: 23.01.2017) // Официальный сайт Правительства Кировской области. URL: <http://www.kirovreg.ru/econom/ownership/>

⁵ По другим регионам СЗФО программы (планы) приватизации содержат данные только об объектах приватизации, без стоимостной оценки.

- дефицит покупателей на имущество и акции, планируемые к продаже;
- низкую ликвидность выставляемых на продажу пакетов акций в связи с тем, что они не продаются на фондовом рынке и не являются контрольными;
- высокие затраты на предпродажную подготовку имущества (в том числе на оформление правоустанавливающих документов).

Выводы и рекомендации

В целях более эффективного привлечения в бюджет доходов от использования имущества и земель необходима реализация следующих мероприятий:

- проведение анализа целесообразности продажи (приватизации) или сдачи в аренду объектов, находящихся в собственности регионов и муниципалитетов, исходя из экономической выгоды [9]. Говоря о продаже, важно учитывать соотношение затрат на содержание имущества и объем полученных неналоговых доходов. В случае продажи невысокие неналоговые поступления могут быть заменены на пополнение бюджета за счет имущественных налогов;
- своевременное принятие новых решений о проведении оценки стоимости имущества;
- создание реестра государственного и муниципального имущества, которое может быть продано либо передано в аренду;
- планирование деятельности и системного мониторинга результатов финансово-хозяйственной деятельности государственных и муниципальных унитарных предприятий [10];
- установление платы за неиспользуемые земельные участки [11];
- применение механизмов рыночной оценки при использовании объектов недвижимости, что будет способствовать повышению их доходности;
- установление порядка и периода проведения полноценного учёта имущества для выявления неиспользуемых или используемых не по целевому назначению объектов с целью изъятия и перераспределения для более эффективного их применения, признание права государственной и муниципальной собственности на бесхозные (брошенные) объекты в целях последующего распоряжения ими [12].

Неналоговые доходы играют пока незначительную роль в наполнении региональных бюджетов. Вместе с тем потенциал данной

статьи доходов раскрыт еще очень слабо. Наиболее существенные резервы несет имущественный комплекс, оценка и эффективное управление которым, в свою очередь, потребуют целенаправленной и слаженной работы на всех уровнях вертикали власти.

Литература

1. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований // Отчетность Министерства финансов России. URL: http://minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/2016/ (дата обращения: 14.02.2017).
2. Об утверждении Основ региональной политики РФ до 2025 года: Указ Президента 16 января 2017 года № 13 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Отчетность по исполнению бюджетов // Отчетность Федерального казначейства России. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/> (дата обращения: 14.02.2017).
4. Послание Президента Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>
5. Перечень поручений по результатам проверки исполнения решений Президента по вопросам эффективности принятия мер по сокращению дефицитов региональных бюджетов от 04.01.2017 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53705>
6. Печенская М.А. К вопросу о повышении роли неналоговых доходов в наращивании собственного потенциала территорий // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: научные труды X Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 140-летия НИУ «БелГУ» (Белгород, 1 марта 2017 г.) / под науч. ред. Е. Н. Камышанченко, Ю. Л. Распопчиной. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017 – С. 191–195.
7. Шепенко Р.А. Правовые основы бюджетного устройства и бюджетного процесса Великобритании // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 107–122.
8. По большому счету // Российская газета. – Федеральный выпуск № 7181(15). URL: <https://rg.ru/2017/01/24/golikova-povyshenie-pensionnogo-vozrasta-dast-kratkosrochnyj-effekt.html>
9. Печенская М.А. Региональное развитие: цели и возможности // Финансы. – 2014. – № 10. – С. 135–145
10. Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / Маршалова А. С., Ковалева Г. Д., Унтура Г. А. и др. / Под ред. А. С. Новоселова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 428 с.
11. Звягинцев В.И. И опять земельный вопрос // ЭКО. – 2014. – № 2 (476). – С. 143–152.
12. Лексин В. Н. Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов; Рос. акад. наук, Ин-т системного анализа. – М.: Ленанд, 2012. – 1024 с.

Устойчивое развитие: местные знают лучше¹

И.Ю. ХОВАВКО, доктор экономических наук, экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: hovavko@econ.msu.ru

Статья посвящена анализу механизма экологического регулирования в РФ с точки зрения соблюдения интересов местного населения. Показано, что экономическую основу экологических конфликтов составляет распределение внешних экологических издержек от деградации окружающей среды, поэтому интернализация негативных экстерналий – важнейшая часть системы экологического регулирования. Однако значительная доля предпосылок возникновения экологических конфликтов лежит в области сложившейся общественно-политической модели развития, то есть за пределами собственно системы экологического регулирования. Местное население должно участвовать в принятии решений о развитии собственной территории, поскольку в наибольшей степени способно обеспечить долгосрочное устойчивое использование ресурсов территории.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологические конфликты, экологические экстерналии, экологическое регулирование

Проблемы коллективного выживания человечества в условиях глобальной ограниченности природных ресурсов и ответственности нынешнего поколения перед потомками стали ядром современного экологического дискурса. Необходимым условием достижения баланса экономических, экологических и социальных факторов развития является отсутствие негативных внешних экологических эффектов (экстерналий).

Рынок как таковой не дает достоверных оценок общественной ценности природных благ и не формирует у хозяйствующих субъектов мотивацию к устранению негативных экстерналий. Для того чтобы такая мотивация появилась, необходимо формирование обратной связи между всеми сторонами процесса путем интернализации внешних эффектов (включения внешних издержек во внутренние издержки источника экстерналий). Собственно, полнотой интернализации экологических внешних эффектов и определяется эффективность эколого-экономического регулирования. Возникновение же экологических конфликтов является результатом неинтернализированных негативных внешних эффектов (или их ожидания) и показывает узкие места, где имеют

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17–02–00773.

место провалы регулирования и формируется антиустойчивая тенденция развития.

Цель настоящей статьи – анализ механизма экологического регулирования в нашей стране с точки зрения соблюдения интересов местного населения как необходимого условия формирования устойчивого развития.

Экологические конфликты как индикаторы антиустойчивой тенденции развития территории

В русскоязычной литературе нет однозначно устоявшейся трактовки того, какие виды конфликтов, связанных с использованием природных благ, следует относить к экологическим. Узкое толкование экологических конфликтов сводит их к нарушению экологического права. Широкое – фактически приводит к размыванию их специфики и позволяет практически все конфликты, в которых в той или иной мере затронуты природные ресурсы, относить к экологическим.

Зарубежные авторы трактуют экологические конфликты более содержательно [1–4]. В частности, утверждается, что в их основе лежит *экологическая ограниченность* природных благ. Таким образом, *экологическими конфликтами признаются лишь социальные конфликты, связанные с деградацией окружающей природной среды*. При этом само понятие экологической деградации может быть отнесено исключительно к *возобновляемым природным ресурсам* и к их ассимиляционному потенциалу, поскольку эти ресурсы вписаны в круговорот веществ в биосфере и способны к самовосстановлению в сроки, соизмеримые со сроками хозяйственной деятельности человека. То есть, исходя из данного понимания экологических конфликтов, распределение пахотной земли, браконьерская охота или конфликты по поводу платной рыбалки к экологическим конфликтам не относятся, однако могут стать таковыми, если будут отмечены факты деградации окружающей природной среды. Иногда снижение эстетической ценности природных ландшафтов также относят к экологической деградации.

Объектом экологических конфликтов выступают экологические функции природы и/или характер использования природных благ, а предметом – общественные отношения, приводящие к деградации возобновляемых природных ресурсов.

Распределение внешних экологических издержек от деградации окружающей природной среды составляет экономическую основу экологических конфликтов. Возникновение таких конфликтов является индикатором антиустойчивой тенденции развития.

Экологические конфликты в РФ

Основными источниками экологических конфликтов в нашей стране являются вырубка лесов и парков; застройка водоохранных зон, заповедников и территорий памятников культуры; организация (санкционированная или нет) мусорных свалок и полигонов захоронения промышленных отходов; а также новые хозяйственные проекты с заметным негативным воздействием на окружающую среду. При этом прямая связь между текущей экологической ситуацией в том или ином регионе РФ и уровнем общественной активности по экологической тематике отсутствует [5]. Протесты обычно возникают в связи с ожиданием негативных экологических последствий от намечаемой деятельности.

Приблизительно 25% всех протестных акций населения приходится на экологические конфликты против вырубки лесов и парков [6]. В российских городах повсеместно распространена практика уплотнительной городской застройки за счет зеленых насаждений, хотя в большинстве из них нормы рационального озеленения не соблюдаются. Еще хуже обстоит дело с соблюдением водоохранного законодательства. Практически без всякого противодействия властей в течение последних 25 лет велась активная застройка берегов озер Ленинградской области. Более 60% водоохраных зон в Подмоскowie застроены коттеджами и объектами инфраструктуры [7]. Результатом такой политики является разрушение экосистем со всеми сопутствующими проблемами для местного населения. Но протесты против вырубки лесов и застройки водоохраных зон, как правило, носят локальный характер и малорезультативны. Обращение в суд помогает лишь в единичных случаях и только при условии заступничества высокопоставленных чиновников.

По всей стране остро стоит проблема утилизации мусора. В России выявлено 20 тысяч незаконных свалок, что в четыре раза превышает количество официальных мусорных полигонов [8]. В средствах массовой информации широко обсуждались

проблемы, связанные со свалками около аэропорта Шереметьево, вокруг полигона ТБО Кулаковский в Чеховском районе Московской области, несанкционированной свалки около г. Ессентуки. На Форуме действий Общероссийского народного фронта в ноябре 2016 г. Президент В. В. Путин признался, что в ряде случаев дело доходит до того, что ему лично приходилось выставлять Нацгвардию вокруг мусорных свалок [9]. Обратим, однако, внимание, что там, где местная власть отстаивает интересы жителей, попытки организовать свалки проваливаются (так произошло около посёлка Томилино и деревни Токарево в Люберецком районе Московской области [10]).

Самыми резонансными в нашей стране являются экологические конфликты, связанные с деятельностью промышленных и инфраструктурных объектов. Проведем контент-анализ трех экологических конфликтов, сопровождавшихся самыми массовыми общественными протестами в новейшей истории России.

Химкинский лес

Конфликт развивался с 2007 г. по 2012 г. Химкинский лес относился к защитным лесам первой группы² (лесозащитный пояс Москвы). В 2004 г. Минтранс принял решение о строительстве платной автомагистрали Москва – Санкт-Петербург, которая частично должна была пройти через этот лес. Химкинский лес представляет собой смешанный лес площадью около 1000 га между городом Химки (250 тыс. жителей) – спутником Москвы, рекой Клязьмой и Ленинградским шоссе. Высокую ценность лесу придают вековые дубравы. По проекту трасса проходила по центру лесного массива, разрезая его на несколько фрагментов. Первоначальная площадь вырубки предполагалась в 140 га (окончательная составила 95 га). Проект вызвал большой резонанс и массовые акции протеста, организованные экологами и местными активистами. Из-за многочисленных протестов Европейский банк развития и реконструкции даже отказался финансировать проект. В августе 2010 г. Д. Медведев (тогда – Президент РФ) дал поручение приостановить строительство автодороги до проведения дополнительных общественных слушаний. Однако

² Основным назначением лесов первой группы является выполнение водоохранных, защитных, санитарно-гигиенических и оздоровительных функций.

уже в декабре того же года вице-премьер Сергей Иванов заявил, что трасса будет проложена по ранее утвержденному маршруту через Химкинский лес.

Со строительством трассы связано много скандальных событий: мэрия Химок закидывалась файерами и камнями, был избит и стал инвалидом журналист Михаил Бекетов, освещавший события вокруг строительства дороги, жестоко избили корреспондента газеты «Коммерсантъ» Олега Кашина.

Независимая экологическая экспертиза [11] выявила существенные нарушения законов при реализации проекта, в частности, нарушение прав граждан на проведение оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) и экологической экспертизы, нарушения Градостроительного кодекса, лесного и земельного законодательства. Результаты антикоррупционной экспертизы свидетельствуют о низком уровне прозрачности процесса принятия решения о строительстве дороги и потенциальном конфликте интересов населения и чиновников, принимающих решения.

Концессионером проекта является ООО «Северо-Западная концессионная компания», учрежденная французским концерном Vinci и ООО «Н-Транс» (позднее в проект вошел российский олигарх Аркадий Ротенберг). Расследование защитников леса показало, что бенефициарами проекта являются ряд офшоров.

Тем не менее к концу 2014 г. дорога была построена, правда, с определенными поправками и пакетом компенсаций (сократилась ширина просеки; минимизирована протяженность трассы; на 500 га площади высадили деревья). Однако декларируемая цель проекта – разгрузить Ленинградское шоссе – достигнута не была. Высокая плата за проезд по новой дороге вынудила автомобилистов вернуться на забитую пробками бесплатную трассу.

Противостояние на Хопре

В 2011 г. правительство РФ объявило тендер на добычу никеля в Новохоперском районе Воронежской области. Это третье по объему никеля месторождение в РФ (после Кольского полуострова и Норильского региона). Тендер на разработку Еланского и Елкинского участков месторождений выиграла Уральская горно-металлургическая компания (УГМК). Для первичного обогащения руды компания планировала построить завод в 15 км от Хоперского заповедника, отсюда никелевый

концентрат должен будет направляться на металлургические заводы в другие регионы страны.

Горнорудная промышленность относится к числу экологически опасных; наиболее серьезное воздействие она оказывает на поверхностные и подземные воды, атмосферу и недра. На Хопре никеленосные пласты залегают на глубине 300–350 м. Чтобы добыть руду с такой глубины, необходимо пройти шесть водоносных горизонтов, разрушение которых может привести к «обезвоживанию» территории и экологической катастрофе. Кроме того, загрязненные стоки с подземных рудников ведут к закислению почвы, что губительно для черноземов, которыми славится Воронежская область. Пустоты в недрах после выработки предполагается заполнять пустой породой и «хвостами» от обогащения, что также представляет опасность для экосистем верховьев Дона.

При этом никаких национальных стратегических целей добыча никеля на Хопре не имеет: на сегодняшний день 84% никеля, добываемого в РФ, экспортируется за рубеж. Выгодоприобретателями от этого бизнеса являются исключительно владельцы УГМК, а все экологические издержки вынуждены будут нести местные жители. Тем не менее правительство Воронежской области поддерживает проект. По оценкам губернатора Воронежской области Алексея Гордеева, в результате реализации проекта региональный бюджет будет ежегодно получать дополнительно 2,5 млрд руб. (около 5% от величины доходной части). Также предполагается трудоустроить 2,5 тыс. человек с заработной платой 30–50 тыс. руб. [12].

Жители не доверяют этим посулам, полагая, что рабочие места займут в основном приезжие, поскольку в аграрном регионе нет специалистов по горнорудному делу, что неизбежно создаст социальную напряжённость. Мало кто верит заверениям УГМК о гарантиях экологической безопасности, поскольку реальная практика ведения бизнеса этой компанией свидетельствует об обратном. В частности, в Осетии не прекращаются протесты против работы предприятия УГМК «Электроцинк» [13]. Отсутствие социальной ответственности у УГМК проявляется и в том, что компания, огораживая места разведочного бурения на Хопре, нарушила права местных жителей. Земля была повреждена работающей техникой, а владельцы участков,

по которым прошел забор, не только не получили компенсации, их просто не допустили на собственную территорию.

Вскоре после начала разведочного бурения (2013 г.) жители ряда окрестных деревень стали жаловаться на то, что вода испортилась (появился затхлый неприятный запах, осадки, белые хлопья). В январе 2014 г. Роспотребнадзор составил первый акт о том, что вода в колодцах не соответствует требованиям СанПиН. В 2017 г. в некоторых колодцах было зафиксировано превышение по фосфору в 1790 раз, по радиации – в 4,6 раза. В пробах воды обнаружено превышение по бериллию, марганцу, а также присутствие талия и урана [14].

Перспектива добычи никеля в непосредственной близости от заповедных мест в центре Черноземья с самого начала вызвала массовые протесты. Жители собирали подписи против добычи никеля, перегораживали федеральную трассу, проводили многочисленные митинги, которые переросли в физическое противостояние: на месте проведения разведочного бурения был сожжен вахтовый поселок геологов. В апреле 2016 г. в 40 городах РФ произошла общероссийская акция солидарности, с требованием отменить решение о добыче никеля в Воронежской области. Планировалось даже проведение референдума о добыче никеля, но Верховный суд России не дал на это разрешение.

Большое количество общественных групп («Зеленая лента», «Экологическая вахта Хопра», организации казаков, российская несистемная оппозиция, иностранные НКО) боролись за право возглавить протесты. В прессу была выплеснута масса негатива (как справедливого, так и надуманного) на лидеров экологических движений. В целом легко проследить попытки, с одной стороны, политизировать конфликт, а с другой – «слить» протест, подкупив и запугав его лидеров. В настоящее время окончательное решение о начале добычи УГМК не принято, а конфликт перерос в затяжное противостояние.

Конфликт в Канске

Предыстория конфликта, происшедшего в г. Канске в 2017 г., такова [15, 16]. После закрытия основных промышленных предприятий в Канске основной отраслью специализации стали лесозаготовка и деревообработка. В городе было 38 местных лесопилок и 53 лесозаготовительных предприятия. С приходом

в отрасль китайского бизнеса, получающего от своего государства дешевые кредиты, количество лесопилок в Канске возросло в четыре (!) раза. Китайские компании инициировали передел рынка, установив закупочные цены за кубометр леса на 800 руб. больше местных предприятий. Лесопилки российских владельцев разорились, а для китайцев Канск оказался очень удобным узлом для транспортировки необработанного леса в Китай.

В городе работают серые схемы поставки леса. Китайские компании зарегистрированы в основном в Иркутске и Красноярске, так что в местный бюджет налоги от них не поступают. Отходы производства лесопилок (так называемый «макаронник», который составляет около половины дерева) владельцы лесопилок просто сваливают за оградой предприятий. В результате пожара, начавшегося 24 мая 2017 г., на территории предприятия ООО «Синь-И», учрежденного китайскими компаниями, в городе сгорело 78 домов, два человека погибли. По факту гибели в пожаре двух человек в отношении мэра г. Канска Надежды Качан возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 293 УК РФ (ненадлежащее исполнение... обязанностей... повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц). Возбудили также уголовные дела против начальника Канского таможенного поста, начальника отдела надзорной деятельности МЧС, судебного пристава и др.

Местные депутаты пытались приостановить работу лесопилки «Синь-И» через суд, однако судебные приставы не выполнили судебное решение.

Горожане дежурили около незаконных свалок, чтобы не допустить машины с «макаронником», вызывали Красноярскую экологическую службу, однако штрафы в размере 500 руб. с машины не помогли изменить ситуацию.

В городе прошли массовые акции протеста с требованием убрать мэра и китайцев. По оценкам, леса в районе хватит еще на 10–15 лет. Финансовые условия деятельности российских компаний таковы, что составить конкуренцию китайским они не могут. Никаких гарантий, что чудовищные пожары не повторятся, нет.

С экспансией китайского бизнеса связаны и протесты во многих районах Дальнего Востока, Сибири и Урала, где земля сдается китайцам в аренду для производства сельхозпродукции [17]. Как правило, несколько лет земля дает рекордные урожаи, после

чего на этой земле не растет ничего, и требуется дорогостоящая рекультивация.

Из анализа экологических конфликтов в РФ вытекают следующие выводы:

- во всех случаях, когда возникали конфликты, имели место нарушения российского законодательства (подлоги, фальсификации, нарушения процедур и т.д.);

- массовыми являются нарушения при проведении общественных обсуждений – единственной части процедуры ОВОС, где предполагается участие всех заинтересованных сторон (в том числе населения);

- отправной точкой конфликтов является сам землеотвод. Чиновники используют любые лазейки (кадастровые ошибки, неопределенный статус земель, наложение или отсутствие границ участков) для принятия выгодных «инвесторам» решений;

- в случаях, когда местные власти выступают на стороне населения, экологических конфликтов, как правило, удается избежать.

Роль местных сообществ для целей устойчивого развития

Почему в процессе принятия решений, касающихся развития территорий, необходимо учитывать мнение местного населения?

Первое. Местное население, как правило, ориентируется на долгосрочные цели, что является условием устойчивого развития, как это показала лауреат нобелевской премии Элинор Остром. Согласно Остром, проблемы коллективного действия имеют временное измерение. Временной горизонт зависит от того, ожидает ли индивид, что он или его дети доживут в этой местности до того момента, когда дело дойдет до получения отдаленных по времени выгод [18. С. 81].

Второе. Сообщества с тесными внутриобщинными связями способны вырабатывать в отношении использования природных ресурсов решения, обеспечивающие коллективные интересы. Роберт Элликсон [19] на примере фермеров в Калифорнии показал, что коллективные интересы в значительной степени обеспечиваются не правовыми нормами, а неформальными правилами (соседским правом). Из этого вытекает, что сообщества с тесными внутриобщинными связями ближе всего к тому, что называется «устойчивым развитием».

Третье. Возможности экономических агентов переложить внешние издержки друг на друга определяются их экономической и политической силой. При реализации проекта всегда есть выигравшие и проигравшие. Но если бенефициарами проекта могут быть самые разные субъекты, то к проигравшим практически всегда относятся местные сообщества, население, находящееся в зоне экологически неблагоприятного воздействия хозяйственного проекта. С точки зрения экономической эффективности, для соблюдения принципа Парето-оптимальности бенефициары обязаны обеспечить компенсации пострадавшим, чтобы их положение как минимум не ухудшилось.

Как справедливо отметил немецкий эколог Й. Радкау, «проблема разрушения среды возникает там, где местное население утрачивает контроль над своими ресурсами и не может оградить их от чужаков» [20. С. 22]. Таким образом, вопрос контроля над ресурсами является ключевым в анализе положений Концепции устойчивого развития. Цели любой деятельности формируются теми, кто распоряжается ключевыми ресурсами, в соответствии с их системой ценностей. Именно расхождение в понимании целей природоохранной деятельности, декларируемых глобальными институтами и реальными интересами стран и регионов в этой сфере, определяет отсутствие реального прогресса в этой области.

Так, иркутский ученый Л. М. Корытный, анализируя несоответствие байкальских приоритетов [21], выделил восемь групп интересов: водоресурсный, рыборесурсный, энергетический, рекреационный, научно-исследовательский, гуманитарный (этнический, сакральный) и экономический. Для глобального и федерального уровней Байкал – стратегический резерв пресной воды, участок Всемирного наследия и мировая лаборатория. На региональном уровне в Иркутской области преобладают энергетические и экономические интересы, в Бурятии – рекреационные и гуманитарные. Бурятия несет экономические потери из-за природоохранных ограничений. Для локального населения приоритетом является рыба, поскольку представляет собой главный источник существования.

Как согласовать интересы и кому должен быть отдан приоритет? Г. А. Фоменко подчеркивает, что для устойчивого развития территории наибольшую актуальность имеет достижение местных,

а не глобальных целей, и предлагает подход к согласованию интересов на основании построения матрицы целей [22].

Только возрождение Духа Места³ позволит создать условия для долгосрочной жизни населения на своей земле.

Система экологического регулирования в РФ и интересы местного населения

Проанализируем возможности местных сообществ в нашей стране отстаивать свои интересы, касающиеся развития территории. Можно выделить следующие способы влияния местного населения:

- 1) выборы органов местного самоуправления;
- 2) процедура ОВОС, предполагающая, во-первых, участие в общественных слушаниях и, во-вторых, проведение общественных экологических экспертиз;
- 3) проведение референдумов.

Согласно российскому законодательству, решение о предварительном согласовании места размещения объекта, утверждающее акт о выборе земельного участка, принимает исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления. То есть решение отдано местным и региональным чиновникам и депутатам. К сожалению, очень часто эти полномочия используются в корыстных целях. Механизмов ответственности должностных лиц за экологические последствия принимаемых решений нет. Кроме того, Россия не ратифицировала Орхусскую конвенцию (1998 г.) «О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды».

На сегодняшний день ни в нашей стране, ни за рубежом нет устоявшейся общепризнанной методики расчета нерыночных экологических экстерналий, что не позволяет напрямую включить природный фактор в экономический анализ. Поэтому во всем мире используются процедуры, позволяющие учесть экологические аспекты в процессе принятия решений без прямой оценки экологического ущерба. Важнейшей из подобных процедур является оценка воздействия на окружающую среду

³ Место определяется как совокупность экономических, социальных, культурных, духовных, экологических и других особенностей локальной территории, конкретизированных в пространственно-временном отношении [21. С. 308].

(ОВОС), которая позволяет выявить, оценить и учесть возможные экологические и социальные последствия намечаемой деятельности на ранней стадии процесса принятия решений.

До изменений, внесенных в Градостроительный кодекс в 2006 г., российское законодательство требовало разработки ОВОС как на предпроектном (предварительная оценка), так и на проектном (окончательная оценка) этапах. В 2006 г. требование об обязательной разработке предпроектной документации исчезло из законодательства, и это снизило возможности общественности влиять на судьбу проекта. Оспорить через суд реализацию проекта, как это предлагают законодатели, на этапе экспертизы проектной документации иногда бывает уже поздно (например, если лес на будущей стройке уже вырублен, подавать иск против его вырубки бессмысленно). То есть изменения законодательства упростили экологические требования к бизнесу, мотивируя это необходимостью снижения нагрузки на него, но при этом не создали механизмов обратной связи, необходимых для эффективного управления, что идет вразрез с мировой практикой, требующей от бизнеса экологической и социальной ответственности.

Статья 20 ФЗ «Об экологической экспертизе» наделяет общественные экспертизы полномочиями государственных. Она гласит, что «общественная экологическая экспертиза организуется и проводится по инициативе граждан и общественных организаций (объединений), а также по инициативе органов местного самоуправления общественными организациями (объединениями), основным направлением деятельности которых... является охрана окружающей среды». Однако эта форма общественного участия в решении вопросов о реализации инвестиционных проектов не нашла должного развития. На практике неясно, кто финансирует проведение общественной экспертизы, как получить информацию об объекте экспертизы, зарегистрировать и утвердить свое заключение в уполномоченном органе и т.п. Неясно, что делать, если представлены результаты нескольких общественных экспертиз, выводы которых противоречат друг другу.

Важным институтом прямой демократии являются референдумы. Большое количество экологических референдумов проводилось в нашей стране в 1990-х годах. Затем в результате изменения законодательства круг вопросов, которые могут

выноситься на референдумы определенного уровня, был ограничен, усложнены процедуры инициирования референдумов. Как следствие, само требование провести референдум превратилось в форму протестного движения, имеющую цель заставить власти сесть за стол переговоров.

Таким образом, местное население имеет крайне скудный арсенал средств для отстаивания своих интересов относительно вариантов развития собственной территории. Проблема усугубляется низкой культурой солидарности самого населения. Протесты населения носят больше локализованный характер (дом, деревня). Резонанс, как правило, получают лишь те из них, которые выходят на городской или региональный уровень.

В 2013–2016 годах в нашей стране предпринято крупномасштабное реформирование системы экологического регулирования. Основные изменения сводятся к следующему: установление правовых норм стратегического планирования; разделение предприятий на категории по их потенциальной опасности и применение к ним различных мер государственного регулирования; внедрение принципа нормирования на основе наилучших доступных технологий; расширение сферы регионального контроля; изменения в регулировании деятельности по обращению с отходами производства и потребления.

На сегодняшний день многие подзаконные акты еще не приняты, отсутствует правоприменительная практика, поэтому понятна лишь общая конфигурация проектируемой системы экологического регулирования. Без сомнения, она позволит в какой-то мере снизить негативное воздействие на окружающую среду и тем самым будет способствовать реализации целей устойчивого развития. Однако уже сейчас очевидно, что она не устранил фундаментальные причины, ведущие к конфликтным ситуациям, поскольку многие из них лежат за пределами собственно системы экологического регулирования. Муниципалитеты получили право разработки стратегии социально-экономического развития, но они не обладают возможностями даже для полноценного оперативного управления территорией. Несбалансированность бюджетных отношений между федеральным центром, регионами и местными органами власти ведет к отсутствию у муниципалитетов реальных финансовых ресурсов. Принимаемые в стране законы противоречивы. Например, с одной стороны, идет ужесточение требований

к аренде лесных участков, с другой – амнистия незаконно построенного на лесных землях. До сих пор дискутируется вопрос, можно ли считать требование соблюдения российских законов (например, правильного складирования отходов) – «кошмарением» бизнеса. Местному населению практически невозможно отстаивать свои права легальными способами, а общая экономическая ситуация (трудно сохранить даже нынешний низкий уровень потребления) только подогревает протестные настроения.

Таким образом, глубинные причины экологических конфликтов в нашей стране лежат за пределами системы экологического регулирования. Сегодня население не имеет реальных инструментов для отстаивания собственных интересов по развитию территории. Более того, в современных экономических условиях оно вынуждено решать исключительно сиюминутные задачи выживания и зачастую само действует наиболее примитивным и доступным ему способом – выживает за счет природных ресурсов. Чувство хозяина практически утрачено, люди не могут защитить свои ресурсы от чужаков. Это противоречит принципам развития как такового, и, тем более, принципам «устойчивого развития».

Литература

1. *Libiszewski S.* What is an Environmental Conflict? URL: http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/What_is_Environment_Conflict_1992.pdf (дата обращения: 15 июля 2017).
2. *Mason S., Spillmann K.* Environmental Conflicts and Regional Conflict Management. URL: <http://www.eolss.net/sample-chapters/c13/E1-21-04-05.pdf> (дата обращения: 15 июля 2017).
3. *Martinez-Alier J.* Ecological Distribution Conflicts and Indicators of Sustainability. URL: <http://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/84f1a33b-cd5c-442a-9c2c-4d9826623106.pdf> (дата обращения: 15 июля 2017).
4. *Martinez-Alier J.* Identity and Power in Ecological Conflicts// International Journal of Transdisciplinary Research./– 2007.– Vol. 2.– № 1.– P. 17–41.
5. Экологические конфликты в российских регионах. 19.02.2013. URL: http://ecodelo.org/obshchestvo/ekologicheskoe_dvizhenie/20148-ekologicheskie_konflikty_v_rossiiskikh_regionakh-statia (дата обращения: 13.03.2017).
6. *Верхотуров Д.* Социальный протест в современной России. 07.11.2007 года. URL: <http://www.apn.ru/publications/article18296.htm> (дата обращения: 15 июля 2017).

7. В Подмосковье придумали способ борьбы с незаконной застройкой на водоемах// РБК.– 2016.– 10 февраля URL: <http://realty.rbc.ru/articles/10/02/2016/562949999713418.shtml> (дата обращения: 29.03.2016).
8. *Волкова С.* Гигантская свалка около «Шереметьево» скоро исчезнет. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26634/3653144/>
9. *Дижур Н.* По личной команде Путина в Московскую область ввели нацгвардию. URL: <https://og.ru/politics/2016/11/23/85149> (дата обращения: 20.09.2017).
10. Мусорная столица Подмосковья. Люберецкий район превратился в свалку// АиФ.– 2013.– 13 декабря, <http://www.aif.ru/realty/countryside/> (дата обращения: 29.03. 2016).
11. Результаты независимой экологической экспертизы проекта строительства скоростной автомобильной дороги Москва – С. Петербург на участке 15–58 км.– М., 2011. URL: http://www.greenpeace.org/russia/Global/russia/report/forest/Khimki/Khim_Concl-v2.pdf (дата обращения: 29.03. 2016).
12. Воронежский никель раздора. 1 июля 2013 года. URL: <http://www.kavicom.ru/pages-view-5967.html> (дата обращения: 15.07. 2017).
13. «Электроцинку» вновь указывают на выход. URL: http://kavpolit.com/articles/elektrotsinku_vnov_ukazyvajut_na_vyhod-25057/ (дата обращения: 05.12.2017).
14. «Становится только хуже»: жители Воронежской области вновь протестуют против разработки никеля // Угол зрения. – 2017. – 9 июня. URL: <https://salt.zone/radio/7814> (дата обращения: 20.09. 2017).
15. *Ворсобин В.* «Мэр продала русский город китайцам и они его сожгли? Что-то здесь не так...» URL: <https://www.kp.ru/daily/26713/3739779/> (дата обращения: 20.09.2017).
16. *Миронова Е.* Канск «Как одолеть экологический беспредел» 26.07.2017 года. URL: <http://sgzt.com/?module=articles&action=view&id=4350> (дата обращения: 20.09.2017).
17. Китайцы используют наши территории, или кому на российской земле пахать хорошо. 2 октября 2016 года. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/10/09/kitaycy-ispolzuyut-nashi-territorii.html> (дата обращения: 20.09.2017).
18. *Остром Э.* Управляя общим. Эволюция институтов коллективной собственности.– М., Челябинск: Ирисэн, Социум, 2016.– 447 с.
19. *Элликсон Р.* Порядок без права. Как соседи улаживают споры.– М.: Изд. Института Гайдара, 2017.– 513 с.
20. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды.– М.: ВШЭ, 2014.– 467 с.
21. *Корытный Л. М.* Байкальские приоритеты// Мир Байкала.– 2017.– Март.– № 1 (53).– С. 42–45.
22. *Фоменко Г.А., Фоменко М.А.* Экономический транзит и охрана природы. Социокультурные аспекты.– Ярославль, 2016.– 312 с.

О перспективах изменения «ландшафта» российской банковской системы: кто выиграет?

Ю. С. ЭЗРОХ, доктор экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления. E-mail: ezroh@rambler.ru

В статье обосновано, что значимым фактором изменения структуры отечественной банковской системы на современном этапе является позиция Банка России в отношении санации коммерческих банков. Определена возможная трансформация ландшафта банковской системы в рамках каждого из трёх главных вариантов действий регулятора – финансовое оздоровление: а) системообразующих банков; б) крупных и средних банков; в) всех типов банков. Доказана неизбежность усиления степени монополизации банковского сектора в любом случае, а также возможность сокращения отрицательного эффекта при использовании комбинации механизмов «жёсткой» и «мягкой» санации, основные направления осуществления которой сформулированы впервые.

Ключевые слова: госбанки, реструктуризация банковской системы, монополизация банковского сектора, монополия в банковской сфере

Ситуацию, когда в России ежегодно с 2014 г. отзывается до 100 банковских лицензий (т.е. у каждого шестого-седьмого банка), трудно не классифицировать как кризисную. Постепенно и люди, и предприятия к этому адаптировались: беды очередного малоизвестного банка уже не вызывают панику – «Арсенал», «Резерв», Темпбанк... Кто следующий?

Однако летом 2017 г. затянувшийся кризис банковской системы, ставший де-факто «новой реальностью», перешел на качественно иной уровень. Крупнейший (!) в России частный банк ФК «Открытие» (4-е место по размеру активов) уверенно пошёл к закрытию – за июль-август клиенты вывели из него около 1 трлн руб., или 40% пассивов. В сентябре паника перекинулась на менее крупный Бинбанк (11-е место). В итоге обе кредитные организации «мирно» (по крайней мере, внешне) перешли под контроль Центрального банка РФ. Несмотря на то, что они бесперебойно¹ продолжали свою операционную деятельность,

¹ Регулятор не стал вводить трёхмесячный мораторий на удовлетворение требований кредиторов.

рынок оказался в неустойчивом состоянии. Это обусловлено следующими причинами: проблемы впервые² затронули системообразующие банки [1]; в открытом доступе циркулирует масса неподтверждённых сведений, порочащих деловую репутацию других банков, в том числе системообразующих; в банковской системе действительно накоплены большие проблемы.

Сложившаяся ситуация перестала быть «обычным» кризисом [2]; стал очевиден его *системный* характер. Действия Банка России по его преодолению могут в значительной мере изменить «ландшафт» банковской системы – её структуру и устройство. Какой она будет дальше? Во многом это зависит от позиции регулятора в отношении Фонда консолидации банковского сектора (ФКБС): а) какие банки будут санировать, а какие – нет? б) какова судьба «спасённых» банков – оставят ли их в государственной собственности или приватизируют? И главное – кто от этого выиграет? Поскольку стратегия регулятора в этой области не опубликована³, возможны различные варианты развития событий.

Вариант I. Позиция Банка России – избирательное участие в санации системообразующих банков и их последующая продажа (в кратко- или среднесрочной перспективе). Вероятно, это соответствует текущей позиции регулятора – он не гарантировал безусловную поддержку даже системообразующим банкам, хотя де-факто ещё никому из них не отказывал в санации. При этом лицензии средних банков – «Межтопэнергобанк» (107-е место) и «Югра» (30-е место) в июле 2017 г. (т.е. уже после создания ФКБС!) были отозваны, несмотря на просьбы банков о санации.

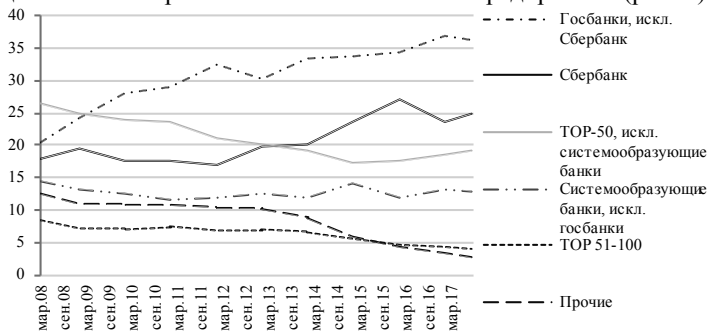
Ключевой недостаток варианта – поддержание степени доверия клиентов к банковской системе на низком уровне [3]. Информационный вброс (слухи) о проблемах какого-либо банка способен привести к панике среди его клиентов. В такой ситуации владельцы денежных капиталов, не застрахованных государством, становятся «нервными» и стараются скорее забрать

² После кризиса 1998 г. критические проблемы у системообразующего банка в России возникали один раз – в 2011 г. у Банка Москвы. Они были связаны с махинациями топ-менеджеров и происходили на фоне относительно стабильного функционирования всей банковской системы.

³ Речь идёт об Основных направлениях развития финансового рынка РФ на период 2016–2018 гг.

свои деньги, невзирая на возможную потерю процентов (феномен «набега вкладчиков»⁴).

Кому это выгодно? У любой банковской паники есть своеобразные «бенефициары», которым чем хуже – тем лучше. Речь идёт об авторитетных банках с априорной надёжностью, в которые, как в «тихие гавани», перетекают деньги вкладчиков и предприятий в период любой нестабильности. Их круг постепенно сужается. Если в период кризиса 2008 г. к их числу относились банки из TOP-50, позже – TOP-30, потом – системообразующие, а после начала санации ФК «Открытие» – де-факто только большие госбанки⁵. Это видно, если посмотреть на уровень доверия к кредитным организациям самой незащищённой⁶ категории банковских клиентов – предприятий (рис. 1).

Источник: [4], расчёты автора.

Примечание: к числу госбанков отнесены Газпромбанк, ВТБ Банк Москвы, ВТБ 24, Россельхозбанк, Сбербанк, Банк Москвы (в период активного функционирования⁷); к числу системообразующих, помимо госбанков, отнесены Альфа-банк, Райффайзенбанк, Росбанк, ФК «Открытие».

Рис. 1. Доля отдельных групп российских банков и Сбербанка по остаткам средств на расчётных счетах предприятий в 2008–2017 гг., %

⁴ Bank run (англ.) – массовое изъятие средств клиентами банка из-за сомнений в его надёжности.

⁵ Существует значительное число средних банков с государственным участием – Еврофинанс Моснарбанк, МСП-банк, Новикомбанк и т.д.

⁶ В отличие от физических лиц предприятия даже не могут «раздробить» свои средства между разными банками. Их деньги не застрахованы. Кроме того, при банкротстве банков им по закону обычно почти ничего не достается (они – кредиторы второй очереди).

⁷ В настоящее время он юридически существует, однако весь «живой» банковский бизнес передан на баланс банка ВТБ, который обслуживает розничных клиентов под брендом «ВТБ Банк Москвы».

Как свидетельствуют данные рисунка, в 2008 г. доверие клиентов снизилось ко всем кредитным организациям, не входящим в TOP-50. При этом начавшиеся санации небольших банков позволили быстро нормализовать ситуацию (их рыночная доля после небольшого сокращения стабилизировалась). Но уже в 2013 г., с началом латентного экономического кризиса [5], повлекшего за собой банковский, клиенты малых и средних банков массово «мигрировали» в системообразующие банки (показано пунктирной стрелкой на рис. 1). При этом быстрее всех росла рыночная доля самого «безопасного» – Сбербанка и других крупных госбанков (показано сплошными стрелками)!

Аналогичные выводы можно сделать и в отношении межбанковского перемещения средств крупных вкладчиков (физических лиц), т.е. тех, чьи деньги гарантированы Агентством по страхованию вкладов (АСВ) лишь частично – в сумме не более 1,4 млн руб. (табл. 1).

Таблица 1. Сведения о распределении средств физических лиц, размещенных на банковских счетах в сумме, превышающей 1,4 млн руб., по группам банков в 2016–2017 гг., %

Группа	Показатель	01.01.16	01.04.16	01.07.16	01.10.16	01.01.17	01.04.17	01.07.17
1–10	П1	66,2	68,7	70,0	71,1	72,5	72,9	73,2
	П2	70,8	70,9	72,3	75,0	76,3	76,4	76,8
11–30	П1	16,2	15,5	15,1	14,7	14,2	14,4	14,4
	П2	11,8	12,8	12,6	11,0	10,5	10,8	10,9
31–100	П1	11,5	10,1	9,8	9,6	9,1	8,9	9,0
	П2	11,3	10,6	10,0	9,5	9,2	9,1	9,0
> 100	П1	6,2	5,6	5,1	4,7	4,3	3,8	3,4
	П2	6,1	5,7	5,1	4,5	4,0	3,6	3,3

Источники: статистика АСВ [6], расчёты автора.

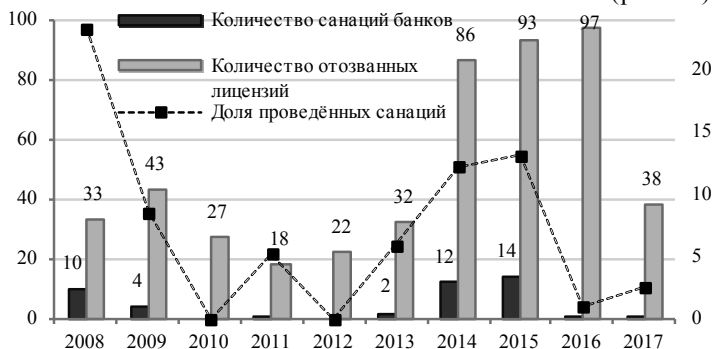
Примечание: П1 – доля в общем количестве банковских счетов физических лиц; П2 – доля в общем остатке средств на счетах физических лиц; номера банков указаны по ранжированию размера застрахованных обязательств; сведения за предыдущие периоды отсутствуют.

Как видно из данных таблицы, доля 10 крупнейших банков неуклонно увеличивается: прирост за 1,5 года – 6–7%. Показатели крупных банков (TOP-30) относительно стабильны (хотя

и немного сократились), а вот средние (31–100), и особенно небольшие банки, массово теряют крупных вкладчиков. И это в условиях, когда их процентные ставки существенно выше среднерыночных! Иными словами, причина ухода клиентов – исключительно в сокращении уровня доверия к небольшим банкам!

Вывод: неуверенность клиентов способствует монополизации банковского сектора и соответствует интересам крупнейших госбанков.

О влиянии функционирования института санации на изменение ландшафта банковской системы. С 2008 г. в России осуществлялось финансовое оздоровление некоторых проблемных банков, которое уменьшало степень волнения банковских клиентов (рис. 2).

Источники: [7], расчёты автора.

Примечание. Доля проведенных санаций = $\frac{\text{Количество начатых санаций за год}}{\text{Количество начатых санаций за год} + \text{Количество отзыванных лицензий за год}} \cdot 100\%$

Рис. 2. Сведения о количестве ежегодных принудительных отзывов лицензий у банков, начатых санаций банков (ед., левая шкала) и доле проведенных санаций (% , правая шкала) с 2008 г. по сентябрь 2017 г.

Однако, как видно на рисунке 2, доля проблемных банков, которые Банк России решил спасти, никогда не превышала 25%! А с 2016 г. такая практика почти прекратилась. Это связано вовсе не с отсутствием проблем в банковской системе – в этом же году было отзывано рекордное для XXI в. число лицензий! *Временное прекращение спасения новых банков, в первую очередь небольших, что было характерно для предыдущего этапа функционирования*

института санации (2008–2015 гг.)⁸ – «питательная среда» для паники клиентов, которая, как было показано, приводит к усилению монополизации банковского сектора.

Низкая, по мнению Банка России, эффективность использования выделяемых на санации средств, привела к тому, что с мая 2017 г. регулятор изменил схему санации и стал сам принимать непосредственное *управленческое* участие в ней [8–9]. В такой ситуации возникает вопрос о будущем банков, которые Банк России решит спасти, так как это, вероятно, окажет значимое влияние на изменение ландшафта банковской системы.

Каковы перспективы санированных Банком России крупнейших частных банков? Регулятор многократно назначал временные администрации, основной задачей которых было определение размеров «дыр» в балансе проблемных банков. Дальнейшее управление в рамках санации передавалось «здоровым» банкам. Иными словами, Банк России не имеет опыта самостоятельного развития коммерческих банков⁹ в условиях конкуренции!

Вероятнее всего, после «расчистки» балансов saniруемых банков, т.е. списания безнадежных активов, и стабилизации информационного фона они будут выставлены Банком России на торги. Возможно, к этому времени объем их бизнеса существенно сократится, т.е. они перестанут быть системообразующими. Не исключен и обратный вариант – слияние всех saniрованных банков в один. В любом случае продаваемые банки останутся довольно крупными, что является дополнительной сложностью для поиска новых собственников.

Кому продать акции оздоровлённых банков в период экономической нестабильности¹⁰? Другому крупному частному банку? Рискованно, так как финансовое положение банка-покупателя

⁸ Вначале (в 2008–2009 гг.) Банк России занимался финансовым оздоровлением преимущественно небольших банков: их средний размер активов – 26–36 млрд руб. (источник здесь и далее – расчёты автора по данным АСВ и портала Banki.ru). Однако в 2014–2015 гг. спасали гораздо более крупные банки со средним размером активов 69–108 млрд руб. Конечно, без инфляционной корректировки нельзя проводить прямое сопоставление этих данных, однако такая «укрупнительная» тенденция наблюдается и по абсолютным показателям – местам в общероссийском рейтинге по размеру активов.

⁹ Сбербанк, контрольным пакетом которого владеет Банк России, управляется «автономно».

¹⁰ В среднесрочной перспективе кардинальные улучшения в российской экономике не очень вероятны.

наверняка хуже, чем у санированного, т.е. почти «стерильного». Средним частным банкам? Рискованно вдвойне, так как они могут не справиться с резким увеличением масштаба бизнеса. Институциональным инвесторам? Почти исключено – реальными деньгами (≈2,3 трлн руб.) обладают только НПФ, однако к их финансовому положению есть очень много вопросов [10]. Широкому кругу лиц на бирже? Отсутствие контролирующего собственника всегда опасно; в такой ситуации Банку России придётся активно продвигать «свою» команду топ-менеджеров, что невозможно без сохранения крупного пакета акций, в то время как регулятор хочет прекратить своё участие в непосредственном управлении банками. Может быть, тогда крупным госбанкам? С одной стороны, это усилит и без того высокую степень монополизации банковского сектора. А с другой – повысит его устойчивость, что может стать ключевым аргументом «за»!

Наиболее вероятна «комбинация» двух последних типов покупателей. При этом в условиях высокой раздробленности капитала между собственниками госбанкам даже не нужен контрольный пакет акций санированных банков, чтобы принимать ключевые решения «единолично»¹¹.

Возможное изменение ландшафта банковской системы. Длительное сохранение обстановки неуверенности крупных клиентов приведёт к тому, что банковская система разделится на два сегмента: а) госбанки и крупнейшие банки с иностранным участием в капитале с высокой степенью конкурентоспособности и соответствующими доходами; б) все остальные банки, функционирующие в «параллельной реальности», где есть конкурентная борьба (преимущественно за небольших клиентов), но нет приемлемой доходности. Очевидно, будут и нишевые «банки-исключения», ориентированные на обслуживание своих собственников (банк ВБРР – «Роснефть»), высокотехнологичные («Тинькофф»), специализированные («Хоум Кредит») и т.д. Однако число таких «исключений» будет плавно сокращаться.

¹¹ Теоретически возможен вариант дробной реализации – в каждом регионе присутствия санируемого банка провести аукцион по продаже его местных активов. Финансово это наименее выгодно – «нормальную» цену может иметь только действующий банк, обслуживающий клиентов. В принципе можно продать и каждую региональную компоненту банковского бизнеса санируемого банка. Данный процесс слишком трудоёмок; таких прецедентов в современной России ещё не было. Однако это вовсе не говорит о его бесперспективности в текущих условиях.

Кто выиграет? Крупные госбанки, которые смогут привлекать ресурсы клиентов по ещё более низким ставкам (в первую очередь Сбербанк), а также те из них, кто заинтересован в поглощении санированных банков (прежде всего ВТБ, имеющий такой опыт с Банком Москвы и Транскредитбанком). Крупнейшие банки с иностранным капиталом (Райффайзенбанк, Росбанк, ЮниКредитБанк) занимают более консервативную позицию по отношению к росту объемов своего бизнеса на фоне санкций и общеэкономических проблем в России, поэтому их заинтересованность в происходящем существенно меньше.

Вариант II. Позиция Банка России – избирательное принятие участия в санации всех типов банков. Ключевым отличием от предыдущего варианта является некоторое снижение «напряжения» в среде клиентов за счёт сокращения числа отозванных лицензий у крупных и средних банков (ТОР-100). В такой ситуации ещё больше обострится проблема поиска надёжных покупателей, так как количество выставленных на продажу банков может быть значительным. Выходом может стать *временная консолидация санлируемых кредитных организаций в банковскую группу Банка России или, например, Внешэкономбанка*. Однако, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное...

Эффективно ли государственное управление банками? Ответ на данный вопрос, к сожалению, является весьма ожидаемым (табл. 2).

Таблица 2. Сведения о прибылях и убытках отдельных банков с государственным участием в капитале в 2009–2016 гг., млрд руб.

Банк	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
«Глобэкс»	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1,1	-7,8	-5,5	-29,6
Связь-Банк	н.д.	н.д.	н.д.	-0,1	2,0	1,0	-20,4	-3,6
Россельхозбанк	2,6	-0,8	-3,1	н.д.	1,0	-9,3	-75,2	0,5
«Российский капитал»	-3,4	-0,5	-1,5	0,2	0,7	-0,5	-4,6	-5,3
ВТБ	-23,2	46,4	35,4	н.д.	н.д.	19,6 (69,8)	49,1 (50,6)	69,1 (46,4)
Сбербанк	38,6	172,0	310,5	346,1	377,7	311,2	218,4	498,3

Источник: [11], составлено автором.

Примечание. По банку ВТБ в скобках указаны сведения о доходах от участия в капитале других компаний (в основном – от ВТБ 24).

Как видно из таблицы 2, «Глобэкс» и Связь-Банк, которые были санированы в конце 2008 г. Внешэкономбанком на деньги Банка России, продолжают генерировать убытки. В первом случае – весьма существенные (в 2016 г. – 20% от валюты баланса), превышающие (!) капитал кредитной организации. Фактически банки, на санацию которых было потрачено в 2008–2009 гг. более 210 млрд руб. [12], вновь испытывают проблемы. Учитывая, что после финансового оздоровления их «токсичные» активы были списаны, стабильная убыточность этих кредитных организаций на современном этапе определяется в первую очередь невысоким качеством управления. Бизнес Банка ВТБ (без учёта ВТБ 24) был всегда низкорентабельным. Россельхозбанк – убыточный банк, практически ежегодно получающий средства из государственного бюджета на пополнение своего капитала. Притом, что он является коммерческим банком, а не «филиалом» Министерства сельского хозяйства. А качество обслуживания в нём не очень высокое – «он никуда не спешит» [13]. Рентабельность основного бизнеса банка «Российский капитал» определить не просто, так как к нему периодически присоединяли «мёртвые» банки (например, «Тарханы» в 2012 г., «Эллипс» в 2014 г.). Однако в 2015–2016 гг. таких сделок не было, а убытки резко увеличились¹²! Единственное исключение – Сбербанк, который стабильно получает сверхприбыль, эффективно монетизируя свои монопольные возможности.

Важно подчеркнуть, что *низкие результаты получены большинством госбанков в «тепличных» условиях: при наличии важнейшего в настоящее время фактора конкурентоспособности – априорной надёжности, обеспечиваемой их «государственным» статусом.*

Возможное изменение ландшафта банковской системы. Учитывая существенное число банков-кандидатов на санацию, в течение короткого промежутка времени (1–2 года) может быть создана довольно многочисленная группа средних по размеру госбанков (10–20 участников) – «кольцо Банка России». Скорее всего, объединять их в один банк регулятор не станет, так как это снизит их коммерческую ликвидность при дальнейшей продаже.

¹² Возможно, они были отчасти определены участием в единственной государственной санации небанковской структуры – строительного холдинга СУ-155. Когда в одной тарелке «и мухи, и котлеты», их всегда довольно сложно разделить.

Вероятно, эффективность их управления останется на «традиционном» уровне. Иными словами, после решения вопросов с проблемными активами saniруемые банки будут «вылотекуще» функционировать, генерируя или незначительную прибыль, или убытки. В таком случае Банку России вряд ли удастся продать их даже за сумму, вложенную в выкуп новых акций¹³! Учитывая, что фиксировать дополнительный убыток регулятору «неудобно», *вопрос реализации акций оздоровлённых банков может не найти своего решения даже в среднесрочной перспективе!* Так, Агентству по страхованию вкладов не удавалось продать банк «Российский капитал» в течение почти десяти лет!

Однако *потенциально низкая коммерческая эффективность вовсе не означает, что новые госбанки не смогут увеличить свою рыночную долю.* Развитие банков, входящих в «кольцо Банка России», – задача более простая, чем «обычных» средних банков. Это обусловлено потенциально неограниченными ресурсами Банка России, а также повышенным уровнем доверия клиентов. Очевидно, что данный процесс будет происходить за счёт доли негосударственного сектора российской банковской системы!

В долгосрочной перспективе санированные банки может присоединить к себе один из госбанков (вероятнее всего, ВТБ, поскольку Газпромбанк, Россельхозбанк, Сбербанк не проявляют интереса к поглощению других банков), который будет в состоянии переплатить¹⁴, т.е. купить банки за величину их капитала, чтобы не ухудшать отчётность регулятора. Очевидно, что это только усилит степень монополизации отечественной банковской системы.

Кто выигрывает? В краткосрочной перспективе частные банки (в первую очередь средние) получают «передышку», связанную

¹³ Речь идёт не о покрытии стоимости санации банков, т.е. не о расходах на списание их безнадёжных активов, а о сумме дополнительных вложений, позволяющих спасаемым банкам начать «жизнь с чистого листа». Например, «старый капитал» банка – 300 млрд руб. Обнаруженная «дыра» – 500 млрд руб. «Старый капитал списывается, Банк России выкупает проблемные активы на 200 млрд руб. Проблемы банка решены полностью? Нет, для его функционирования нужен «новый» капитал в размере 400 млрд руб. Эти деньги также вкладывает Банк России. Если в будущем банк не станет эффективным, то его цена продажи будет меньше 400 млрд руб. Иными словами, Банку России придётся фиксировать дополнительный убыток.

¹⁴ Вероятно, им будет предоставлена компенсация в какой-либо другой форме, например, путём выдачи долгосрочного льготного кредита. С другой стороны, госбанки могут принять на себя убыток и без денежной компенсации в стратегических целях – для укрепления своего монопольного положения.

со снижением «напряжённости» клиентов из-за уменьшения количества отзывов лицензий. Однако по мере стабилизации положения банков из «кольца Банка России» клиенты будут постепенно «перетекать» к ним. Происходящий процесс «огосударствления» банковской системы стимулирует её монополизацию. Однако он не будет резким, так как качество услуг новых госбанков вряд ли окажется выше среднерыночного. Основная «интрига» – как долго сохранится «кольцо Банка России» в целостном виде, и кто его в итоге приватизирует. И произойдёт ли последнее на самом деле? Так, Внешэкономбанк не хочет «расстаться» со своими банками («Глобэкс» и Связь-Банком) уже девять лет!

Кроме того, увеличение числа самостоятельных госбанков может превратить их в «болото», куда будут массово «пристраивать» на работу бывших чиновников, «силовиков» и т.д.

Вариант II+. Позиция Банка России – аналогичная варианту II, дополненная политикой коммерчески эффективного управления «кольцом Банка России». Управление saniруемы-ми банками может быть доверено не «обычным» топ-менеджерам, а креативным и успешным профессионалам (типа Г. Грефа, М. Задорнова), которые получают широкие полномочия или даже карт-бланш. Так как специалистов такого уровня мало, весьма вероятно включение новых госбанков в вертикальную группу – с единым центром управления и общим планом развития.

Возможное изменение ландшафта банковской системы. Указанное позволит новым госбанкам не имитировать «бурную» деятельность, а в достаточно короткий срок предложить клиентам высококонкурентные услуги. В такой ситуации может возникнуть целостная (замкнутая, самодостаточная) система новых госбанков с широким спектром специализации внутри – от традиционных (ипотечных, универсальных и т.д.) до «молодёжных» банков! Вкупе с «государственным» статусом это позволит им успешно нарастить рыночную долю и получать высокую прибыль.

Однако промедление с приватизацией таких банков-«золотых куриц» (а это наиболее очевидный вариант по изложенным выше причинам) *способно за 5–10 лет привести к резкому сокращению конкурентоспособности частных банков и практически полному завершению государственной монополизации банковского сектора!*

Кто выигрывает? В кратко- и среднесрочной перспективе банковские клиенты получат существенные преимущества:

а) увеличится надёжность хранения их средств в банках;
б) повысится уровень конкурентной борьбы со стороны новых «креативных» госбанков, что приведёт к росту качества услуг и, возможно, даже к временному снижению их стоимости. Однако в долгосрочной перспективе (после неизбежной и практически полной монополизации банковской системы) ситуация изменится диаметрально – качество банковских услуг в России снизится, а их стоимость увеличится! *Надеяться на механизмы государственного регулирования конкуренции, на наш взгляд, бессмысленно – ставшие сверхбогатыми госбанки сумеют «защитить» себя, в том числе путём лоббирования во властных структурах.*

Вариант III. Позиция Банка России – консолидация банковского сектора за счёт комбинации механизмов «жёсткой» и «мягкой» санации, т.е. до момента накопления банками критических проблем (в настоящее время такой вариант даже не рассматривается!).

О проблеме, которая годами не находит своего решения. То, что российская банковская система сейчас не в лучшем состоянии, ни для кого не секрет [14]. Хуже другое – существенный объем проблем скрыт в финансовой отчётности! Так, по состоянию на 1 июля 2016 г. «от 300 до 400 банков из 641 могли скрывать “дыры” на сумму от 3,6 до 6,8% ВВП» [15]. Даже учитывая вероятно завышенный характер оценки¹⁵, стоит согласиться, что *многие российские банки действительно длительное время «рисуют» свой капитал*¹⁶. *В таком состоянии они могли бы относительно стабильно функционировать лишь в условиях экономического «штиля», о котором сейчас можно только мечтать!*

По сути, владельцы проблемных банков попали в замкнутый круг – им невозможно: а) продать банк (при оценке его финансового состояния потенциальным покупателем обязательно выяснится,

¹⁵ Она больше расходов на реструктуризацию всей банковской системы России с начала кризиса 2008 г.!

¹⁶ Приведем для примера одну из схем «рисовки» капитала. Банк ранее выдал крупные кредиты, которые ему не могут вернуть, причём речь идёт не о фирмах-однодневках, а о «живых» компаниях. Последние готовы платить только проценты и, возможно, небольшую часть основного долга. В такой ситуации банк постоянно перекредитовывает их, реструктурирует долги, т.е. делает всё, чтобы не признавать эти активы безнадежными ко взысканию (каковыми они по факту являются). В противном случае банку придётся одновременно создать огромный резерв, который немедленно «съест» его капитал.

что его реальный капитал отрицательный); б) «признаться» Банку России в наличии проблем (нарушатся обязательные нормативы, что практически неминуемо повлечёт за собой отзыв лицензии); в) покрыть убытки за счёт будущих доходов (их недостаточно из-за монополизации банковской системы); г) поэтапно закрыть банк, сокращая объем операций (клиенты, почувствовав «похоронное настроение» банка, просто «разбегутся»).

Аналогично функционирует (скорее – «балансирует») существенная, если не бóльшая, часть убыточных банков (табл. 3).

Таблица 3. **Некоторые сведения о финансовых результатах российской банковской системы в 2009–2017 гг.**

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017 (8 мес.)
Кол-во убыточных банков, ед.	119	79	48	58	89	104	166	163	163
Доля убыточных банков, %	11,8	7,9	5,0	6,2	9,9	12,7	23,2	26,9	29,2
<i>Справочно:</i>									
Совокупный убыток, млрд руб.	-75	-21	-6	-10	-20	-218	-495	-258	-69
Доля убытка в прибыли банковского сектора, %	36,3	4,5	0,8	0,3	2,4	29,8	80,6	24,6	7,7

Источник: [4], расчёты автора.

Как видно из таблицы 3, в 2015–2017 гг. произошло резкое увеличение количества кредитных организаций, которые не генерируют прибыль (до 163 ед.). Учитывая постоянные отзывы лицензий, доля убыточных банков неуклонно увеличивается (до одной трети!). Несмотря на сокращение совокупного убытка, указанное свидетельствует о том, что значительная часть банков с возникшей ситуацией сами никогда не справятся! *В таком случае «рисовка» финансовой отчётности банков практически неизбежна, что приводит к накоплению все большего объема проблем.*

Дополнительным риском является продажа беспроblemных банков так называемым «серийным банкирам», которые за короткий срок выводят из них все активы и массово проводят нелегальные операции [16]. Это заканчивается отзывом лицензии, выплатой страхового возмещения (порой немалого)

вкладчикам! Так, вкладчикам Арксбанка, «пылесосившего» депозитный рынок, АСВ выплатило около 35,5 млрд руб. [17]! Точный расчёт прямых потерь государства от реализации таких схем затруднён. Однако речь, очевидно, идёт о значительных суммах – не менее 100–200 млрд руб.

Организация цивилизованного выхода «уставших» банкиров с рынка – очень непростая проблема, решение которой неизбежно изменит ландшафт банковской системы!

О направлениях решения проблемы «уставших» банкиров.
Во-первых, необходима государственная программа по выкупу малых банков у прежних собственников. Сумма сделок должна быть не очень большой (до 50–100 млн руб.), однако достаточной, чтобы собственники были заинтересованы отойти от дел. Банку России, конечно, нецелесообразно управлять множеством мелких банков. По мнению автора, их следует оперативно продать средним банкам с устойчивым финансовым положением.

Во-вторых, необходима государственная программа по превентивной («мягкой») санации средних банков. Важно создать финансовые стимулы, чтобы собственникам таких банков было целесообразно «признаться» в наличии проблем Банку России как можно раньше. В случае отсутствия криминальных обстоятельств перехода в неустойчивое состояние, величина отрицательного капитала¹⁷ может быть покрыта Банком России, а сама кредитная организация передана одному из крупных банков с первоклассным финансовым положением. Столь либеральная программа – мера, конечно, временная (и вынужденная); срок её действия не может превышать 2–3 года!

Очевидно, в такой ситуации у регулятора возникнут убытки. Однако, учитывая, что государство уже потратило на санацию банков и выплаты страхового возмещения вкладчикам более 3,3 трлн руб., *во многих случаях было бы дешевле заранее «откупиться» от прежних собственников, чем обострять ситуацию до предела!*

¹⁷ Стоит отметить, что размер «дыры» в капитале на этапе начала санации банка может впоследствии уменьшиться или исчезнуть вовсе. Это обусловлено оценочным характером определения величин резервов, которые немедленно досоздаются в проблемном банке. Если в итоге его кредиты будут погашены, то и резервы восстановят. В случае, если капитал проблемного банка окажется положительным, бывшим собственником стоит предоставить дополнительное вознаграждение.

Возможное изменение ландшафта банковской системы. Активная работа с «уставшими» банкирами приведёт к резкому сокращению числа субъектов банковской системы, в первую очередь, за счёт мелких банков. Добровольно-принудительные объединения кредитных организаций стимулируют консолидационные процессы и среди «здоровых» банков.

Кто выиграет? Очевидно, не все средние банки будут спасены, что может снизить доверие клиентов к данной группе банков. При этом малые банки, объявляемые в такой ситуации едва ли не персонами нон грата, практически обречены. Происходящие изменения, конечно, позволят крупным госбанкам максимально использовать фактор своей априорной надёжности. Однако после завершения консолидации на рынке могут появиться укрупнённые средние частные банки с высокой устойчивостью и конкурентоспособностью.

Вместо подведения итогов. Стоит богатырь перед Вещим камнем: «Прямо пойдёшь – беда случится, налево – беда случится, направо – беда случится». Призадумался богатырь. Голос с неба: «Думай быстрее, иначе беда прямо здесь случится».

Какие бы действия в настоящее время ни предпринял Банк России, в краткосрочном периоде они неизбежно приведут к усилению монополизации банковского сектора. При этом прекращение санаций банков способно лишь ухудшить ситуацию! В условиях перманентного «банкопада» клиенты будут массово «перетекать» в государственные банки, прежде всего в Сбербанк и объединённый ВТБ Банк Москвы, уровень сервиса которых в настоящее время уже не хуже, чем в большинстве частных банков, в том числе с иностранным участием в капитале.

История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса. В СССР в течение 70 лет существовала «группа Госбанка», в которую входили специальные банки, ориентированные на обслуживание отдельных сфер экономики (Агропромбанк, Жилсоцбанк, Промстройбанк и др.). Результат известен – в рыночных условиях «государственный» подход оказался неэффективен, и в конце 1980-х на базе «осколков» спецбанков (отделений, контор) «началось лихорадочно-стихийное создание сотен и тысяч мелких коммерческих банков» [18]. Следствием этого стало формирование современной банковской

системы, из которой уже 25 лет не удаётся вывести недобросовестных участников.

Вероятным финалом современного витка эволюции банковской системы России станет её государственная монополизация, причём не административным, а квазирыночным способом – через уход с рынка частных банков, которые станут неконкурентоспособными. Рождение монополии из конкуренции – не фарс ли это?

Дискуссионные выводы. Решение текущих проблем, угрожающих стабильности системообразующих банков, – задача, без сомнения, важная, но не отменяющая необходимости стратегического планирования! В настоящее время реструктуризация банковской системы, инициируемая регулятором, происходит, по сути, бессистемно – проблемы решаются по мере их поступления. Отсутствие ясных критериев принятия банков в программу санации говорит о «кулуарном» характере решений. А отсутствие опубликованной стратегии в области санации позволяет любой полученный результат объявить положительным, т.е. именно таким, какой и был запланирован.

Санационные проблемы важны не только сами по себе – от действий Банка России в этой области зависит изменение всего ландшафта банковской системы в среднесрочной перспективе. *Разные подходы Банка России ведут к неодинаковому результату, но имеют идентичную проблему – неизбежное усиление монополизации национального банковского сектора.*

Отрицательные эффекты, генерируемые любой монополией, хорошо известны и из учебников, и из российского опыта. Можно ли полагать, что банковская монополия будет эффективной? Очевидно, что нет. Госбанки либо будут получать сверхприбыль за счёт нефинансового сектора экономики (если ими будут управлять эффективные менеджеры типа Г. Грефа), либо превратятся в «квазичиновников», которым проще безынициативно оказывать банковские услуги посредственного качества и периодически «клянчить» у государства деньги на докапитализацию.

К сожалению, данный вопрос, являющийся одним из наиболее значимых для развития отечественной банковской системы и экономики в целом, в настоящее время не обсуждают ни в Банке России, ни в Правительстве! При этом от дальнейшей монополизации российского банковского сектора выиграют только

топ-менеджеры¹⁸ существующих и будущих госбанков, а также различного рода «приближённые». *Все остальные проигрывают...*

Литература

1. Белоусов А.Л., Безуглая Е.И. Становление института системно значимых кредитных организаций в Российской Федерации // Финансы и кредит. – 2015. – № 25 (649). – С. 23–31.
2. Китрар Л.А., Липкинд Т.М., Лола И.С., Остапкович Г.В. Деловые настроения в банковском секторе в 2013 г.: ранние сигналы кризиса или дестабилизация? // Банковское дело. – 2014. – № 2. – С. 80–86.
3. Ельникова Г., Молчанова Л., Чемеричина Ю. Проблемы доверия населения в системе современных экономических отношений в российском банковском секторе // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2016. – № 3. – С. 156–158.
4. URL: <http://www.banki.ru/banks/ratings/>
5. Ханин Г.И. В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 2. – С. 11–15.
6. URL: https://www.asv.org.ru/agency/statistical_information/
7. URL: <https://www.asv.org.ru/sanation/banks/>
8. Юдина Н.Н., Бетмакаев А.М. Спасти нельзя ликвидировать: о санации проблемных банков в условиях кризиса // ЭКО. – 2016. – № 5. – С. 150–163.
9. Андрюшин С.А., Кузнецова В.В. Консолидация банковского сектора и новый механизм санации Банка России // Бизнес и банки. – 2017. – № 2. – С. 1–7.
10. URL: <http://www.banki.ru/news/columnists/?id=10038520>
11. URL: <http://cbr.ru/credit/main.asp>
12. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/07/03/706054-svyaz-bank-globeks-vebu>
13. URL: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10020365>
14. Черникова Л.И., Евстефеева С.А. Показатели эффективности работы банковского сектора в условиях кризиса // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2017. – Т. 10. – № 5 (335). – С. 506–517.
15. Мамонов М.Е. Спрятанные «дыры» в капитале ещё не обанкротившихся банков: оценка масштаба возможных потерь // Вопросы экономики. – 2017. – № 7. – С. 42–61.
16. URL: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9927122>
17. URL: https://www.asv.org.ru/insurance/insurance_cases/1654/
18. Кротов Н.И. История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Кн. 1. Спецбанки. – М.: Экономическая летопись, 2008. – 632 с.

¹⁸ То есть далеко не все работники! «Эксплуатация» рядовых сотрудников госбанков, вероятно, только усилится. Не секрет, что некоторые из них в настоящее время вынуждены работать сверхурочно без дополнительной оплаты. Им некуда «сбежать» – свободных вакансий в других банках на рынке немного. В этом-то и «смысл» монополии – сделать так, чтобы «бежать» было просто некуда!

На чем перевозить наливные пищевые грузы¹

Е.А. ФЕДУЛОВА, доктор экономических наук,
Кемеровский государственный университет. E-mail: fedulovaea@mail.ru

О.О. БАБИЧ, доктор технических наук,
Кемеровский государственный университет. E-mail: olich.43@mail.ru

А.О. АКУЛОВ, кандидат экономических наук,
Кемеровский государственный университет. E-mail: akuanatolij@yandex.ru

А.О. РАДА, директор Инжинирингового центра,
Кемеровский государственный университет. E-mail: radaartem@mail.ru

Ю.Ю. САВИНА, Кемеровский государственный университет.
E-mail: yuli.savina2011@yandex.ru

В статье обоснована необходимость межотраслевой координации развития пищевой промышленности и транспортного комплекса. Охарактеризовано состояние рынка вагонов для перевозки пищевых продуктов наливным способом, оценены его перспективы с учетом прогнозной динамики транспортировки данных грузов. Подчеркнута необходимость исключения неэффективных небезопасных схем транспортировки. Выполнен прогноз потребности в вагонах-цистернах, обоснована целесообразность расширения их производства.

Ключевые слова: пищевые продукты, растительное масло, железнодорожный транспорт, вагон-цистерна, наливные грузы

Продовольственная безопасность России, качество питания выдвинулись в число важнейших задач государственного управления и тем профессиональных дискуссий. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» позволяет говорить об определенных достижениях. Сокращение импорта продовольственных товаров, сельскохозяйственного сырья в 2016 г. составило 6,3% от уровня 2015 г. Пороговые показатели Доктрины продовольственной безопасности по большинству продуктов превысили заданные значения [1]. Сельское хозяйство, несмотря на неблагоприятные условия, стабильно растет, причем за счет повышения эффективности, а не экстенсивных факторов [2].

Однако сугубо оптимистичные оценки положения в агропромышленном комплексе были бы наивны. Проблем в АПК хватает, и большую часть из них невозможно решить в рамках

¹ Работа выполнена в рамках договора № 03.G25.31.0224 от 03 марта 2017 г. (уникальный идентификатор RF-----17X0123).

отраслевого подхода. В частности, традиционной болезненной точкой отечественной экономики были и остаются транспортно-логистические ограничения. Неэффективные небезопасные схемы транспортировки пищевых продуктов способны свести на нет любые достижения аграриев и пищевиков. Так, сложная ситуация наблюдается в сфере железнодорожных перевозок пищевых продуктов наливным способом. Несмотря на наименьшую стоимость железнодорожных перевозок, данный сегмент рынка практически не развивается, нехватка специализированного подвижного состава вынуждает перевозить пищевые продукты в случайных емкостях.

Важнейшими для железнодорожного транспорта наливными пищевыми грузами являются растительное масло, крахмально-паточная продукция и спирт-ректификат. Основная часть грузооборота (около 75,6%) приходится на растительное масло. Однако объем его перевозок в 2014–2017 гг. оставался неустойчивым, несмотря на значительный рост производства данного продукта (табл. 1). Сходная динамика и в перевозке крахмально-паточной продукции, спирта-ректификата. Главная причина, тормозящая развитие наливных перевозок пищевых продуктов, – непригодность ОАО «РЖД» и других перевозчиков к удовлетворению потребностей грузоотправителей, низкий уровень готовности к интеграции в современные логистические системы.

Таблица 1. Динамика внутренних перевозок растительного масла железнодорожным транспортом в РФ в 2014–2017 гг., тыс. т

Период	2014	2015	2016	2017
Январь	78,3	76,7	77,4	65,7
Февраль	91,8	86,2	82,6	68,2
Март	102,7	77,5	90,9	80,4
Апрель	94,9	73,7	71,1	71,2
Май	84,5	74,7	79,5	97,5
Июнь	78,7	76,4	92,7	88,7
За первые шесть месяцев года	530,9	465,2	494,2	471,7
Июль	85,8	104,4	96,1	
Август	97,9	100,9	84,0	
Сентябрь	90,6	80,6	82,7	
Октябрь	129,1	97,8	93,2	
Ноябрь	117,5	111,6	95,6	
Декабрь	98,3	106,3	85,3	
Итого за год	1150,1	1066,7	1031,1	

Источник: составлено по данным [3].

Железнодорожный транспорт России не располагает достаточным парком специализированных пищевых цистерн: для растительного масла имеется лишь 2760, для спирта – 591, для виноматериалов – 446, для молока – 107, для патоки – 40, для остальных продуктов – 13 [4]. Так, удельный вес цистерн для растительного масла в вагонном парке страны (около 0,2%) совершенно не соответствует его доле в общем объеме грузов, перевозимых железнодорожным транспортом (около 0,3%) [3, 4].

Дефицит цистерн вызывает общие и специфические проблемы. Первые очевидны – неполное удовлетворение потребностей рынка в транспортно-логистических услугах, снижение скорости, надежности перевозок, логистические риски. Специфическое негативное следствие нехватки вагонов-цистерн – устойчивая практика перевозки растительного масла в цистернах для светлых нефтепродуктов². Излишне, наверное, говорить о ее крайней опасности. Растительное масло широко используется в производстве пищевых продуктов, детского питания, поэтому проблема безопасной транспортировки требует кардинального решения.

При этом административные ограничения и запреты в условиях институциональной слабости экономики и коррупции сложно считать результативной мерой. Скажем, предписание Федеральной службы по надзору в сфере транспорта 2012 г. о запрете на перевозки в вагонах-цистернах грузов, не входящих в разрешенный заводом-изготовителем перечень, так и не позволило переломить ситуацию. Замещение цистерн из низколегированных сталей, изначально предназначенных для светлых нефтепродуктов, на специализированные цистерны для пищевых продуктов идет крайне медленно из-за их высокой стоимости и ограниченного предложения на российском рынке. Поэтому для обеспечения безопасности продукции и улучшения экономических показателей логистической цепочки необходимо конкурентоспособное предложение специализированных цистерн отечественного производства.

Важный аспект эффективной эксплуатации уже имеющихся цистерн – структура рынка. Рационализация использования вагонов во многом зависит от размера вагонного парка оператора. В настоящее время парк цистерн для растительного масла

² Информация о перевозке растительных масел в цистернах для нефтепродуктов неоднократно освещалась массовой и деловой прессой [5,6. С. 25].

распылен между 68 компаниями, где первые семь собственников имеют 1597 цистерн, 61 компания – менее 100 цистерн, а около 30 мелких организаций имеют менее 10 вагонов³ [4]. Значительное число мелких операторов обуславливает серьезные трудности с организацией рационального движения парка и вызывает рост постоянных затрат в расчете на 1 т·км.

Таким образом, проблемы эффективности, безопасности транспортировки растительного масла и других наливных пищевых грузов носят комплексный характер, их нельзя решить в рамках отраслевого подхода. Исследование тенденций рынка наливных перевозок, в свою очередь, позволит разработать прогнозные оценки, которые могут послужить основой для принятия решений.

Кому это надо?

Потребность в перевозках определяется в первую очередь объемами производства, импорта и экспорта продукции. В последние 10 лет Россия стала одним из крупнейших в мире производителей растительного масла, объем выпуска увеличился практически в два раза. Если в 2007 г. было произведено 2735 тыс. т растительного масла, то в 2012 г. – 4247 тыс. т, а в 2016 г. – уже 5211 тыс. т [7]. В настоящее время Россия также один из мировых лидеров в душевом потреблении растительного масла. Но если внутренний спрос в последние годы стабилизировался, что говорит о насыщении рынка, то экспорт растительного масла значительно вырос и служит основным драйвером производства.

В 2006–2011 гг. Россия поставляла за рубеж от 700 до 1200 тыс. т этого продукта, в 2012 г. экспортные поставки возросли до 2342 тыс. т. В 2014 г. в связи с девальвацией рубля произошел новый виток роста экспорта – до 3432 тыс. т. В 2015 г. объем экспорта превысил 3500 тыс. т, а Россия вошла в пятерку крупнейших поставщиков [8]. Экспортоориентированная модель развития отрасли ставит ее в зависимость от тенденций мирового рынка. Однако, согласно прогнозам ОЭСР, в среднесрочной перспективе мировой рынок растительного масла будет расти

³ Индекс Херфиндаля-Хиршмана составляет 805, что говорит о низкой рыночной концентрации.

умеренными темпами (на 12% к 2025 г. [9]), а низкий курс рубля поддерживает конкурентоспособность экспорта.

Заслуживают внимания и структурные изменения рынка: удельный вес наиболее популярного подсолнечного масла постепенно снижается. Если в 2002–2006 гг. на него приходилось более 95% общего выпуска, а другие виды масла были для отечественных производителей экзотикой, то к 2014–2016 гг. устойчивые позиции заняли соевое и рапсовое масла, доли которых в выпуске составляют около 7% и 9% соответственно [7]. Это дополнительная нагрузка на существующий парк цистерн, поскольку такие масла обладают более активным окисляющим эффектом, что требует качественных контактных поверхностей емкостей при перевозке.

Среднесрочный прогноз, выполненный авторами, показал, что к 2020 г. объем производства растительного масла в России достигнет 6100 тыс. т с соответствующим ростом спроса на перевозки.

Другой фактор, определяющий потребность в вагонах-цистернах – необходимость перевозок импортируемого растительного масла (в основном – пальмового). Динамика импорта растительного масла в 2006–2016 гг. и прогноз на 2017–2012 гг. позволяют говорить о сокращении фактического объема импорта с 900–1000 тыс. т в 2006–2013 гг. до 400–500 тыс. т в 2014–2016 гг. и ожидаемом снижении до уровня ниже 400 тыс. т к 2020 г.

Оценим на основании этих данных прогнозный объем спроса на железнодорожные перевозки растительного масла на 2020 г. (табл. 2).

Как несложно заметить, совокупный спрос на перевозку растительного масла железнодорожным транспортом будет стабильным с тенденцией к умеренному росту за счет положительной динамики производства и экспорта.

Прогноз объемов перевозок позволил определить потребность в парке цистерн, позволяющем «закрыть» заявки грузоотправителей растительного масла. Полученные оценки являются минимальными, поскольку не учитывают возможности существенного перераспределения рынка перевозок растительного масла в пользу железнодорожного транспорта (предполагается лишь сохранение сложившихся пропорций), активного обновления вагонного парка или большего по сравнению с экстраполяционным прогнозом увеличения производства и экспорта растительного

масла. Это задает определенный «запас прочности» изложенным ниже оценкам потребности в вагонах-цистернах.

Таблица 2. Фактический и прогнозируемый объем перевозок растительного масла в России железнодорожным транспортом в 2010–2020 гг., тыс. т

Показатель	2010	2014	2015	2016	2020
Производство растительного масла в РФ	2992	4869	4761	5211	6100
Импорт растительного масла	963	483	476	531	411
В том числе: железнодорожным транспортом	н/д	116	158	155	239
удельный вес в общем объеме перевозок, %		24,0	33,2	29,2	58,2
Экспорт растительного масла	887	3432	3587	1274	2740
В том числе: железнодорожным транспортом	н/д	867	813	983	1179
удельный вес в общем объеме перевозок, %		25,3	22,7	77,1	43,0
Внутренние перевозки железнодорожным транспортом	н/д	1150	1067	1031	785
Общие перевозки железнодорожным транспортом	н/д	2133	2038	2169	2203
Количество цистерн, необходимых для перевозки (2010–2016 гг. – фактическое количество, 2020 г. – прогноз)	н/д	2713	2593	2760	2803

Источник: данные за 2010–2016 гг. составлены по [3, 4, 9], прогноз на 2020 г. – расчеты авторов по данным источникам.

При расчете перспективной потребности в вагонах-цистернах на 2020 г. мы исходим из того, что средняя грузоподъемность одного вагона-цистерны составляет 66,0 т [4]; один вагон-цистерна в среднем за год предоставляется на погрузку 12,5 раза [3], что позволяет перевезти в общей сложности 786 т растительного масла. Как видно из данных таблицы 2, чистое увеличение парка вагонов-цистерн для растительного масла только вследствие роста объема перевозок можно оценить в 43 единицы (2803 в 2020 г. минус 2760 в 2016 г.). За 2017–2020 гг. по причине физического износа будет необходимо заменить, как минимум, 113 вагонов-цистерн (по 1% от общего парка за год, учитывая, что средний срок службы цистерны составляет около 30 лет, уровень износа у парка – около 55%). Таким образом, общий объем спроса на вагоны-цистерны, приспособленные для перевозок растительного масла, составит 156 единиц на среднесрочный период. Если железнодорожный транспорт не получит эти вагоны-цистерны, вал существующих проблем будет только нарастать.

Аналогичные расчеты по другим наливным грузам свидетельствуют, что дополнительная потребность в приспособленных

вагонах-цистернах для перевозки спирта-ректификата увеличится с 2016 г. по 2020 г. на 40 единиц, для перевозки крахмально-паточной продукции – на 24 единицы.

Итак, можно говорить о существенной потребности в развитии рынка вагонов для перевозки наливных пищевых грузов. Учитывая важность растительного масла в продовольственной корзине, и тот факт, что его производство, а также удельный вес в ресурсах продовольственного рынка в России входят в число целей и индикаторов Государственной программы развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг. [10], не вызывает сомнений важность адекватной транспортно-логистической поддержки аграрного производства. Центральным его момент – развитие производства специализированных вагонов-цистерн. Объективная потребность в них создает благоприятные условия для расширения действующего производства. И это не только решение проблем грузоотправителей, но и шанс для вагоностроителей, страдающих от нехватки заказов.

Кто может помочь?

Существующие предложения на российском рынке специализированных вагонов-цистерн не в состоянии удовлетворить спрос. Традиционно (со времен СССР) выпуск цистерн для растительного масла концентрировался на украинских предприятиях (Азовский, Мариупольский машиностроительные заводы). Теперь эту продукцию необходимо замещать российской [11], однако российские вагоностроительные заводы практически не производят пищевых цистерн. Те предприятия, которые выпускали такие модели, в настоящее время ликвидированы или прекратили их изготовление. Продукция из дальнего зарубежья из-за высокой стоимости не может рассматриваться как перспективный источник пополнения вагонного парка. Все это определяет необходимость организации новых высокотехнологичных производств вагонов-цистерн.

Наиболее перспективными моделями можно считать современные вагоны-цистерны для растительного масла типа 15–9987. Организация их производства может представлять интерес для ряда вагоностроительных заводов России, в частности, для ОАО «Алтайвагон», где с 2017 г. совместно с Кемеровским государственным университетом реализуется специализированный проект в рамках

конкурса на получение субсидий для реализации комплексного проекта по созданию высокотехнологичного производства.

Одной из стратегических целей развития ОАО «Алтайвагон» является создание и выпуск новых моделей вагонов в тех сегментах, где необходимо замещение импортной продукции. Предприятие имеет устойчивый рынок сбыта, сформировало предварительный портфель заказов, а также располагает необходимой лицензионно-разрешительной документацией по выпуску пищевых цистерн (пока отсутствующей у конкурентов). Это позволяет оценить потенциальный объем реализации цистерн к 2020 г. в размере, как минимум, 24 единицы (из требуемых рынком 156), что соответствует загрузке производственных мощностей соответствующих участков завода на уровне 35–40%. При этом точка безубыточности нового производства оценивается на уровне около 19 единиц продукции в год. Основные финансово-экономические показатели указанного проекта приведены в таблице 3.

Таблица 3. Прогнозные показатели проекта организации производства вагонов-цистерн на ОАО «Алтайвагон» в 2020–2024 гг., млн руб.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Всего затрат	100,8	126,0	151,2	184,8	210,0
В том числе:					
материальные	67,6	67,6	84,5	101,5	124,0
оплата труда и страховые взносы	4,7	4,7	5,8	7,0	8,5
общехозяйственные	28,4	53,7	60,9	76,3	77,5
Объем выпуска вагонов-цистерн, ед.	24	30	36	44	50
Выручка от реализации цистерн (без НДС)	120	150	180	220	250
Прибыль от продаж	19,2	24,0	28,8	35,2	40,0
Чистый денежный поток	49,3	61,8	74,3	96,8	98,8

Источник: расчеты авторов по данным, предоставленным предприятием.

Как видно из данных таблицы, создание производства вагонов-цистерн в 2017–2019 гг. позволит предприятию выйти на рынок и получить первую прибыль от продаж уже в 2020 г. (затраты на реализацию проекта составят 320 млн руб., из них 160 млн руб. – субсидии федерального бюджета). Положительное сальдо денежных потоков от операционной деятельности за 2020–2024 гг. окупает текущие инвестиции и обеспечивает чистый дисконтированный доход в размере 140,3 млн руб. Дисконтированный срок окупаемости проекта составит четыре

года, иными словами, положительный денежный поток превысит первоначальные инвестиционные вложения к 2023 г. Таким образом, итоги результатов реализации проекта даже при минимальной оценке предварительно сформированного объема заказов свидетельствуют о достаточной экономической эффективности.

Организация нового производства высокотехнологичных пищевых вагонов-цистерн не только способствует достижению программных целей в сфере импортозамещения, но и служит реальной логистической поддержке расширения производства, экспорта растительного масла, которое уже стало серьезной точкой роста российской экономики.

Литература

1. Национальный доклад Министерства сельского хозяйства РФ «О ходе и результатах реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы». URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/fcb/fcb7d16c5c74770d1d2df9ef81e00ce7.doc>
2. Аганбегян А. Г. Сельское хозяйство – локомотив социально-экономического роста России // ЭКО.– 2017.– № 5.– С. 5–22.
3. Динамика изменений объемов грузовых перевозок. URL: <https://cargo-report.info/stat/year/>
4. Информация по типу грузовых вагонов парка РФ и СНГ. URL: <https://cargo-report.info/info/wagon-owner/>
5. Грязный рынок // Российская газета.– 2013.– № 284.
6. Вред с маслом. Как россияне защищают от еды // Коммерсантъ-Деньги.– 2015.– № 27.
7. Еженедельные обзоры рынка масличных. URL: <http://www.specagro.ru/#/analytics/235>
8. Международный независимый институт аграрной политики. Мировой рынок растительного масла. URL: <http://xn-80aplem.xn-p1ai/analytics/Mirovoj-rynok-rastitelnogo-masla/>
9. Агропромышленный союз России. Экспорт подсолнечного масла из России: сезон 2015–2016 года. URL: <http://agro2b.ru/ru/news/35540-Eksport-podsolnechnogo-masla-Rossii-sezon-2015.html>
10. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Утверждена постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717-р (в ред. от 31 марта 2017 г. № 396-р).
11. Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в отрасли транспортного машиностроения Российской Федерации. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 31 марта 2015 г. № 660.

Труд и качество трудовой жизни в России: опыт XX в. и перспективы в XXI в.

В.Д. РОИК, доктор экономических наук,
Всероссийский научно-исследовательский институт труда Минтруда, Москва.
E-mail: vdroid@vcot.info

Статья посвящена организации труда и качеству трудовой жизни с позиции практики и теории их регулирования в период становления и развития индустриального общества, а также в среднесрочной перспективе. В целях совершенствования анализа труда предлагаются концепция качества трудовой жизни, методы, основанные на рассмотрении пространства труда, длительного времени, распределительных и социально-страховых механизмов, бюджетной политики государства, охраны труда и здоровья трудящихся.

Ключевые слова: труд, качество трудовой жизни, организация труда

Вехи формирования индустриальной модели организации труда

Процесс освобождения труда от устарелых организационных, правовых и экономических форм – это один из векторов человеческой истории, а достижение ощутимых результатов или, наоборот, сохранение архаичных трудовых отношений можно оценить на основе достигнутого качества трудовой жизни, состояние которой может служить камертоном социального согласия в обществе. В XX веке этот камертон часто звучал тревожно: социальные революции произошли в России и многих западноевропейских государствах, Китае, Индии и странах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки, Ближнего и Среднего Востока. Они вызвали две мировые войны и смену общественного устройства в странах, где проживает большинство населения Земли.

Сегодня, в начале XXI века, социальный вопрос все еще должным образом не решен. Мировой финансовый кризис стал вызовом для надежности национальных экономик и систем социальной защиты населения, а его причины явились следствием политики ведущих стран мира в сфере международного разделения труда, организации производства и распределения доходов.

Важными вехами при формировании индустриальной модели организации труда на протяжении XIX в. – первой половины XX вв. стали:

- переход от нестабильных и периодических форм найма работников, базирующихся на индивидуальных взаимоотношениях работодатель – работник, к постоянному найму, регулируемому с помощью нормативного трудового права и коллективных договоров;

- усиление регламентации труда и исполнительской дисциплины, разработка подробных регламентов работы, контроль за соблюдением режимов труда и отдыха;

- использование дисциплинарных методов воздействия на наемных работников, включающих применение трудовых книжек для регистрации правонарушений работников (Франция), работные дома как формы занятости безработных (Англия), уголовное преследование, вплоть до принудительных (и даже до каторжных) работ (Англия и Франция);

- научная организация труда с помощью обоснования трудовых операций, норм выработки, синхронизации трудовых процессов в масштабах цеха и фабрик и во времени путем его хронометража и пооперационного членения;

- расширение рамок трудового договора и включение в него затрат на профессиональную подготовку, оплату нерабочего времени (выходных дней и отпусков), на материальное обеспечение работников (и их семей) в пределах не только трудовой деятельности, но и в случаях утраты трудоспособности (болезни, инвалидности, старости, утраты кормильца), что в конечном итоге привело к формированию институтов коллективного социального страхования, обязательного по закону для применения всеми работодателями и работниками.

В большинстве западноевропейских стран (Великобритании, Бельгии, Франции, Германии, Швеции и др.) на протяжении всего XIX в. и первой половины XX в. рабочий класс вел бескомпромиссную борьбу за повышение заработной платы, ограничение продолжительности рабочего дня и рабочей недели и получение стабильных источников доходов при наступлении старости и инвалидности.

Реальные угрозы для государственного устройства и социальной стабильности в промышленно развитых странах, связанные

с революционным движением, послужили причиной постепенного изменения отношения правящих кругов к социальному вопросу, в результате чего были приняты фабричные законы, регламентирующие труд женщин и детей, ограничивающие продолжительность рабочего дня и недели. С последней трети XIX в. стала повышаться заработная плата. И хотя темпы ее повышения были весьма скромные (1–2% в год) и существенно отставали от темпов роста ВВП на душу населения, это позволило существенно сократить бедность, повысить уровень жизни населения в большинстве экономически развитых стран.

Процесс устойчивого роста реальной заработной платы в течение последней трети XIX в. – первой трети XX в. вызвал эффект «набегающей волны», подъём которой потребовал «подъема» других видов доходов населения, в том числе и в периоды нетрудоспособности в связи с болезнью, инвалидностью и старостью. Это привело к формированию в конце XIX в. и первой трети XX в. принципиально новых институтов социальной защиты населения – пенсионного, медицинского и других видов социального страхования.

После Второй мировой войны экономически развитые страны отказываются от парадигмы «пролетаризации населения» и практического ее применения в форме основного механизма повышения конкурентоспособности на рынке труда. Системы найма, заработной платы и социального страхования все больше ориентируются на качественный и высокопрофессиональный труд, формирование среднего класса как основного потребителя товаров и услуг, позволяющего обеспечивать устойчивый спрос и применять массовое производство, а также возрастающую роль государства в регулировании трудовых отношений (законодательство в области охраны и условий труда, инспекции по труду и т.д.).

Важнейшими теоретическими конструкциями современной системы доходов населения являются взаимосвязь *национальных систем заработной платы, регулирования вопросов занятости, увязка в единое целое этих управленческих систем с системами налогов и социального страхования.*

Об этом свидетельствуют основные вехи формирования системы доходов населения в экономически развитых странах, которые стали знаковыми в их социальной политике в следующие периоды:

- 1890–1940-е гг., когда из системы заработной платы выделлась система страховых взносов на пенсионное, медицинское и другие виды обязательного социального страхования;

- 1950–1970-е гг., на протяжении которых произошла гармонизация национальных систем пенсионного страхования и систем заработной платы, ставших единым комплексом доходов населения. Результатом стало выделение на эти цели в экономически развитых странах не менее 40–50% ВВП, что, по нашему мнению, можно назвать *первой социальной революцией доходов населения индустриального общества*;

- 1960–1970-е гг., когда произошла гармонизация систем пенсионного страхования, систем заработной платы и налоговой системы за счет дифференцированного подхода при взимании страховых взносов работников и подоходного налога (с низкой по размеру заработной платы страховые взносы и налоги либо не взимаются, либо взимаются в пониженных размерах, а с высокой – в повышенных размерах);

- 1970–2000-е гг., на протяжении которых произошло существенное расширение экономических возможностей «социального государства» в большинстве экономически развитых стран, что сопровождалось выделением на цели социальной защиты населения значительных финансовых средств (20–25% ВВП). Этот этап можно рассматривать как *третью социальную революцию доходов населения*, в результате которой подавляющее большинство людей получили доступ к качественным системам здравоохранения, пенсионного обеспечения и социальной поддержки.

Россия хотя и добилась впечатляющих результатов в XX в. в повышении качества трудовой жизни, однако к концу столетия все же не смогла выйти на параметры развитых стран. Ее институты доходов населения и социального обеспечения все еще остались в координатах 1970-х годов, что можно объяснить глубинными причинами политического, экономического и институционального характера.

Советская парадигма организации труда и социального обеспечения

В основе советской парадигмы организации труда и социального обеспечения были следующие постулаты:

– доминирующая роль государства в организации, регламентировании труда и контроле за дисциплиной труда, что идеологически обеспечивалось с помощью мифологем о «пролетарском государстве» и «общенародной собственности» и т.д.;

– управление экономическими и социальными процессами, а также производственной деятельностью Коммунистической партии (КПСС) привело к объединению функций государства и политической партии, государства и предпринимателей, государства и финансовых институтов;

– гипертрофированное расширение предмета деятельности государства в сфере труда и формирование многофункционального субъекта управления в области трудовых отношений: государство выступало в качестве корпорации, единого работодателя и т.д.;

– тотальное преобладание государственной собственности на средства производства, что позволяло минимизировать затраты на рабочую силу и направлять высокую долю ВВП на инвестиционные программы, оборону, помощь «дружественным странам» и международному рабочему движению, отменило частную собственность на средства производства¹, переведя институциональные вопросы организации труда с экономико-трудовой в политико-идеологическую плоскость, используя для этого марксистско-ленинскую доктрину классовой борьбы и уничтожения частной собственности как ее конечной цели;

– регулирование занятости и трудовой деятельности с помощью законов и административных регуляторов, исключаящих «рынок труда», взамен чего государство использовало минимизацию затрат на рабочую силу, приводившую к пролетаризации сельского и городского населения, понуждая его в силу материальной необходимости к трудовой деятельности в промышленности, на рабочих местах с вредными и опасными условиями труда, в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока с экстремальными условиями труда;

¹ С первых дней советской власти большевики претворяли в жизнь парадигму, отрицающую частную собственность, что было знаковым событием при переходе к новым общественным отношениям, имеющим конечной целью формирование нового человека с помощью принудительной силы государства. В октябре 1917 г. большевистская революция, по образному выражению одного из ее руководителей Л. Троцкого, «... опрокинула не Временное правительство Керенского, а целый социальный режим, построенный на частной собственности» [1. С. 30].

– активное применение административных мер (трудовые книжки), уголовного законодательства (например, за «тунеядство», опоздание на работу и прогулы) и репрессивного аппарата для контроля за трудовой дисциплиной.

После Октябрьской революции 1917 г. страна взяла на вооружение советскую парадигму общественного устройства, идеологическим и теоретическим ядром которой была социалистическая собственность, законодательно закреплённая в двух формах: государственной (общественной) и колхозно-кооперативной. Частная собственность была лишена права на существование в сфере экономической деятельности.

Частная собственность предполагает меновое хозяйство. Сотни тысяч и даже миллионы производителей конкурируют между собой в производстве товаров, которыми потом обмениваются при посредстве денег. Социалистические централизованно-регулятивные механизмы не позволяли балансировать затраты и цены на уровне хозяйствующих субъектов. Отсутствие рынка, являющегося основой для конкуренции товаров, рабочей силы и определения рыночной цены продукции, обеспечивая тем самым реальную оценку по результату и спросу, привело к необходимости при определении стоимости товара (и услуг) оценивать их величину принципиально по-новому – на основе затрат времени на их изготовление (и предоставление в случае с услугами).

Данный централизованный способ учета стоимости товаров в принципе не мог балансировать их с ценами. Например, чтобы изготовить автомобиль на Волжском автомобильном заводе в советский период, требовалось использовать 20 тыс. комплектующих деталей. Вместо рыночного определения цен на эти детали государство устанавливало их из единого центра – Госплана СССР и Госкомцен СССР. Это в свою очередь приводило к необходимости государственного регулирования заработной платы в межотраслевом, отраслевом разрезе, на уровне предприятий и цехов.

Такая государственная экономическая политика лишала хозяйствующих субъектов элементарной экономической свободы, приводила к дальнейшему усилению административных функций государства, гипертрофируя его роль до тотального контролера, снижая тем самым ответственность за результаты

своей деятельности хозяйствующих субъектов на всех уровнях управления: от министра до мастера и работника.

Вместо свободного труда в СССР был создан административный тотальный мегарегулятор производства и распределения продуктов труда (от станков до мелкосерийных комплектующих изделий, вплоть до гаек и гвоздей), который из-за своей аномальной бюрократизации оказался нежизнеспособным хозяйствующим субъектом. Государство не могло заменить рынок и рыночные отношения централизованными регуляторами.

Еще одной характеристикой организации труда в советский период являлся упрощенный подход к пониманию особенностей индустриального труда. Это было вызвано в России необходимостью форсированного перехода от преимущественно аграрного труда в конце XIX в. к индустриальному, связанного с существенным отставанием от промышленно развитых стран, а также с использованием достаточно спорных взглядов К. Маркса на природу сложного и простого труда. Изучая промышленную революцию на первом этапе ее реализации в странах Западной Европы (середина XIX в.), К. Маркс не мог вынести правильные суждения о природе сложного труда, которая в полную силу стала проявляться только во второй половине XX в. Он считал возможным сведение сложного труда к простому, или наоборот, путем суммирования временных затрат с помощью соответствующих коэффициентов: «Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого труда» [2. С. 54].

В середине XX в. в СССР данный упрощенный подход пытались широко применять в промышленности, что, за исключением сферы массового (конвейерного) производства, приводило к отрицательным результатам.

Эволюция отечественной системы организации труда на протяжении всего XX в. отличалась революционными изменениями (три революции), доминированием государственного управления деятельностью, форсированным созданием индустриальной экономики, нового работника, урбанизированного

образа жизни. В своей основе советская модель организации труда базировалась:

- на отказе от института частной собственности в сфере производства материальных благ и использовании административных внеэкономических регуляторов;

- на парадигме простого труда, что приводило к нивелированию подходов в организации и оплате труда, приводя к технократическим практикам и ограничению инициативы работников.

Во многом труд был заложником советской идеологии, которая в условиях быстрых изменений технологии и организации труда в развитых странах в условиях регулятивной экономики блокировала его развитие.

Эксперимент по отказу от частной собственности в сфере производства материальных благ закончился с переходом страны к рыночной экономике в 1990-е годы, однако его последствия не преодолены и до настоящего времени.

Это касается разбалансированной системы доходов населения и трудностей, связанных со становлением механизмов регулирования доходов населения, прежде всего заработной платы, а также медленным формированием институтов пенсионного и медицинского страхования.

Таким образом, в советский период в системе регулирования труда ключевую роль играло государство, а важнейшими сферами были нормирование труда (с позиции интенсивности и его научной организации), повсеместное установление тарифов и должностных окладов и других форм регулирования заработной платы, организация техники безопасности и производственной санитарии и контроль за охраной труда. Государство обеспечивало данные регулятивные и контрольные функции с позиции тотального работодателя, практически все работники (кроме колхозников) выступали как наемные работники государства.

Во многом такая экономическая и инвестиционная политика государства была связана с территориальными особенностями страны, необходимостью освоения огромных территорий Сибири и Дальнего Востока и выделения на это значительных финансовых, материальных и трудовых ресурсов.

На фоне общей тенденции пролетаризации населения важным параллельно развивающимся процессом был рост сложности труда, что проявлялось в формировании значительных

высокостатусных групп инженерно-технических работников, учителей, врачей, ученых, руководителей предприятий и строек.

Государство регулировало этот процесс с помощью партийных ячеек, функционирующих во всех без исключения организациях и предприятиях, не позволяя данным слоям населения объединяться в профессионально-статусные группы. Этот процесс вышел из-под контроля в начале 1990-х годов, в период так называемой «горбачевской перестройки», когда многие заведующие лабораториями НИИ объединили свои усилия и стали во главе движения за обновление.

Государственная политика пролетаризации рабочего класса и колхозников хотя и обеспечивала рабочей силой промышленность СССР, но в мирных условиях была неэффективной. Попытка ее изменить была предпринята в 1970-е годы – путем повышения самостоятельности предприятий (так называемая «косыгинская реформа»), однако из-за своей половинчатости она не привела к существенному улучшению положения в области труда. Государство придерживается курса на пролетаризацию населения (большей его части) и в настоящее время, о чем свидетельствуют крайне низкий уровень качества жизни большей части россиян и рост дифференциации по доходам и возможностям доступа к качественным системам образования и медицинской помощи.

В постсоветский период произошла приватизация государственной собственности новым слоем капиталистов, приведшая к узурпации ими экономической свободы большинства экономически активного населения, что обрекает целые поколения россиян на прозябание, занятие рутинным и малопродуктивным трудом. В полной мере это касается разбалансированной системы доходов населения и трудностей, связанных с созданием механизмов их регулирования, прежде всего заработной платы, а также с малоэффективными институтами пенсионного и медицинского страхования.

Это выражается в функционировании в России рыночной экономики с неравномерным и зачастую несправедливым распределением доходов, нестабильной занятостью для значительной части населения, неблагоприятными условиями труда для трети работников, занятых в базовых отраслях промышленности, весьма скромным качеством трудовой жизни большинства россиян. Имеются значительные трудности в доступе к качественным системам

медицинского страхования и социального обслуживания в случаях инвалидности и в старших возрастах.

Оценивая историческую судьбу наемных работников в России, можно с известной долей условности сказать, что они были и остаются пленниками пространства, времени и идеологии, тяжелого и интенсивного труда.

Кроме того, для России в полной мере актуальны глобальные вызовы современности: углубление социального неравенства в обществе и усиление социальной дезинтеграции, эрозия ценностей труда и социальной солидарности, значительные риски материальной необеспеченности в связи с утратой рабочего места, трудоспособности из-за болезней, инвалидности, старости и безработицы и т.д.

Создание условий для высокого качества трудовой жизни, достижение на этой основе социальной сплоченности российского социума – важнейшие ориентиры для социума и власти.

В этой связи к важнейшим направлениям государственного регулирования труда следует отнести такие меры, как формирование эффективных способов организации труда и институтов доходов населения, включая системы заработной платы, социального страхования и государственного социального обеспечения.

Расширение сферы регулирования труда

Важнейшей тенденцией в области занятости, доходов и социальной защиты населения на протяжении последних 30 лет выступает глобализация, затронувшая рынки труда, товаров и капитала. Она меняет матрицу социально-трудовых отношений, вызывая эффект энтропии в данной сфере за счет выравнивания занятости в планетарном масштабе – увеличивая ее в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии и, напротив, уменьшая в странах Европы и США.

Глобализация, так долго рассматриваемая как либеральный и прогрессивный вид экономической политики, привела к кардинальным преобразованиям в экономической и социальной сфере. Существенно изменились отношения между трудом и капиталом. Капитал стал более спекулятивен, а труд – менее защищенным. В большинстве стран темпы увеличения заработной платы за последние десятилетия отстают от темпов роста производительности труда, что привело к сокращению доли оплаты труда в ВВП и повышению степени неравенства в оплате труда.

Ослабление институтов рынка труда привело к тому, что на условиях частичной занятости в настоящее время работает каждый пятый в странах Западной и Центральной Европы и примерно каждый четвертый – в странах Восточной Европы.

Такая же картина характерна для России. По мнению авторов Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г., ни «скрытая» безработица, ни тем более занятость не являлись объектом государственного регулирования. В сфере занятости политика поддержания старых неэффективных рабочих мест явно превалировала над политикой создания новых, эффективных. Следствием стали низкие уровни заработной платы и производительности труда, по которой Россия в разы отстает от стран – экономических лидеров [3. С. 72].

Причинами существенного отставания страны в области организации и применения эффективных форм труда являются системные недостатки в организации социальных институтов, регулирующих широкий спектр отношений труда, капитала и государства: заработной платы и других доходов населения, социального страхования и вопросов собственности на результаты труда.

Во многом это связано с отечественной моделью трудовых отношений, развитие которых на протяжении значительных исторических периодов существенно отклонялось от осевых векторов становления и функционирования формационных укладов экономически развитых стран, а отечественные элиты на протяжении большей части последних 150 лет так и не смогли предложить взамен оригинальные жизнеспособные отечественные аналоги.

Следует отметить, что доминирующий в российском социуме на протяжении большей части нового и новейшего времени мировоззренческий взгляд на отношения между трудом и капиталом исключительно с позиций антагонизма все еще не изжит. В то же время марксистско-ленинский классовый подход и социалистический эксперимент в России в сфере организации общественного труда на протяжении 70 лет XX в. в качестве альтернативы рыночной экономике не выдержал испытания временем. Однако до настоящего времени в отечественной науке о труде не предложен систематический взгляд, позволяющий увидеть внутренние противоречия социалистического труда, не исследованы вопросы социальной дезинтеграции российского социума, которые привели к смене общественного устройства страны в 1990-е годы,

не разработаны вопросы теории и методологии формирования механизмов социальной сплоченности в сфере труда как стратегического пути построения гармоничного общества.

Современное осмысление феномена труда требует проведения значительного комплекса аналитических работ, в ходе которых важно провести анализ теории и практики организации труда в исторической ретроспективе и реальных возможностей его изменения в средне- и долгосрочном периодах с точки зрения содержания, сущностных отношений по его поводу основных социальных субъектов.

Например, в качестве стратегического пути становления индустриального и постиндустриального труда можно определить создание условий для достойного труда, что потребует разработки общественно значимых стандартов организации труда и их применения в форме социальных институтов, позволяющих экономически активным гражданам участвовать в экономической и социальной жизни и пользоваться её благами.

Рабочей гипотезой для выработки концепции труда в XXI в. могут служить следующие подходы. Рыночная экономика характеризуется неравномерным и зачастую несправедливым распределением доходов, ей присущи значительные риски материальной необеспеченности по ряду причин: в связи с утратой трудоспособности из-за болезней, инвалидности, старости и безработицы.

Исходя из этого к важнейшим характеристикам достойного труда следует отнести наличие эффективных способов организации труда и институтов доходов населения, включая системы заработной платы, социального страхования и государственного социального обеспечения, функционирование которых позволяет создать институциональные условия для качественного воспроизводства рабочей силы.

Феномен труда является важнейшим компонентом жизни человека. Следующие факторы определяют его роль и место в жизнедеятельности людей:

- география проживания, наличие тех или иных природных ресурсов (пригодной для обработки земли, лесных, водных и минеральных ресурсов);

- общественное устройство (аграрное, промышленное, индустриальное и постиндустриальное общества), культура и религия, тип государственного управления, наличие и развитость структур

гражданского общества (профессиональных союзов, партий, структур взаимопомощи);

– социальные институты (собственности, наследования, семьи, социальной защиты) и их взаимосвязанность между собой (единая архитектура институтов), определяющие степень зависимости работника от владельца земли и промышленного предприятия, от частного лица или государства, то есть свободы или зависимости трудящихся;

– сфера деятельности (сельское хозяйство, ремесленное и промышленное производства, сфера услуг), место проживания (сельская местность или города);

– профессия и квалификация;

– форма организации труда (индивидуальная, семейная, групповая), степень разделения и кооперации труда, обмена деятельности в обществе при осуществлении тех или иных функций социальной деятельности;

– уровень экономического развития страны и региона проживания с точки зрения возможности доступа к трудовой деятельности, что в конечном итоге обусловлено спросом на продукты труда, местной, региональной и межстрановой конкурентоспособностью продукции, зависимой от эффективности, качества и разделения труда;

– характер, умственные и психологические качества населения, склонность к труду и сбережениям².

Вышеприведенные факторы, влияющие на исследование проблем труда, требуется включить в предметное поле исследований ученых и специалистов в области труда.

Труд и социальная солидарность в модернизирующемся обществе

Сквозной темой на протяжении всей истории человечества была и остается проблема низкой материальной обеспеченности большинства населения. Противостоять нищете и тяжелым условиям повседневного существования можно только сообща, солидарно поддерживая друг друга. Поэтому принцип социальной

² Данные качества, по мнению ряда западноевропейских ученых, особенно в конце XIX – начале XX вв., объясняли предприимчивость ряда народов и послужили важным фактором более быстрого развития городов-государств Северной Италии, Нидерландов, Франции и Англии [4].

солидарности – основополагающий принцип организации любого общества, который воплощается во взаимоотношениях между людьми во все времена. В этой связи важнейшей функцией и основной заботой политиков и государства стало создание условий, благоприятных как для труда, так и капитала.

Именно по этой причине государство на индустриальном этапе превращается в «государство благосостояния», организуя институты коллективного страхования социальных рисков.

Общей концептуальной основой для формирования различных институтов социального страхования стало сочетание принципов личной ответственности и солидарной взаимопомощи работников и работодателей, позволяющих разрешать все важные и болезненные социальные проблемы именно в рамках взаимодействия труда и капитала.

Изменение демографической ситуации, новая политика на рынке труда и в сфере заработной платы требуют новых форм социальной солидарности, отказа от прежних стандартных форм участия работников в единых системах социального страхования. В этой связи усиливается внимание к большей дифференциации различных видов социального страхования, акцентируется необходимость проведения более отчетливого водораздела между ним и социальным вспомоществованием, целенаправленного предоставления пособий наиболее нуждающимся.

В качестве мер корректировки социальной политики во многих странах развернулся поиск новых соотношений базовых принципов социальной политики, таких размеров и форм социальных гарантий, которые не подавляли бы стимулы к трудовой деятельности, не сдерживали бы рост экономики и эффективности.

В сфере образования, здравоохранения и социального страхования все более активную роль стали играть принципы конкуренции и частного менеджмента в управлении данной сферой, а также структуры частного бизнеса. Много надежд возлагается на более широкое применение личных пенсионных планов, что свидетельствует об усилении позиций личного (непубличного) страхования.

В качестве новых подходов предлагается концепция «благосостояние – для труда», сутью которой является идея «обучения в течение всей жизни», что позволяет гражданам быть включенными в общество на протяжении всего периода трудовой жизни.

Таким образом, в последние 30 лет на социальную политику государств экономически развитых стран стали влиять противоречивые факторы. Одна их группа связана с ростом продолжительности жизни и увеличением доли лиц старших возрастов, нуждающихся в дорогостоящих лекарствах и длительном уходе, что вызывает необходимость увеличения государственных расходов. Вторая группа факторов связана с увеличением доли населения, живущего длительное время на пособия по безработице, что становится весьма обременительным для государственных бюджетов. Представители бизнеса и политики высказываются за отказ от модели государства всеобщего благосостояния, взамен которой они предлагают модель социального контракта (*workfare*), основанную на том, что те, кто получает социальное пособие по безработице, в момент его оформления в социальных службах подписывают договор, в основе которого лежит обязательство работать.

Модель социального контракта в той или иной форме применяется в США, Швеции, Германии и Франции. Например, во Франции социальные контракты предусматривают, что значительную часть расходов на трудоустройство безработных берет на себя государство, в случае их поступления на работу выплачивая им в течение 3–12 месяцев от 65 до 85% заработной платы и страховые взносы в системы пенсионного и медицинского страхования. Такой порядок социальной поддержки выгоден для работодателей, существенно снижающих их расходы на рабочую силу.

В условиях новых мировых реальностей национальные системы социального страхования требуют модернизации с позиции государственного и договорного регулирования заработной платы, занятости населения, новых пропорций и механизмов распределения доходов населения.

Государственная социальная политика призвана применять более эффективные механизмы, направленные на повышение как уровня социальной защиты населения в целях социальной справедливости, так и удовлетворения социальных потребностей людей и увеличения тем самым человеческого потенциала с целью повышения конкурентоспособности страны.

Второй демографический переход и старение населения также вызывают необходимость применения различных институтов, формирующих доходы пенсионеров и обеспечивающих

их социальную поддержку, в финансировании которых должны принимать участие не только работодатели, но и сами работающие. Важным шагом на пути практического повышения ответственности работающих мог бы стать механизм личных персонифицированных счетов застрахованных граждан, включающих в свой набор, помимо пенсионного, другие разновидности социального страхования: медицинского в пожилом возрасте и по уходу для людей старших возрастных групп.

Широкий круг экономических, социальных и политических вопросов, которые связаны с выработкой мер, направленных на реформирование системы заработной платы и увязки ее с пенсионной системой, требует тщательного анализа и выработки соответствующей общенациональной стратегии [5–6]. Важнейшими из них являются:

1) повышение в среднесрочной перспективе размера МРОТ до 40% от величины средней заработной платы;

2) законодательное решение вопроса собственности страховых пенсионных средств (страховых и накопительных);

3) увеличение размера страховых тарифов системы обязательного социального пенсионного страхования (второй уровень) и доведения их величины до 18% от размера заработной платы;

4) формирование системы обязательного социального страхования в связи с безработицей.

Обеспечение финансовой устойчивости системы социального страхования России возможно с помощью вовлечения в этот процесс самих работников и установления жестких законодательных правил по увязке объема взносов и размеров пенсий и пособий.

Литература

1. Троцкий Л. Литература и революция. – М.: Политиздат, 1991.
2. Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011/ Под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. – М.: ПРООН в Российской Федерации, 2011.
4. Маршалл А. Основы экономической науки /Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2007. – С. 673–705.
5. Роик В. Д. Труд и качество трудовой жизни: практика и теория регулирования в западных странах и России. – М.: Проспект, 2017.
6. Роик В. Д. Государственное и договорное регулирование заработной платы и пенсионного обеспечения. Зарубежный и отечественный опыт. – М.: МИК, 2008.

Проблемы эффективного стимулирования агента в системе публичных закупок

Д.С. ХВАЛЫНСКИЙ, кандидат экономических наук, начальник управления стратегии, анализа и мониторинга, Алтайский государственный университет, Барнаул. E-mail: hvalynskij@email.asu.ru

В статье проанализированы модели стимулирования и результаты реального функционирования системы публичных закупок. По итогам проведенного исследования предложено введение в систему публичных аукционов финансовых экстерналий, при которых проигравшие участники станут предпочитать, чтобы победитель получил как можно меньший доход. Данный подход может быть использован в процессе совершенствования закупочных процедур для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: государственный заказ; закупки для государственных нужд; эффективность закупки; аукцион; закон № 44-ФЗ; экономия бюджетных средств; контрактная система

Материальное стимулирование – это та область экономических отношений, в которой наука управления в настоящее время имеет достаточно серьезные и главное – количественно измеримые результаты. Тем не менее исследование проблемы стимулирования в системе публичных закупок до сих пор актуально, так как именно в этой сфере общие модели и базовые системы стимулирования работают плохо. Другими словами, наблюдается значительный разрыв между теорией и практикой. В данной работе мы попытаемся установить более тесные связи между результатами анализа теоретико-игровых моделей стимулирования и реальным функционированием системы публичных закупок.

Теоретические аспекты совершенствования системы государственных закупок были предметом исследования Ф.Т. Алескерова, А.Е. Иванова, В.В. Мельникова [1–3]. Вопросам мотивационного управления посвящены работы Д.А. Новикова, В.В. Засканова, М.М. Юдкевич, С.М. Гуриева, А.В. Щепкина [4–6]. Среди зарубежных ученых в этом направлении активно работали нобелевские лауреаты последнего десятилетия – Л. Гурвиц, Э. Маскин, Р. Майерсон, О. Харт, Б. Хольмстрем и др. [7–8].

Перечисленные работы, посвященные в том числе теоретико-игровому моделированию аукционных закупок, основаны на допущении о добросовестности аукциониста, т.е. рассматривают ситуацию, при которой аукционист, закупая продукцию, всегда выбирает действие, которое выгодно заказчику. Однако даже в таких условиях Р. Майерсон говорит о том, что не существует оптимальных аукционов, не заставляющих аукциониста иногда платить деньги участникам торгов [8].

В то же время ни одна из работ, в которых анализируется влияние коррупционных явлений на закупочные процедуры, не сопровождается построением экономико-математических моделей стимулирования аукциониста к реализации интересов заказчика. Попытаемся смоделировать аукцион, в котором минимизируется информационная рента как участников аукциона, так и представителей заказчика – аукциониста и контрактного управляющего.

Алгоритм закупки, как правило, следующий: заказчик поручает своим агентам приобрести продукцию с определенными характеристиками и обозначает максимально приемлемую стоимость данной сделки. При этом далеко не все заказчики одновременно назначают своим агентам бонус за экономию средств по результатам закупки или определяют довольно низкий процент от такой экономии (5–10%). Например, такой публичный заказчик, как российское государство, требует от контрактного управляющего закупать продукцию посредством открытых электронных аукционов, предполагая, что соблюдение всех законодательно установленных правил проведения данной процедуры автоматически обеспечит максимальную экономию средств. Поэтому никакого бонуса за достигнутую экономию в системе российских публичных закупок не предусматривается.

Однако поставщики, осознавая прямую зависимость своей прибыли от цены контракта и характеристик продукции, поставляемой по результатам аукциона, готовы предложить аукционисту любой размер бонуса (как правило, в виде взятки), при условии, что он строго меньше того дополнительного дохода, который поставщик получит сверх стандартного исхода аукциона.

В таких условиях аукционист и/или контрактный управляющий могут рассчитывать не на 5–10% бонуса от заказчика, а на многократно большее предложение поставщика, на практике

обычно – 15–30% от дополнительного дохода. В указанных условиях для максимизации своей выгоды заказчику остается только два направления действий.

Во-первых, заказчик может сам обозначить характеристики закупки и ее цену на минимальном рыночном уровне, минимизировав таким образом дополнительный доход, на который может влиять аукционист или контрактный управляющий. Такие решения в настоящее время прослеживаются в российском законодательстве. Согласно положениям закона № 44-ФЗ к 1 января 2018 г. Минэкономразвития РФ должно создать каталог товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, который представляет собой перечень типовых максимально детализированных технических заданий. В результате законодатель намерен лишить контрактных управляющих возможности изменять технические требования к закупаемой продукции по своему усмотрению и тем самым воздействовать на дополнительный доход. Вместе с тем такое решение, с одновременной минимизацией начальной цены закупки, может привести к росту количества несостоявшихся закупок.

Такая оценка автора обусловлена тем, что уже в настоящее время (в условиях отсутствия жестких детализированных требований к закупаемой продукции и массового завышения заказчиками начальных (максимальных) цен аукционов выше рыночного уровня [9]) доля несостоявшихся аукционов (на которые не было подано ни одной заявки или подана только одна заявка участника) в России достигает почти половины от их числа. Согласно данным электронной торговой площадки «РТС-тендер» (второй после ЗАО «Сбербанк-АСТ» по объему торгов в России, проводимых в рамках федерального закона № 44-ФЗ), из 449 962 аукционов, проведенных в 2016 г., не состоялись 202 786. В связи с этим резкое ужесточение требований к поставляемой продукции с одновременным снижением начальных цен может сопровождаться высокими рисками возникновения нарушений в системах социального обеспечения населения в результате отсутствия заявок участников электронных аукционов.

Другим, более продуктивным, по мнению автора, решением может стать определение бонуса для проигравших поставщиков за снижение цены (увеличение дополнительного дохода) в результате проведения аукциона. Следует отметить, что определять

бонус от экономии для потенциального победителя в аукционе нецелесообразно, так как эта экономия одновременно является прибылью поставщика, который совершенно не заинтересован в увеличении дохода заказчика независимо от размеров выплачиваемых ему бонусов. Вместе с тем среди участников закупки все же остаются субъекты, способные повлиять на увеличение дополнительного дохода заказчика – это проигравшие в аукционе поставщики. Потерпев поражение в аукционе, они не получают никакого дохода вообще, и этим может воспользоваться заказчик, предложив им процент от экономии по результатам аукциона.

Введение в аукцион финансовых экстерналий, при которых проигравшие в аукционе станут предпочитать, чтобы победитель получил как можно меньший доход, приведет к результатам, рассмотренным в работах Maasland и Onderstal [10, 11]. Авторы показывают, что, если подобные финансовые факторы присутствуют, участники будут делать ставки более агрессивно в аукционе второй цены и английском аукционе, поэтому ожидаемый доход заказчика существенно повысится. Обоснование заключается в том, что, в отличие от аукциона первой цены, в аукционах второй цены и английском игроки могут напрямую влиять на уровень платежей победителя путем изменения своего предложения.

Следует отметить, что практика стимулирования наиболее сильного из проигрывающих участников к продолжению аукциона применялась в зарубежных странах еще с 1529 г. при продаже лесоматериалов, вина, специй, чая, кофе, книг, предметов искусства, цветов, финансовых ценных бумаг и недвижимости [12]. Более того, в 2004 г. П. Милгром доказал теоретически, что такой аукцион может привлечь больше участников, чем английский, и, следовательно, может обеспечить заказчику повышенную доходность [13]. К таким же выводам после проведенной серии лабораторных экспериментов пришли Дж. Гори и Т. Офферман, установив преобладание аналогичного аукциона не только над английским, но и над аукционом закрытых ставок при условии наличия существенной разницы в оценках контракта среди участников [14].

Таким образом, проведенный анализ механизмов стимулирования и влияния стратегий исполнителей на эффективность функционирования системы публичных закупок говорит об отсутствии оптимальных решений по стимулированию исполнителя

и экономии средств заказчика. Вместе с тем представленная модель стимулирования проигравших участников аукциона дает возможность минимизировать прибыль победителя аукциона, увеличивая тем самым дополнительную прибыль заказчика.

Литература

1. Алескеров Ф.Т. О моделях манипулирования при проведении конкурсов для государственных закупок // X Межд. науч. конф по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. / отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 1.– М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010.
2. Иванов А.Е. Способы размещения государственного заказа: что препятствует рациональности «добросовестного» заказчика. Научные доклады № 10 (R)–2007. – СПб.: НИИ менеджмента СПбГУ, 2007.
3. Мельников В.В. Институциональная трансформация механизма государственных закупок в постсоветской России: монография.– Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. – 220 с.
4. Юдкевич М.М., Подколзина Е.А., Рябинина А.Ю. Основы теории контрактов: модели и задачи.– М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 352 с.
5. Гуриев С.М. Конспекты лекций по теории контрактов.– М.: РЭШ, 2006.
6. Щепкин А.В. Внутрифирменное управление (модели и механизмы). – М.: ИПУ РАН, 2001.– 80 с.
7. Hurwicz L. & Schmeidler D. Construction of Outcome Functions Guaranteeing Existence and Pareto Optimality of Nash Equilibria // *Econometrica*. – 1978.– № 46(6). – P. 1447.
8. Myerson R. Optimal Auction Design. *Mathematics of Operations Research*. Vol. 6.– P. 58–73, 1981. doi:10.1287/moor.6.1.58
9. Хвалынский Д.С. Проблемы определения начальных цен публичных контрактов в России // *Аудит и финансовый анализ*.– 2016. – № 2. – С. 386–393.
10. Maasland E., Onderstal S. Auctions with Financial Externalities // *Economic Theory*.– 2006.– № 32 (3).– P. 551–574. doi:10.1007/s00199-006-0119-1
11. Maasland E., Onderstal S. Optimal auctions with financial externalities. *CentER Discussion Paper 21*, Tilburg University, 2002.
12. Van Bochove C., Boerner L., Quint D. Anglo-Dutch premium auctions in eighteenth century Amsterdam. Working paper, University of Wisconsin, 2016.
13. Milgrom P. *Putting Auction Theory to Work*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
14. Goeree J.K., Offerman T. The Amsterdam Auction // *Econometrica*.– 2004. – № 72. – P. 281–294.

Kordonsky S. G., Molyarenko O. A., *School of Public Administration, Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics", Moscow*

You Will not Grasp Her With Your Mind

One of the authors of the theory of administrative market Professor S. Kordonsky and Ph.D in Sociology O. Molyarenko discuss in the joint interview matters such as the efficiency of public administration in Russia, relationship between society and the state, country and Government. Experts share their personal observations based on the five years work experience in the RF President's Administration (S. Kordonsky) and a number sociological surveys in rural settlements in Russia's regions (O. Moljarenko). They conclude that the State as an institution and a Country as a society, community are in parallel realities. The subjects of democratic institutions simulation in strata (caste) society and the ineffectiveness of the education borrowed in the West are also addressed.

Strata; market; strata society; class society; rent in social strata; a statistical distortion; governance; shadow economy; repression

Molyarenko O. A., *School of Public Administration, Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics", Moscow*

Isolation Between the Authorities and the People in Rural Areas: Causes and Consequences

On the basis of the report by O. Molyarenko presented at the conference "T.I. Zaslavskaya Memorial Lectures in Novosibirsk". The author outlined some aspects of the statistical and other quantitative information collecting, which cause it's mis-reporting and distorting and, ultimately, twist the description of real situation in the perception of the government bodies. One of the consequences of such distortions is the ever-deepening isolation between the authorities and the people.

Authorities; population; statistics; reporting; optimization; rural settlements

Klistorin V.I., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Field Studies and Social Structures

The paper discusses the issues presented in the interview given by S.G. Kordonsky and O.A. Molyarenko's and published in this volume such as the strong and weak aspects of field studies, reliability of the statistics, what role the government plays in providing management with qualitative information, and whether the structure of society in Russia is of a caste nature.

Field studies; distortion of information; state; class and caste society; public policy

Zubkov K. I., *Institute for History & Archaeology, UB RAS, Yekaterinburg*

The Great Russian Revolution of 1917: A View Through the Centennial

On the basis of re-considering the issue of the social nature of the Russian state and society of the second half of 19th – early 20th centuries and detailed characterization of the absolutist regime and its inherent modernization policies, the article throws light on the social contradictions which called forth the Great Russian revolution of 1917. According to the author, the revolution made apparent the civilizational specificities of Russia as a country combining in its development the social dynamics characteristic of the societies of the West and the East. Inertia of traditionalism and the structural distortions of capitalist development had given the events of 1917 the character of progressive anti-absolutist revolution combining the features of the failed bourgeois revolution, the victorious peasants' revolt, the radical social turnover, and the traditionalist reaction.

Russia; revolution; modernization; tradition; absolutism; autocracy; bourgeoisie; capitalism; West; East

Voronov Yu.P., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Management Through Manipulation (about Nobel Prize on Economics 2017)

The direction in the field of behavioral economics, so called nudge theory is described. Chicago professor Richard Thaler had been awarded Nobel prize on economics 2017 for it. The article provides examples of nudge theory practical applications. Author indicates that this theory develops restricted rationality conception, experimental and non-price economics.

Nobel prize; behavioral economics; nudge theory; Chicago school; economic theory applications; non-price economics; experimental economics; restricted rationality

Shafranik Yu.K., Chairman LLC «Souz neftegaz», Kryukov V.A., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Is it Possible to Join «Space of Oil» and «Oil in Space»

Russia's oil-and-gas sector development has its unique features, determined not only by resources potential but substantial influence of spatial factor. Knowledge-based and innovative middle and small companies are having better prospects in an earlier developed regions while new areas development better suits to the big vertically-integrated companies which have to play leader's role.

Hydrocarbons; spatial development; vertically integrated companies; innovative middle and small companies; East of Russia

Netesov S. V., Novosibirsk State University, Novosibirsk

Federal Investment in Biopharmaceutical Industry is the Key to our National Biosafety

ECO-magazine carries on the theme raised in the № 6/2017 on the prospects for and the problems involved of biotechnological cluster in Novosibirsk. We publish an interview with a "veteran" of the Siberian Biotech, well-known scientist in the field of virology, molecular biology and medical biotechnology, Doctor in Biology, Corresponding member of RAS Sergei V. Netesov. He has been present at the establishment of a number of biopharmaceutical companies in the Novosibirsk region.

Biotechnology; biopharmaceuticals; virology; Vector; biosecurity; investment

Schibanov A. P., Novosibirsk Region Energy Saving and Efficiency Fund, Novosibirsk

What Power Capacity Reserves are For?

The author argues that fee for capacity reserves creation in fact reclassified in modern Russia as constant payments instead of one-time costs. So it's surcharge to tariff, and doesn't increase power systems reliability directly.

Power reserves; electric energy supplier; energy market; capacity market; power systems reliability; constant payments; surcharge to tariff

Fadeeva O. P., Nefedkin V. I., Institute of Economic and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk

Verticals and Horizontals of Rural Tatarstan

The article presents the results of the first stage of a joint interdisciplinary project on the study of Russian and Tatar villages in different regions of the Volga and Siberia region, in which sociologists, economists and historians from the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences and the Institute of History of Academy of Sciences of Republic of Tatarstan. During the scientific expedition (July, 2017), a survey was conducted in 10 rural settlements of 5 municipal districts of Republic of Tatarstan. The focus of the study was the features of managing the functioning and development of rural settlements with different national composition. According to the authors, local specificity is largely determined by the high integration of rural self-government into the rigidly subordinated republican vertical of power. There are also noticeable differences between the regions, due to their resource potential, personal qualities and political capital of the heads of regional and

rural administrations, their interaction with the republican and local elites. The desire to preserve national identity, the most prominent in settlements with the predominance of the title ethnic group, has a significant impact on local (formal and informal) economic and socio-cultural practices and, finally, on the results of the activities of the rural self-government bodies.

Republic of Tatarstan; power vertical; rural communities; economic practices; local self-government; self-organization; national identity

Pechenskaya M. A., Federal State Budgetary Institution of Sciences Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences, Vologda

Non-Tax Revenues of Russian Regions: Trends and Growth Opportunities

The article pursues as its main goal the study of the problems of growth of one of the components of the revenue potential of the territories – non-tax revenues. Based on the official statistics of Rosstat, the 11-year dynamics of non-tax revenues of the budgets of the constituent entities of the Russian Federation was analyzed. Their insignificant role in filling the regional treasury and increasing their own budget revenues is shown. Statistical comparisons of the significance of non-tax revenues in Russia and foreign countries are presented. The results of a study of problems of the implementation of privatization programs for property of Russian regions are shown. The key factors that led to non-fulfillment of the forecast plan of privatization of a number of subjects of the Russian Federation were systematized. The experience of Russian regions on increasing property income is highlighted. Measures are proposed to increase the effectiveness of attracting to the budget revenues from the use of property and lands.

Non-tax revenues; state property; municipal property; privatization of property; income potential; management

Khovavko I. Yu., Moscow State Lomonosov University, Moscow

Sustainable Development: the Local Know Better

The article is devoted to the analysis of the mechanism of environmental regulation in the Russian Federation from the point of view of observing the interests of the local population. It is shown that the economic basis of environmental conflicts is the distribution of external environmental costs from the degradation of the natural environment, so the internalization of negative externalities is an essential part of the environmental regulation system. However, a significant part of the prerequisites for the emergence of environmental conflicts lies in the field of the prevailing socio-political model of development, that is, outside the system of environmental regulation. The local population should participate in making decisions about the development of its own territory, since it is the most able to ensure long-term sustainable use of the territory's resources.

Sustainable development; environmental conflicts; ecological externalities; environmental regulation

Ezrokh Yu.S., Novosibirsk State University of Economics and Management National Research, Novosibirsk

On the Perspectives of Changing the Landscape of the Russian Banking System: Who Will Win?

The article substantiates that the Bank of Russia's position on the functioning of the institution for the rehabilitation of commercial banks is a significant factor in changing the structure of the domestic banking system at the present stage. The possible change in the landscape of the banking system within the framework of the three main options for the regulator's actions is defined: financial recovery: a) system-forming banks; b) large and medium-sized banks; c) all types of banks. The following is proved: a) the inevitability of strengthening the degree of monopolization of the banking sector in any case; b) the possibility of reducing the negative effect when using a combination of

“hard” and “soft” mechanisms, the main directions of which are determined for the first time.

State-owned banks; restructuring of the banking system; monopolization of the banking sector; monopoly in the banking sector

Fedulova E. A., Babich O. O., Akulov A. O., Rada A. O., Savina Ju. Ju., Kemerovo State University, Kemerovo

Russian Market Wagon for Transportation of Bulk Food Cargoes: Trends and Prospects

The article substantiates the need for inter-sectoral coordination of the development of the food industry and the transport complex. Describe the state of the market of cars for the transportation of liquid food process, evaluated its prospects, taking into account the forecast of the dynamics of transportation of bulk food cargoes. The need to exclude ineffective unsafe schemes for the transport of liquid bulk cargo is underlined. The forecast is fulfilled of the need for tank wagons; the expediency of expanding their production is justified.

Food products; vegetable oil; railway transport; tank wagons; liquid cargo

Roik V.D., All-Russia Research Institute of Labor, Ministry of Labor and Social Security, Moscow

Labor and Quality of Working Life: Experience of XX Century and Perspective in XXI

The article is devoted to organization of labor and quality of working life from aspects of experience and theory their regulation in period foundation and development industries society and in the middles perspective. The article presents new point of view to analyses of labor: concept of quality of working life, methodology basic on world of work, long time, devoted and social security mechanisms, budgetary policies of state, safe of work and health of workers.

Labor; quality of working life; organization of labor

Khvalynskiy D. S., Altai State University, Barnaul

The Problem of Incentive Mechanism in the System of Public Procurement

The paper considers the problems of incentives in the system of public procurement, analyses game-theoretic models of incentives in the real functioning of the public procurement system. The results of the study suggested the introduction of the system of public auctions with financial externalities, in which the losing bidder will prefer the smallest revenue of the winner. The author's proposed approach can be used in the process of improving procurement procedures for state and municipal needs.

Public procurement; the effectiveness of the auction; the law No. 44-FZ; budget savings; the contract system

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства). 2018. № 1. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru, ecotrends.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2018. Подписано к печати 23.12.17

Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 590. Заказ 167.

Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «НАУКА»
630077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25

В следующих номерах Вы прочтете:

Тема номера: Воспроизводство человеческого капитала в России

- Методологические проблемы анализа и прогнозирования воспроизводства человеческого капитала в России
- Экономические последствия изменения возрастной структуры населения России

А также:

- В поисках утраченного равновесия: между госрегулированием и рыночной неопределенностью
- Импортзамещение в контексте национальной продовольственной безопасности
- Инновационная бюрократия
- Мир глазами мэров
- Что определяет различия в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в регионах России?
- Социальные измерения занятости и безработицы инвалидов
- Жилищная дифференциация в постсоветской России
- О решении экологических проблем Байкальской природной территории
- Электроэнергетика вновь перед выбором
- Сравнительно-исторические аспекты развития энергетического права
- Оценка эффективности политики и направления инвестиционного развития в муниципалитетах Севера и Арктики
- Какова эффективность государственного управления на региональном уровне?
- Казахстан: этапы экономического прогресса за 100 лет
- Учет влияния инвестиционного климата в регионах на развитие облигационного рынка
- Российские фонды прямых частных инвестиций: новая экономическая и инвестиционная реальность
- Анализ эффективности государственной поддержки малых предприятий в субъектах РФ
- Практика реализации проектов с государственным участием в России и риски их развития
- Коллаборация как источник трансформации бизнес-моделей
- Между дирижизмом и этатизмом: новации государственно-экономического строительства в Сибири (1914–1920)